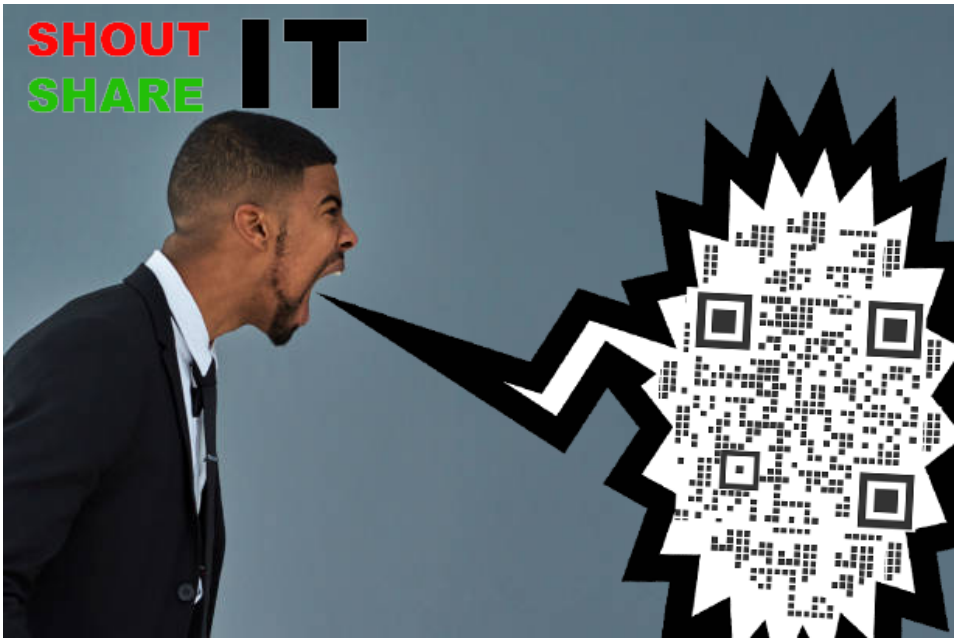
МАРК
ЯКОВЛЕВ
БРОДСКИЙ
и судьбы трех
женщин


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга – еще одна попытка разгадать Бродского и рассказать о его жизни. Не сухое литературоведение, а исследование творчества поэта через судьбы трех женщин, оказавших большое влияние на его жизнь. Это очень личная биография, автор которой через собственные эмоции пытается найти понимание духа времени и его воплощение в фигуре Бродского. «Говорят, если человек отравился цианистым калием, то он кажется нам мертвым, но ещё около получаса глаза его видят, уши слышат, сердце бьётся, мозг работает. Поэзия Бродского есть в некотором смысле запись мыслей человека, покончившего с собой». Книга иллюстрирована рисунками поэта, редкими фотографиями и материалами из личных архивов героев.

- Марк Яковлев
  -
  - Благодарности
  - Предисловие
  - Как рождалась книга
  - Не унесенная ветром (биографическое эссе к юбилею Валентины Полухиной)
    - Предисловие автора
    - Краткое объяснение в любви
    - В начале было Слово, и Слово было: «Маршал Ворошилов на лыжах»
    - Бытие: гордыня пани Баникевич-Гронской и запах прогнившей картошки
    - Письмо Одиссея сыну Телемаку из Греции с чемпионата Европы по футболу 2004 года
    - Исход: колобок Валентины Полухиной, или От Урюпа до Лондона
    - Левит: Иосиф, или Одиночный в поле зрения
    - Поэт как перекресток своего языка, величия замысла и нового взгляда на мир
    - Числа: Счетовод Бродского, или «Треугольник Пифагора» и «квадрат Полухиной»
    - Второзаконие: искусство брать интервью и моя «почти новая» замшевая куртка
    - Даниел, или Любовь, тепло и забота
    - Фонд русских поэтов и клятва пионеров Советского Союза

- Кот Исси, или Примечания к Котиниане
- Юбилей, или «Иных уж нет, а те далече, но остаются части речи»
- МЕДАЛЬОН, или ПОЛТОРЫ АНГЛИЧАНКИ
- Пастушка и Коты, или Кошачьи Врата Рая
- Картина-метафора жизни Валентины Полухиной, или «В чистом поле мчится скорый…»

○ Настежь, или Все лики любви
- Предисловие
- Часть 1. До Тебя, или Curriculum Vitae (1956–1981)
- Часть 2. С Тобой, «Раньше» (1981–1989), или Парадоксы книги «Наизусть»
- Часть 3. Без Тебя – Ничего. Nulla (1989–1996)
- Часть 4. После Тебя, «Потом», или «Твое Эхо» (1996–2012)
- Часть пятая или Часть речи: «Continue, continue, continue…»

○ Бродский и неизвестная Иския
- I. «Недостающее звено»
- II. «Остров счастья», или «Из бесконечного в конечное»
- III. «Рок, не щадя причин, топчется в нашем прошлом»
- IV. «Справедливость иногда бывает…»
- Литература

○ Корни и кроны
- Предисловие
- Корни дерева Эвелины Шац
- Кроны дерева Эвелины Шац
  - Крона Поэта
- Крона Бродского
- Крона Беллы, или Под сенью московско-миланских балкончиков
- Крона художника, или Переплавка вечности
- Крона нарциссизма и самоиронии
- Крона стихов без признаков места и времени
- Крона зав. библиотекой на острове оставшегося времени в Тихом океане
- О Пустоте Платонова

○ «Бродский-Барышников» – звенья одной цепи
- 1. Веселое предисловие к невеселому спектаклю и три попытки посмотреть его

        - 2. Невеселый спектакль: Начало, или Застекленный куб времени
        - 3. Новые переводчики Бродского
        - 4. Memento mori («Помни о смерти», лат.)
        - 5. Личное чтение Барышникова
        - 6. Три танца на стихи Бродского
        - 7. Благая весть: «все люди смертны», но «со смертью не все кончается»
        - 8. Прости художнику, Господи, не ведает, что творит
        - 9. Бродский-Барышников – звенья одной цепи
        - 10. Серебряная цепочка памяти
    - Послесловие
        - Отзывы читателей из интернета на эссе «Не унесенная ветром»
        - Отзывы читателей из интернета на эссе «Настежь, или Все лики любви»
        - Отзывы на эссе «Бродский и неизвестная Иския»
        - Отзывы на рецензию к спектаклю «Бродский-Барышников» – звенья одной цепи
        - Отзывы на эссе о жизни и творчестве Эвелины Шац «Корни и кроны»
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2

Марк Яковлев
Бродский и судьбы трех женщин

Моим детям,
родившимся в России,
выросшим в Европе,
но не забывшим русский язык.

Рисунки Иосифа Бродского из архива Эвелины Шац публикуются с разрешения Фонда Бродского

© Марк Яковлев, текст
© Czaslaw Czaplinski, фото на обложку
© ООО «Издательство АСТ»

Благодарности

Прежде всего автор благодарит героинь своих эссе Валентину Полухину (Лондон), Аннелизу Аллева (Рим) и Эвелину Шац (Милан – Москва) за добрую волю, важные замечания и возможность пользоваться материалами их личных архивов, без чего книга биографических эссе не смогла бы увидеть свет.

Автор благодарит Михаила Барышникова (Нью-Йорк) за согласие включить в книгу рецензию на спектакль «Бродский – Барышников».

Автор выражает благодарность генеральному директору издательства «Пушкинского фонда» Алексею Гордину за выдвижение эссе «Настежь, или Все лики любви» на российско-итальянскую литературную премию «Белла», благодаря чему эссе вошло в лонг-лист премии.

Мне также хочется поблагодарить главного редактора литературно-художественного интернет-журнала «Za-Za» и бумажного журнала «БумЖур» (Дюссельдорф, Германия) Евгению Жмурко, где впервые были опубликованы биографические эссе о Валентине Полухиной и Аннелизе Аллева.

Автор благодарит профессора Пизанского университета Стефано Гардзонио (Stefano Garzonio), а также поэта и переводчика Глеба Шульпякова за помощь в публикации эссе «Tutte le facce dell'amore» («Все лики любви») в итальянском литературном журнале «Semicerchio».

Особая благодарность редактору журнала «Новый мир» Владимиру Губайловскому за помощь в публикации двух эссе и рецензии на спектакль латвийского режиссера Алвиса Херманиса «Бродский – Барышников».

Автор сердечно благодарит замечательного фотохудожника Чеслава Чаплинского, любезно предоставившего один из лучших фотопортретов Иосифа Бродского (с котом Миссисипи) для обложки книги.

И наконец, автор выражает благодарность «Фонду Бродского» («Brodsky Estate»), с любезного разрешения которого в книге публикуются оригинальные рисунки Иосифа Бродского из архива Эвелины Шац, включая рисунок любимого кота поэта Миссисипи.

Автор Марк Яковлев
Штутгарт, Германия, июнь 2017

Предисловие

Когда начинаешь писать книгу, то, конечно, не думаешь о тех, кто ее будет читать. Книгу пишешь потому, что, как сказал кто-то из великих, не можешь ее не писать.

Об этом знает любой, кто написал хотя бы одно стихотворение, хотя бы одну строчку: пишешь почти автоматически, тобой что-то движет, и так рождаются стихи, рассказы, эссе, книги. О том, как родилась моя третья книга, я расскажу в следующей главе.

А сейчас замечу: еще пишешь потому, что просто самому интересно, чем же закончатся биографические эссе или рецензия в твоей собственной книге? Заканчиваются же все истории необычно и непредсказуемо даже для самого автора.

Вопрос: «Кто читатели вашей книги?» возникает потом, когда начинаешь предлагать книгу издательствам. И надо ответить на него не только издателю и читателю, но и самому себе. В наше время сделать это довольно легко, поскольку Интернет, как «*Бог сохраняет все; особенно – слова прощенья и любви…*», и слова эти можно найти в Интернете, а отзывы читателей, кто читатели и откуда они – в послесловии к книге.

Читатели книги прежде всего те, кому интересны остросюжетные, уникальные биографии неординарных личностей. Большинство людей плывут по течению, родились и просто плывут. Героини же биографических эссе, как и Бродский с Барышниковым, относятся к тому редкому меньшинству, которое само творит свои судьбы.

Читатели книги также те, кто интересуется жизнью и творчеством Иосифа Бродского, новыми неизвестными материалами о нем и взглядами трех женщин на поэта с трех разных точек зрения. Одну из глав книги можно было бы так и назвать: «Бродский без бронзы» или «Бродский в трехмерном пространстве», потому что героини эссе видят и любят поэта живым, с трех разных точек зрения, со всеми его достоинствами и недостатками.

И наконец, читатели книги те, кто интересуется поэзией, потому что три героини биографических эссе всю свою жизнь служат, если говорить высоким стилем, «Ее Величеству Поэзии». О служении поэзии и спектакль Алвиса Херманиса «Бродский – Барышников».

Валентина Полухина – ведущий в мире исследователь творчества поэта и нобелевского лауреата Иосифа Бродского, почетный профессор славистики Килского университета, Англия,

опубликовала 15 книг о жизни и творчестве поэта. В. Полухина награждена Британским литературным обществом медалью Бенсона за развитие российско-британских культурных связей.

Аннелиза Аллева – итальянская поэтесса и переводчица, подруга Иосифа Бродского, автор 8 книг стихов, последняя из которых, «Наизусть», 2016 года, вся адресована поэту. А. Аллева лауреат многих итальянских и российских литературных премий.

Эвелина Шац – русско-итальянская поэтесса и художница, многолетняя знакомая Иосифа Бродского, автор 20 книг стихов на итальянском и русском языках (в том числе стихов, посвященных И. Бродскому, Б. Ахмадулиной и другим деятелям русской и итальянской культуры). Э. Шац лауреат нескольких итальянских поэтических премий.

Михаила Барышникова представлять не надо: он известный во всем мире танцовщик и хореограф, друг Иосифа Бродского. Спектакль «Бродский – Барышников» латвийского режиссера Алвиса Херманиса, эссе-рецензией на который начинается книга, – уникальный синтез поэзии и хореографии.

Книга иллюстрирована неизвестными рисунками И. Бродского, редкими фотографиями поэта и другими новыми интересными материалами из личных архивов героинь эссе.

Как рождалась книга

Книги рождаются по-разному: одни легко и быстро, другие пишутся тяжело и медленно, иногда всю жизнь. Моя четвертая книга «Бродский и судьба трех женщин» родилась легко, сама собой, «автоматически» и почти независимо от автора.

Все началось с юбилея Валентины Полухиной в Лондоне в июне 2016 года. Желая сделать Валентине необычный подарок, я написал эссе «Не унесенная ветром» – о ее жизни и трудах, а вернувшись из Лондона с юбилея, добавил несколько редких фотографий Иосифа Бродского, взятых из архива В. Полухиной, и опубликовал эссе.

Прочитав эссе о В. Полухиной, итальянская поэтесса и переводчица Аннелиза Аллева в знак благодарности прислала мне свою новую книгу стихов «Наизусть», 2016 года, вдохновленную Иосифом Бродским и писавшуюся 30 лет.

Я прочитал книгу стихов Аннелизы и написал еще одно эссе «Настежь, или Все лики любви» – о жизни и творчестве поэтессы, добавив туда две странички из ее дневника, ее редкие фотографии и опубликовал второе эссе в ноябре 2016 года.

Прочитав эссе об Аннелизе Аллева, российско-итальянская поэтесса и художница Эвелина Шац прислала мне в подарок несколько своих поэтических книг и написала восторженный отзыв: «Прочла эссе об Аннелизе и ее книге «Наизусть» на одном дыхании. Спасибо. В Москве обязательно приобрету книгу. Сколько же у Вас теплого терпения и нежности в прочтении стихов Аннелизы Аллева. Подуло трепетным ветром ностальгии, памяти об Иосифе. Потекли, побежали уже его строчки. Не это ли вечность – ПАМЯТЬ?»

Оказалось, что Эвелина *познакомилась с Иосифом еще в Ленинграде весной 1972 года, незадолго до изгнания поэта с родины. На Западе их жизненные пути пересекались в Америке и в Италии.*

Прочитав книги стихов Эвелины Шац, в том числе и стихотворения, посвященные И. Бродскому, я написал следующее эссе «Корни и кроны» – о жизни и многогранном творчестве Эвелины Щац.

Кроме этого, Эвелина оказалась еще и «Бурлюком Бродского»: точно так же, как Давид Бурлюк сохранил для потомков стихотворения Велимира Хлебникова, Эвелина сохранила замечательные рисунки Иосифа Бродского (в том числе рисунок любимого кота Миссисипи), подаренные ей поэтом на Сицилии в июле 1990 года.

Прочитав эссе об Эвелине Шац «Корни и кроны», моя дочь, которой больше всего понравилась глава «Крона Бродского», сказала, что латвийский режиссер Алвис Херманис привозит в Германию спектакль «Бродский – Барышников» и теперь мы просто обязаны посмотреть его!

Однако посмотреть спектакль, где известный танцовщик и хореограф Михаил Барышников читает стихи своего друга Иосифа Бродского и исполняет несколько танцев по мотивам его произведений, мне удалось с большими приключениями и только с третьей попытки. Так родилась рецензия на спектакль *«Бродский – Барышников».*

К сожалению, Михаил Барышников пока не планирует показывать спектакль в России, и поэтому рецензия на него может быть особенно интересна российским читателям.

Не унесенная ветром (биографическое эссе к юбилею Валентины Полухиной)

Предисловие автора

Почетный профессор Килского университета, Англия, Валентина Полухина (ВП) является ведущим в мире исследователем творчества Иосифа Бродского (ИБ).

Она выпустила полтора десятка книг о творчестве нобелевского лауреата, составляла и редактировала многие сборники стихов русских поэтов.

ВП является организатором Фонда русских поэтов, пригласившего в Англию за счет Фонда около ста поэтов со всего мира, пишущих на русском языке. Ее вклад в развитие современной русской поэзии, как в России, так и за рубежом, очень велик.

В 2014 году ВП была удостоена главной награды Британского литературного общества (The Royal Society of Literature) – медали Бенсона за заслуги в развитии российско-британских культурных отношений. Дело в том, что в последние годы она организует переводы на русский и публикации в России британских поэтов. Из последних см. стихи нынешнего поэта – лауреата Великобритании Кэрол Анн Даффи в журнале “Гвидеон”, номер 15, 2016 год.

И вот теперь поэты воздали Валентине Полухиной сторицей: к ее юбилею вышла антология стихов, посвященных ВП: «Пастушка русских поэтов».

Краткое объяснение в любви

Что сказать мне о жизни?
Что оказалась длинной».

Иосиф Бродский

Девочка, тебя на следующем повороте
сдует ветром с подножки!..

Машинист поезда

Мне хочется написать о Валентине Полухиной не как о бронзовом памятнике, въехавшем в историю, по ее собственным словам, «на хвосте у Бродского», а как о живом человеке, которого я люблю.

К предисловию антологии «Пастушка русских поэтов» ВП взяла эпиграф из Бродского: «Жизнь каждого человека – миф, творимый им с помощью немногих свидетелей».

Автор – один из таких свидетелей, и он будет стараться придерживаться вектора, заданного великим поэтом. Поэтому мои воспоминания не что иное, как продолжение мифа, как мнение частного лица, не претендующее ни на какую объективность. Да и нельзя быть объективным по отношению к человеку, которого любишь.

В начале было Слово, и Слово было: «Маршал Ворошилов на лыжах»

В конце 80-х годов прошлого века, когда Иосиф Бродский уже был нобелевским лауреатом, ректор Килского университета в Средней Англии показывал свое хозяйство коллегам-преподавателям из перестроечной России. В гостиной старинного университетского строения из красного кирпича ректор рассказал нам историю большого камина викторианской эпохи, а потом заметил, что в этих стенах некоторое время жил великий князь Михаил Романов, внук Николая I, с супругой, внучкой А.С. Пушкина, Софьей Николаевной Меренберг. Затем ректор представил гостям профессора кафедры славистики Валентину Полухину и попросил ее провести русских коллег по университету.

Красивая женщина с шалью, наброшенной на плечи, не говоря ни слова ни о камине, ни о Михаиле Романове, сразу же с места в карьер объявила, что в университетской библиотеке часто работает Бродский, и это основная достопримечательность Килского университета.

Надо заметить, что Бродский, хотя к тому времени и получил Нобелевскую премию, но широкому кругу читателей на родине был мало известен. Мой коллега, пытаясь поддержать разговор, понимающе закивал головой и радостно объявил, что он знает такого художника – Бродского и видел его картину «Маршал Ворошилов на лыжах».

Валентина пристально посмотрела на моего коллегу, слегка улыбнулась и холодно произнесла: «Молодой человек, у вас такой тонкий английский юмор». Она не могла себе даже представить, что существуют люди, не знающие, кто такой Иосиф Бродский.

Коллега, приободренный похвалой, предложил Валентине сфотографироваться с ним в знаменитой гостиной у старинного английского камина.

Но Валентина, вероятно, усомнившись в «тонком английском юморе» моего коллеги, ответила: «Я сфотографируюсь только с тем из вас, кто прочитает хотя бы одно четверостишие из Бродского!» Наступила томительная пауза. Ваш покорный слуга понял, что речь идет о «чести мундира». Пытаясь не ударить в грязь лицом и поскребя по сусекам своей самиздатовской памяти, я выдохнул:

Здесь снится вам не женщина в трико,

А собственный ваш адрес на конверте,
Здесь утром, видя скисшим молоко,
Молочник узнает о вашей смерти.

Валентина подошла ко мне, подхватила под руку, и фотограф нажал на кнопку.

Так началось наше знакомство, длящееся уже более четверти века. Потом я написал стихотворение, посвященное Валентине, «Медальон, или Полторы англичанки» и снял по нему поэзофильм с рисунками А.С. Пушкина (поэзофильм «Медальон» вы можете посмотреть на YouTube, набрав в Google: Поэзофильм Медальон Марк Яковлев).

Бытие: гордыня пани Баникевич-Гронской и запах прогнившей картошки

ВП родилась в июне 1936 года в глухой сибирской деревне Урюп, куда ее предки по матери были сосланы после подавления польского восстания 1863 года. Девичья фамилия ВП – Борисова, а девичья фамилия матери – Баникевич-Гронская. Валентина хорошо осознает и самокритично говорит, что ее ершистый характер и строптивость – от гордыни польской шляхты. Гордыня, как известно, один из семи смертных грехов, но она же и достоинство, не позволявшее Валентине смириться с тяжелыми жизненными обстоятельствами и научившее ее с раннего детства говорить «нет». Как писала замечательная поэтесса Маша Калеко в «Интервью с самой собой»:

Я в городе невзрачном родилась,
где – церковка, два-три ученых сана
и крупная больница (как ни странно —
«психушка»), что за годы разрослась.
Я в детстве часто говорила «нет».
В том радости для близких было мало.
Я и сама бы, право, не желала
такую дочь произвести на свет.

(Перевод с немецкого Марины Гершенович.)

Вот один из примеров гордыни «маленькой пани Баникевич-Гронской».

Семья Валентины жила бедно, как, впрочем, и большинство семей в деревне. Да, вдобавок к этому отец с матерью развелись и завели другие семьи. У отчима было много своих детей, которые часто приезжали к отцу. Его дети ели из общей миски, и вся эта картина выглядела не очень эстетично. Маленькая и гордая пани не могла видеть это «пиршество богов» и часто уходила из-за стола голодной.

А когда мать варила гнилую картошку для свиней, то маленькая пани сидела рядом, выбирала не совсем прогнившую, чтобы хоть что-нибудь поесть. «Не обращайте внимания, – говорила мать, – наша Валентина ест только с принцами или со свиньями. Людей она не признает».

Мать Валентины оказалась недалека от истины: через полвека ее дочь, профессор Килского университета, будет обедать

за одним столом с английским принцем Майклом Кентским, по матери из рода Романовых. Так что, читатель, иронизируя, шутя и мечтая, будь осторожен – мечты иногда сбываются!

Маленькая Валя рано научилась читать и считать: учебник арифметики для начальной школы Н.С. Попова, «Учпедгиз», Ленинград, 1937 г., она никогда не выпускала из рук и даже спала с ним в обнимку, вероятно, уже тогда предчувствуя, что арифметика понадобится ей, чтобы считать метафоры и другие тропы Иосифа Бродского.

Свою гордыню ВП пронесла через всю жизнь. Доказательством является другой пример из жизни «уже взрослой пани Баникевич-Гронской».

Звоню Валентине: «Как дела?» «Срочно нужны деньги на антологию поэтов о Бродском!» Меня это не удивило, потому что она всегда ищет деньги для других: то для приглашения поэтов в Англию, то для сборника русских поэтесс в английских переводах, то для антологии о Бродском, то для установки бюста Бродского в Килском университете, сейчас она ищет деньги для проведения фестиваля Бродского в Израиле…

«Да нет ничего проще!» – отвечает ваш покорный слуга. «Так подскажите, где их найти?» – с надеждой в голосе вопрошает Валентина.

«Возьмите необходимую Вам сумму и поделите ее между всеми авторами антологии. Ваши поэты последние штаны продадут, лишь бы попасть в антологию о Бродском!»

И вот тут на передний план выходит гордыня пани Баникевич-Гронской и заявляет:

«Я не могу брать деньги у бедных поэтов!»

«А у небедных поэтов можете брать деньги?»

Видимо, почувствовав ход моих мыслей, пани Баникевич-Гронская опять гордо говорит «Нет!» и переводит разговор на другую тему:

«Вы лучше пришлите для антологии свои стихи о Телемаке с эпиграфом из Бродского».

И тут со мной происходит необъяснимая метаморфоза: ваш покорный слуга, всю жизнь в отечестве привыкший гнуться и говорить только «да», неожиданно для самого себя отвечает:

«Нет, лучше возьмите в антологию стихи моего друга».

«Но почему – нет?!» – удивленно спрашивает Валентина.

«Не хочу вести «Разговор с небожителем» разноголосым хором в 200 человек. Хочу поговорить с ним тет-а-тет, без свидетелей».

«Ах, какой Вы гордый! – воскликнула гордая пани Баникевич-Гронская, и я почувствовал в ее голосе нотки ее матери. – Откуда

это у Вас, молодой человек?»

«Все-таки мой прадед, дед и отец родились в гордой Польше. Вероятно, у меня это оттуда же, откуда и у Вас…»

Письмо Одиссея сыну Телемаку из Греции с чемпионата Европы по футболу 2004 года

«Расти большой, мой Телемак, расти»

Иосиф Бродский

Посвящается сыну
Мой Телемак, тебе 16 лет!
Пусть Боги защитят от всяких бед,
всех победили греки – мы в финале!
Турнир футбольный вновь идет к концу
и португальцы, думаю, едва ли
нас одолеют… Мы придем к венцу
лавровому, и, сидя на привале,
прочти письмо, которое отцу
пристало написать тебе в начале.
Ничто не изменилось за века —
лишь обмелела Памяти Река!
Все жаждут зрелищ, вместо хлеба – пиво,
закончилась Троянская война —
кругом Вестфальский мир… Скажу на диво
играют гладиаторы в футбол
и усмиряют толпы так красиво:
забьют не человека, просто гол —
и плебс, как в древности, счастливый!
Арена превратилась вдруг в экран
и разнеслась по миру… Но ни ран,
ни войн и ни смертей не стало меньше:
в Афинах вновь огонь Олимпа блещет,
а в Мекке открывается Коран…
Все так, как много сотен лет назад!..
Но по экранам Архимеда взгляд
скользит – и не находит в них опору,
как будто Мефистофеля рука
на пульте телевиденья… Пока
ничто не изменилось за века —
и это не дает покоя взору!..
Расти, мой Телемак, расти большой!
Как Моисей, как твой Гомер, как Данте,
раскрой пред миром все свои таланты
наполненные смыслом и душой…

Твой Одиссей (на две седьмых лишь твой [1]).

Исход: колобок Валентины Полухиной, или От Урюпа до Лондона

Как я уже говорил, читать, писать и считать маленькая Валя научилась сама еще до школы: эту способность учиться она пронесла через всю жизнь, как, впрочем, и Бродский, который, не окончив школы, обладал энциклопедическими знаниями. В пятый класс колобок Валентины Полухиной покатился в соседнюю деревню за два километра от Урюпа по сибирскому морозу, отмораживая попеременно то уши, то нос. После седьмого класса девочка решила поступать в педучилище в соседнем городке Мариинске. Но денег на билет не было, и 14-летняя отличница учебы, прижимая к себе картонный чемоданчик, где лежали две вареные картофелины, два кусочка сала и кусок ржаного хлеба, поехала в Мариинск без билета, «зайцем» на подножке поезда.

К счастью, на первой же остановке «зайца» заметил машинист поезда и сказал: «Девочка, тебя на следующем повороте сдует ветром с подножки! Иди и садись рядом со мной».

После четырех лет учебы в педучилище Валентина получила диплом с отличием, но попала в больницу, и у нее обнаружили комбинированный порок сердца.

Ни о какой операции на сердце в провинциальном Мариинске и речи быть не могло.

Она подала документы в МГУ, и ее, как отличницу, пригласили на собеседование. Денег на билет, как обычно, не было, но был друг: «не имей сто рублей, а имей сто друзей» – и это правило стало в дальнейшей судьбе ВП решающим!

Друга звали Эдик Павлов, он продал свои часы и дал Валентине деньги на билет до Кемерово, где она поступила в пединститут. Но сердце у Валентины слабело, митральный клапан срастался, и нужно было срочно менять суровый сибирский климат на более мягкий. Подруга Роза позвала ее к себе в Тулу, и Валентина перевелась в Тульский пединститут.

В Туле она познакомилась «с высоким блондином с голубыми глазами», студентом горного института: он был ударником в джазе и лихо играл на барабане. Что еще нужно для счастья юной девушке из провинции? Через полгода они поженились. Это было время «стиляг» и Фестиваля молодежи и студентов в Москве. Звали ударника Владимир Полухин, он был москвич, из семьи важных партийных работников. Но «Золушка» пришлась им не ко двору, они мечтали о другой партии для своего сына-ударника. Семья Полухиных тоже пришлась не ко двору гордой пани

Баникевич-Гронской.

Колобок Валентины ушел от ударника и покатился как можно дальше от Москвы – в дагестанский аул, в обычную школу, преподавать русский язык. Москвич-ударник с горя стал пить (он стал бы пить и без горя, но подвернулась удобная причина), и свекровь уговорила Валентину вернуться в Москву, думая, что ее сын после этого перестанет пить.

Валентина вновь зарегистрировала брак с Полухиным в надежде спасти его, а партработники устроили ее в только что открывшийся Университет дружбы народов (УДН), где она стала преподавать русский язык студентам из африканских стран.

Надо сказать, что студенты УДН из африканских стран были в то время, в конце 60-х годов, намного более свободными, чем советские люди. Они могли ездить по всему миру, говорили по-английски, многие были из достаточно обеспеченных семей. И это свободомыслие африканских студентов сыграло в судьбе Валентины важную роль.

При таких жизненных и нервных перегрузках митральный клапан Валентины быстро сужался, и она была всего «в трех миллиметрах от смерти». Когда ее посмотрел один из лучших хирургов-кардиологов страны Глеб Михайлович Соловьев, ее срочно положили на операцию. Результат операции был непредсказуем: «Никто никогда ничего не знает наверняка». Валентина позвонила мужу и попросила его приехать, чтобы переговорить перед операцией. Полухин пообещал приехать, но напился (теперь он пил с радости, что жена вернулась) и не приехал. Пани Баникевич-Гронская дала себе слово: если она выживет, то разведется с Полухиным окончательно!

Валентина выжила, хотя с таким тяжелым пороком сердца она должна была умереть еще в детстве. Всего же, за всю жизнь, она перенесла три операции на сердце, и с этим трижды заштопанным сердцем мы отмечали в Лондоне в июне 2016 года ее 80-летний юбилей: «Даже здесь не существует, Постум, правил».

Через полгода Валентина приступила к работе в УДН, как и обещала себе – развелась с Полухиным, разделила с ним комнату перегородкой и поступила в аспирантуру МГУ, где она слушала лекции профессора Виноградова и других выдающихся лингвистов.

В дальнейшем, уже в Англии, эта лингвистическая подготовка помогла Валентине разобраться в сложном языке поэтики Бродского.

В это время она познакомилась с английским профессором Лампертом, который, видя ее способности и условия жизни,

предложил Валентине: «Если Вы приедете в Англию, то я гарантирую Вам работу в университете». На дворе был 1973 год, кто постарше, тот помнит расцвет времени застоя.

И Валентина решается на побег, на прыжок через пропасть! Это был поступок, на который способен далеко не каждый, поворотный момент в ее судьбе!

Она входит в аудиторию УДН, где не только у людей, но и у стен были уши, и открыто спрашивает у своих африканских студентов: кто может заключить с ней фиктивный брак и вывезти ее из страны? Трое студентов подняли руки, она выбрала самого высокого – Мориса из Кении. Потом была столица Кении Найроби, а через три месяца, 7 ноября 1973 года, когда весь 250-миллионный советский народ хором кричал «Ура!», даже сам не подозревая по какому поводу, одна «песчинка», оторвавшаяся от этого народа, приземлилась в лондонском аэропорту Хитроу. «Песчинку» встретил профессор Ламперт и сразу повез ее в Килский университет, потому что занятия уже начались и надо было работать.

Эти занятия и исследования творчества ИБ она вела до окончания своей официальной трудовой деятельности. Потом Валентина вышла и на пенсию и замуж, переехала к любящему мужу Даниелу Уайссборту в Лондон и продолжает работать над темой «Иосиф Бродский» еще более интенсивно, чем раньше.

Так счастливо закончилось путешествие Колобка Валентины Полухиной из Урюпа в Лондон. И никто Колобка не съел, пока он катился к своей мечте: ни медведь-ветер, сдувающий всех с подножки мчащегося поезда, ни волк-митральный клапан, пытавшийся захлопнуть ее аорту, ни лиса-партработница, уговорившая ее снова выйти замуж за своего непутевого сына. Мечтая, будь осторожен, мечты иногда сбываются!

Левит: Иосиф, или Одиночный в поле зрения

Валентина познакомилась с Иосифом Бродским через четыре года после приезда в Англию – в 1977 году в Лондоне, у своей подруги Милы Куперман. Когда Бродский сел в кресло, чтобы читать стихи для четырех женщин, одна из них села на пол у его ног. Надо ли говорить, что этой женщиной была Валентина Полухина? Бродский хотел подать ей стул, но она продолжала сидеть у его ног и сравнила его с Пушкиным.

Известно, что Бродский не выносил лести, возвышенного стиля, откровенных или скрытых комплиментов. Про себя он знал все сам, ему не надо было об этом говорить. Он трезво и с самоиронией оценивал себя. Часто называл свои стихи – стишками, а побывав в комнате Валентины, увешанной его фотографиями (см. фото выше в главе «Бытие»), с иронией заметил, что одной фотографии все же у нее нет: где младенец Ося без штанишек лежит на диванчике. Джон ле Каре говорил о ИБ: «Ему нравилась самоирония. Ему всегда доставляло удовольствие самого себя ставить на место».

И я, писатель, повидавший свет,
пересекавший на осле экватор,
смотрю в окно на спящие холмы
и думаю о сходстве наших бед:
его не хочет видеть Император,
меня – мой сын и Цинтия…

Несмотря на самоиронию, Бродский разрешил Валентине ездить за ним, записывать его лекции и выступления. Валентина воспользовалась разрешением Бродского с великим прилежанием: она записывала каждое его слово, каждый шаг, за что и получила от своего кумира кличку Микроскоп. Иногда, когда она чересчур пристально наблюдала за ним, Бродский говорил ей: «Валентина, уберите свой микроскоп!».

В биологии, при изучении популяции под микроскопом, когда вы неожиданно видите объект, существенно отличающийся от всей остальной совокупности объектов, существует термин «одиночный в поле зрения». Бродский был – одиночным в поле зрения. Валентина поняла это мгновенно, когда увидела Бродского, потому и хлопнулась на пол у его ног. Это тоже талант – распознавать одиночных гениев в поле зрения, где вы видите

много очень способных людей! Таким же талантом обладал второй муж Валентины Даниел Уайссборт, о котором я написал статью к его 70-летию и так ее и назвал: «Открыватель гениев».

Валентина уже довольно долго работала над темой своей диссертации, но после того, как познакомилась с ИБ, сразу попросила профессора Ламперта поменять тему на исследование творчества ИБ. Это был еще один поступок, ВП думала поступками: бросить то, что наработала за четыре года, не пожалеть затраченного времени и «не зная броду, полезть в воду».

Валентина, конечно, была не первой, кто к тому времени писал о Бродском, уже были публикации Михаила Хейфеца, Анатолия Наймана, Льва Лосева, Михаила Крепса.

Но заслуга ВП, в отличие от всех других, заключается в том, что она первая занялась систематическим и научным изучением текстов Бродского. Причем занялась так фундаментально, что смогла спорить, аналитически доказывать и поэтому побеждать в спорах не только «ангелов Бродского», но и «не ангелов», и даже его «Самого»!

ВП пишет, что «на хвосте у Бродского она пересекла границы многих стран». Не только границы многих стран: на «хвосте у Бродского» Валентина Полухина пересекла границу истории и вошла в нее.

Поэт как перекресток своего языка, величия замысла и нового взгляда на мир

Свой язык – узнаваемость поэта по одному четверостишию или даже по одной строке: «Смерть – это то, что бывает с другими».

Величие замысла – то, о чем пишет поэт. В целом – это вечные темы: о жизни и смерти, о времени и безвременье, о любви и ненависти и т. д. Аристотель говорил, что от любви до ненависти один шаг, но он не сказал нам, сколько шагов от ненависти до любви и сколько веков от варварства до цивилизации. Вот вам и тема, дорогой читатель, вот вам и еще одно величие замысла!..

Новый взгляд на мир – позиция или точка зрения, с которой поэт смотрит на жизнь или на смерть. На обратной стороне надгробия И. Бродского написано изречение Проперция: «LETUM NON OMNIA FINIT» – «Со смертью не все кончается».

Эти три элемента: свой язык, величие замысла и новый взгляд на мир являются необходимыми краеугольными камнями творчества любого большого поэта, где бы и когда бы он ни жил.

У русских поэтов, как показывает история, есть еще один критерий величия – трагическая судьба: или застрелили на дуэли, или сам застрелился, или повесилась, или погиб в лагере тирана, или был сослан в ссылку на родине, а потом был изгнан из страны на чужбину и отлучен от родного языка, что для поэта равносильно смерти.

Мандельштам говорил жене: «Чего ты жалуешься, поэзию уважают только у нас – за нее убивают. Ведь больше нигде за поэзию не убивают…» *(Н.Я. Мандельштам* «Воспоминания», книга 1).

Язык был для Бродского всем. Он любил язык, как слепой любит свою собаку-поводыря. Язык и был для ИБ и поводырем, и материалом, и орудием производства.

Часто задают вопрос: был ли Бродский верующим? Ответ прост: язык и был настоящей религией Бродского! Бродский боготворил язык, сотворил себе из него кумира и верил в него больше, чем во что бы то ни было другое:

«и без костей язык, до внятных звуков лаком, / судьбу благодарит кириллицыным знаком. / На то она судьба, чтоб понимать на всяком / наречьи…»

А Валентина Полухина сотворила себе кумира из Бродского, и он стал ее религией. Так ВП (вместе с ИБ) нарушила еще одну

библейскую заповедь: «Не сотвори себе кумира».

Но одного языка для поэта мало, необходимо еще «величие замысла». Ахматова писала Бродскому: «В силе остаются Ваши прошлогодние слова «Главное – это величие замысла».

О чем бы ни писал ИБ, он всегда писал о Времени, а «Время создано смертью». Поэтому Бродский всю жизнь и выяснял отношения с этой «непредсказуемой дамой», от ранних стихов «Бессмертия у смерти не прошу» и до последних стихов «… небытия броня ценит попытки ее превращенья в сито и за отверстие поблагодарит меня».

Каждый человек, хочет он того или нет, думает «об этом», пытается сделать «отверстие в броне небытия» и заглянуть в него. Данте с Вергилием устроили нам пока только «ознакомительную экскурсию» по ту сторону бытия, проведя через ворота Ада, Чистилища и Рая. Направление их взгляда – из бытия в небытие, с этого света на тот.

Бродский же поменял направление взгляда: он смотрит с того света на этот: «Ниоткуда с любовью, надцатого мартобря…». О таком новом «направлении взгляда» Бродского и его отстраненности от реального мира точно сказано в парижском журнале, на который ссылается Самуил Лурье в предисловии к «Письмам римскому другу»:

«Говорят, если человек отравился цианистым калием, то он кажется нам мертвым, но еще около получаса глаза его видят, уши слышат, сердце бьется, мозг работает. Поэзия Бродского есть в некотором смысле запись мыслей человека, покончившего с собой».

В выяснении отношений поэта со временем и смертью и заключается, по-моему, величие замысла Бродского, а также его новый, отстраненный взгляд на мир: «Ниоткуда с любовью, надцатого мартобря…»

«А при чем здесь ВП?» – спросит любознательный читатель.

А при том, что «с кем поведешься, от того и наберешься!»

Учитесь у ВП, любознательный читатель, находить «одиночного в поле зрения»!

Числа: Счетовод Бродского, или «Треугольник Пифагора» и «квадрат Полухиной»

В Нобелевской лекции ИБ говорит, что существует три метода познания: аналитический, интуитивный и путем откровения, которым пользовались библейские пророки. Полухина исследовала творчество Бродского в основном аналитическим методом, но иногда на нее нисходило и откровение Господне.

В чем, собственно, заключается научная заслуга ВП в исследовании творчества Бродского? Если говорить коротко, то Полухина – счетовод Бродского, его главбух!

Бродского читали все, а Полухина первая в мире, кто Бродского стала не только читать, но и считать! Она первая создала объективные критерии оценки тропической (от слова «троп». – *Прим. М.Я.)* системы Бродского через грамматику его поэтики и языка.

Все, как известно, познается в сравнении. Полухина первая нашла универсальный принцип сравнения метафор разных поэтов и применила его к сравнению метафор Бродского с метафорами десяти русских поэтов девятнадцатого и двадцатого веков.

Было бы чрезвычайно интересно применить принцип Полухиной и расширить сравнение метафор Бродского не только с метафорами 10 русских поэтов, но и с метафорами мировой поэзии: Библии, Гомера, Вергилия, Марциала, Данте, английских поэтов-метафизиков от Джона Дона до Одена, любимого Бродским Кавафиса и других поэтов, поскольку влияние мировой поэзии на творчество Бродского очень велико. Как сказал Ньютон: «Я видел дальше других, потому что стоял на плечах гигантов». Бродский тоже стоял на плечах гигантов.

И тут возникает принципиальный вопрос: если «очистить» творчество Бродского от влияния на него гигантов мировой поэзии, то что нового в поэзии сделал только он и никто другой из великих поэтов?

Этот вопрос я задал «счетоводу Бродского» Полухиной. Валентина задумалась и ответила, что это большая тема, возможно, даже не одной диссертации. Кроме того, чтобы провести такой сравнительный анализ творчества Бродского и мировой поэзии, надо обладать знаниями, подобными знаниям самого Иосифа Бродского.

Любопытно было бы построить, как таблицу элементов Менделеева, таблицу элементов мировой поэзии. По вертикали

отложить одну любимую категорию Бродского – «Время»: от первой книги – Библии и до наших дней, а по горизонтали другую любимую категорию Бродского – «Язык»: иврит, древнегреческий, латынь, итальянский, английский, немецкий, французский, греческий, русский и другие. На пересечении «Времени» и «Языка» мы будем находить, а чаще всего не находить, великих поэтов.

Никакая Нобелевская премия не делает поэта великим. Поэт становится великим, если он остается в веках на пересечении своего Времени и своего Языка.

Например, на пересечении второй половины XIII века – начала XIV века и итальянского языка мы находим Данте. В конце XVIII века – начале XIX века и немецкого языка мы видим Гете. За полвека до н. э. и латыни мы находим Вергилия, на пересечении VIII века до н. э. и древнегреческого языка мы находим Гомера. На пересечении русского языка и первой половины XIX мы видим А.С. Пушкина, первой половины XX века – Марину Цветаеву, второй половины XX века – И. Бродского. Все остальное время – пусто. Как записано в дневнике одного средневекового жителя: «23 апреля 1616 г.: умер Шекспир, не родился никто».

Естественно, предыдущие поколения великих поэтов влияли на последующие, и в этом было преимущество последних. Полухина, в отличие от критиков и поэтов, почти не пользуется интуитивным методом и словесными описаниями, она пользуется статистикой, числовыми рядами во времени, счетом метафор и других тропов языка, чему научилась у Якобсона, Виноградова и Лотмана.

Но однажды на нее снизошло откровение, и Полухина поняла, что в отличие от других поэтов, метафоры которых можно встроить в «треугольник Пифагора»: дух – человек – вещь, конструкция метафор Бродского более сложная, она квадратная: дух – язык – человек – вещь. Бродский вносит в метафоры еще один элемент путем добавления в них слова, т. е. языка. Полухина приводит пример, где Бродский говорит о том же самом:

Знаешь, все, кто далече,
По ком голосит тоска,
Жертвы законов речи,
Запятых, языка.

Таким образом, найдя «Квадрат Полухиной» и укрепившись как исследователь, Валентина стала спорить не только с «ангелами», но и с «самим Господом Богом»! Известно, что поэты

– просто медиумы языка, и они записывают то, что им диктует язык. Мысль эта не нова, она есть у многих, в том числе и в Нобелевской лекции Бродского. В одном из лучших интервью ВП «Вектор в ничто» Бродский сам приводит слова Ахматовой, сказанные ему на эту тему: «Боюсь, что вы не понимаете, что вы сочинили».

Бродский, как поэт-медиум, в этом отношении ничем не отличался от других поэтов: он записывал то, что диктовал ему его язык. Но поздний Бродский, став великим еще при жизни, поставил себе амбициозную задачу: не идти естественным путем, не записывать то, что диктует ему язык, а попытаться искусственно избавиться от всех тропов в своих стихах: «Нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту» (по выражению другого нобелевского лауреата Бориса Пастернака).

Это было влияние на Бродского греческого поэта Константиноса Кавафиса (начало XX века, а вдумайтесь, как просто, актуально и пророчески звучит сегодня):

– Чего мы ждем, собравшись здесь на площади?
– Сегодня в город прибывают варвары.
– Почто бездействует Сенат? Почто сенаторы
сидят, не заняты законодательством?
– Сегодня в город прибывают варвары.

(Перевод Г. Шмакова и И. Бродского)

Все «ангелы Бродского» тут же стали хором подпевать ему, что их кумир избавляется в своих стихах от метафор и других тропов.

И только «счетовод Бродского», его главный бухгалтер Валентина Полухина, нашла в себе дерзость и смелость возразить Бродскому и сказать ему свое знаменитое «нет». Статистика ВП и ее частотные ряды показывают совсем другой тренд: метафоры в стихах ИБ растут год от года даже не в арифметической, а в геометрической прогрессии! В этом, может быть, и состоит основная заслуга Полухиной: она анализировала метафоры Бродского в динамике, потому что поэт не стоял на месте, он постоянно развивался. Полухина могла количественно сравнить «то, что было, с тем, что есть» и дать объективные оценки развития метафор, перифраз, аллегорий, иронии и других тропов Бродского.

Таким образом, Валентина, набравшись уверенности в своих исследованиях, объяснила самому Бродскому, почему так происходит, и с ее доводами даже он вынужден был согласиться.

Чем больше поэт пытается уйти от метафоричности, т. е. от языка поэзии к языку прозы, тем настойчивее стих требует компенсации и уплотнения своей ткани путем наполнения его различными тропами, иногда доведенными по точности и плотности выражения до формул.

Когда я прочитал формулу Бродского: «Смерть – это то, что бывает с другими», то месяц не мог ни о чем другом думать! В этом и заключается уникальная способность больших поэтов – одной сжатой строкой, одной метафорой описать целый мир. Этой способности к точной и короткой формулировке не бывает у обычных поэтов, которые на 100 страницах «размазывают белую кашу по чистому столу», но она есть у всех великих поэтов: Данте, Шекспира, Гете, Пушкина. Оказалось, что писать просто – очень сложно.

Второзаконие: искусство брать интервью и моя «почти новая» замшевая куртка

Валентина брала множество интервью и у самого Бродского, и у десятков людей, его знавших, включая многих нобелевских лауреатов. В искусстве брать интервью проявился еще один ее талант. Одним из самых информативных было интервью с Бродским «Вектор в ничто», записанное ею 10 апреля 1980 г. в Энн-Арбор в Мичигане (см. книгу ВП «Больше самого себя», изд-во ИД СК-С, Томск, 2009, стр. 16–28).

Именно в этом интервью ВП поспорила со своим кумиром и доказала ему, что количество метафор в его стихах с годами не уменьшается, а, наоборот, растет. Уже только за одно это интервью ей можно было поставить памятник при жизни. В этом же интервью Бродский говорит, что «конец света – это когда горизонт досками заколочен» (и смеется). И далее ИБ замечает: «Как я полагаю, я сочиняю исключительно про одну вещь. Я сочиняю про время, про время и про то, что время делает с человеком…».

Талант Валентины Полухиной брать интервью и делать книги воспоминаний о Бродском достоин «специальной Нобелевской премии по интервью». Этот талант ВП стоил мне замшевой куртки: зачитавшись в поезде «Большой книгой интервью», подаренной Валентиной нашему семейству, я выскочил в последнюю минуту из вагона поезда на своей остановке, а моя «почти новая» пятилетняя замшевая куртка поехала дальше. На подаренном Валентиной экземпляре книги стояла ее подпись:

«Семейству М.,
от поклонницы ИБ и котов.
В этом сборнике, увы,
«танцуют опечатки,
как девки в праздник святки».
Валентина П.
Лондон, 9 апреля 2004.

Даниел, или Любовь, тепло и забота

Даниел Уайссборт – второй муж Валентины Полухиной – дал ей то, что составляет простое человеческое счастье: любовь, тепло и заботу.

Он много лет работал профессором английской литературы в США, был переводчиком стихов Бродского и его другом. Даниел познакомился с Бродским на 5 лет раньше Валентины на международном фестивале поэзии в Лондоне в конце ноября 1972-го. Бродский прилетел на фестиваль вместе с Оденом, а Даниел был одним из организаторов фестиваля.

Хотя Даниел был сыном эмигрантов из Польши, английский был для него родным языком. Родители Даниела – польские евреи, почувствовав наступление нацизма в Европе, еще в начале тридцатых годов эмигрировали в Англию. Даниел родился уже в Англии в 1935 году, окончил Кембридж, стал профессоором английской литературы.

Когда наша дочь училась в Англии, мы часто бывали в Лондоне, и всякий раз я стремился увидеться с Валентиной и Даниелом. Однажды они пригласили нас всей семьей к себе на обед. К тому времени я уже знал историю, как в Мичиганском университете Бродский прошел мимо Валентины по коридору и не заметил ее (у поэтов и не такое бывает). А когда она его окликнула и спросила, почему он не здоровается, то он ответил «Переживете!» И вот тут на сцену вышла гордыня пани Баникевич-Гронская, ощетинилась сиамской кошкой, чуть не бросилась ему на спину и не лишила русскую поэзию будущего нобелевского лауреата. Благо будущий нобелевский лауреат вовремя сообразил, в чем дело, поцеловал пани в одно ушко, в другое и спросил: «Где будем ужинать?».

Таким образом, я уже знал, что пани Баникевич-Гронская «не оглядывается во гневе».

Мы все сидели за красивым столом, чинно обедали, а Валентина поставила магнитофонную пленку, где Бродский читает свои стихи. После окончания чтения мои дети и жена стали наперебой хвалить чтение Бродского, а я, выслушав их, тихо заметил: «А мне не очень нравится, как Бродский читает свои стихи. Мне нравится, как стихи Бродского читает Михаил Барышников» (скоро мы едем смотреть спектакль «Бродский и Барышников», где М. Барышников читает стихи И. Бродского).

И вдруг я увидел, как рука Валентины медленно ползет по скатерти к серебряному кривому ножу для намазывания масла. Даниел, заметив мой взгляд, быстро выхватил нож из-под руки

пани Баникевич-Гронской, а другой рукой схватил кусок хлеба и стал лихорадочно намазывать его большими кусками масла. Потом, когда мы вышли в сад, мой спаситель сказал, что он уже пару лет как худеет, сидит на диете и не ест не только масло, но и вообще ничего жирного. И сделал мне «жирный подарок» – книгу Daniel Weissbort «From Russian with love», Joseph Brodsky in English, Anvil Press Poetry, 2004 с дарственной надписью: „From London with love“.

Сейчас я понял, за что люблю ВП: за внутреннюю свободу и за смелость, за верность поэзии и Бродскому и одновременно за способность спорить с ним. За ее пытливый ум («Платон мне друг, но истина дороже!»), за то, что она Личность и думает поступками!

За умение проникать в суть вещей, за то, что когда все вокруг говорят «да!», то может раздаться тихий голос пани Баникевич-Гронской, говорящей «нет, я так не думаю!». И я верю этому единственному тихому голосу больше, чем хору подпевающих голосов. И еще за то, что пани Баникевич-Гронская научила меня, всегда поддакивающего, иногда тоже говорить «нет!» – даже ей самой.

В 2005 году мы прилетели в Лондон на 70-летний юбилей «моего спасителя» Даниела. Был прекрасный, солнечный день – мы отмечали юбилей Даниела в его доме и в саду.

Я написал статью о нем «Открыватель гениев», опубликовал ее и подарил Даниелу текст с фотографией его и Бродского. В статье речь шла исключительно о нобелевских и гонкуровских лауреатах, открытых Даниелом, и ни словом не говорилось о том, как он совершил подвиг и спас от «верной смерти» J одного простого человека, не имеющего даже Нобелевской премии по какой-нибудь не очень важной науке.

Фонд русских поэтов и клятва пионеров Советского Союза

В 90-х годах XX века, когда появилась возможность выезжать из страны, Валентина организовала Фонд русских поэтов, чтобы приглашать в Англию поэтов из России.

Она сумела сделать патронами фонда известных и авторитетных во всем мире людей: философа сэра Исайю Берлина, пристера Киса Саттона, поэта и нобелевского лауреата Шеймаса Хини и даже принца Майкла Кентского, двоюродного брата английской королевы, знающего русский язык, по матери из рода Романовых. Это было время рождения «пастушки русских поэтов». «Пастушка» доставала через фонд деньги на приезд и на прием поэтов и пасла на заливных лугах английских университетов «овечек и барашков» современной русской поэзии.

Вместе с Даниелом она проделала огромную работу по переводу современных русских поэтов и поэтесс на английский язык. Чего только стоит одна антология «Современная женская русская поэзия в английских переводах» под редакцией ВП. При этом они брали стихи не только поэтесс из Москвы и Питера, но и из российской глубинки и из-за границы, помня французскую поговорку: «Гений рождается в провинции, а умирает в Париже». Вот один простой пример на эту тему.

Пару лет назад после моего творческого вечера в Самаре, где я рассказывал в том числе о Валентине Полухиной и о Даниеле Уайссборте, читал стихи и показал поэзофильм «Медальон», посвященные Валентине, ко мне подошла дама и строго спросила:

«А почему Вы не прочитали стихи двух самарских поэтесс, которые перевел на английский Даниел Уайссборт, а Валентина Полухина включила их в антологию?!».

Я не знал этих песен, но мир оказался тесен!

Ни в сказке сказать, ни пером описать, сколько сил, труда, времени и нервов вложила ВП в приемы русских поэтов. Всего она приняла в Англии 92 поэтов! Она нянчилась с ними, как с маленькими детьми, потому что поэты – это не выросшие дети!

Как известно, каждый поэт считает себя гением! Это – аксиома. А из этой аксиомы и законов человеческой натуры вытекает, что если после чтения стихов поэтом (гением) в воздух не летят чепчики (или другие детали женского туалета), то виноват тот, кто пригласил поэта в Англию и не сумел обеспечить его триумф и коронацию.

Звоню Валентине, она устало спрашивает: «Вы помните текст

какой-нибудь клятвы?»

Я неуверенным голосом: «Ну…помню текст клятвы пионеров Советского Союза». «Читайте!».

«Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь…». «Достаточно! Теперь я Вам буду давать клятву, а Вы запоминайте: «Я, профессор Килского университета Валентина Полухина, перед лицом своего товарища торжественно клянусь, что никогда в жизни больше не буду принимать в Англии русских поэтов!»

Через три месяца все повторяется снова. Звоню Валентине, она устало спрашивает: «Вы помните текст какой-нибудь клятвы?»

«Но Вы же мне уже дали клятву больше этого не делать?!» «Виновата, сорвалась! Но это последний раз! Запоминайте: «Я, профессор Килского университета Валентина Полухина, перед лицом своего товарища торжественно клянусь…».

В общем, с поэтами у ВП было, как с клятвами у Гомера в «Илиаде»: Песнь третья называется: «Клятвы», а Песнь четвертая называется «Нарушение клятв».

И так повторялось каждые два-три месяца на протяжении многих, многих лет.

Валентина и Даниел забрасывали огромный «поэтический бредень» от Владивостока до Калининграда и от Израиля до США, просеивали через него сотни поэтов и поэтесс в надежде поймать «одиночного в поле зрения» или «золотую рыбку» современной русской поэзии. Поймали много способных и талантливых поэтов, но ни новой Цветаевой, ни нового Бродского им открыть, к сожалению, не удалось: «Даже здесь не существует, Постум, правил».

Кот Исси, или Примечания к Котиниане

Любимый сиамский кот Валентины был назван в честь любимого Валентиной японского дизайнера Исси Мияки. Все домашние Валентины: Даниел и другие близкие – звали кота просто Исси.

Когда Валентина привозила кота к ветеринару, доктор вызывал его полным официальным именем – Исси Мияки.

А еврейские дети на улице в лондонском районе Golders Green, где жил кот Исси Мияки, звали его просто «Иса», сравнивая имя и интеллектуальные способности Исы с именем и уровнем интеллекта известного земляка и друга Валентины, сэра Исайи Берлина, преподававшего в колледже Всех Святых и в колледже Всех Душ. Тем самым дети, лучшие знатоки котов, хотели сказать, что Иса был – Святая Душа!

Кроме этого, Иса был поэтом и полиглотом и состоял в переписке со многими известными котами всех времен и народов: Котом Бродского Миссисипи, с ученым Котом у Лукоморья, что все ходит и ходит по златой цепи кругом, как заведенный, и конца и края этому не видно, с Котом Бегемотом, с Котом Густава Климта Фердинандом и даже с самим Чеширским Котом!

Авторские права на переписку Кота Исси Мияки принадлежат его хозяйке проф. Валентине Полухиной, которая готовит к изданию переписку, уже давно и с огромным нетерпением ожидаемую всем мировым кошачьим сообществом!

Надо заметить, что блестящий перевод переписки с кошачьего на русский был сделан известным грамотеем Котом Матроскиным.

На обложке антологии стихов, посвященных Валентине, «Пастушка русских поэтов», которую с равным успехом можно было бы назвать и «Пастушка сиамских котов», вы можете увидеть Валентину Полухину в обнимку с котом Исси Мияки.

Юбилей, или «Иных уж нет, а те далече, но остаются части речи»

На юбилей Валентины Полухиной слетелись все, кто мог летать: были коллеги и друзья из России, Германии, Израиля, приехали коллеги из Килского университета и даже бывший ректор сэр Брайен Фендер, много друзей из Лондона и других английских городов. Юбилей проходил в самом центре Лондона, в здании «Диалога культур», в двух шагах от Трафальгарской площади и Национальной галереи.

Конечно, звучало много поздравлений и стихов на русском и английском языках.

Ваш покорный слуга подарил Валентине посвященное ей стихотворение «Медальон», которое юбилярша вместе со вступлением «Маршал Ворошилов на лыжах» включила в антологию «Пастушка русских поэтов», и поэзофильм, снятый по этому стихотворению.

МЕДАЛЬОН, или ПОЛТОРЫ АНГЛИЧАНКИ (сценарий поэзофильма)

«Но Лондон звал твое внимание.
Твой взор…»

А.С. Пушкин

Валентине Полухиной
Но Лондон звал твое внимание. Твой взор
давно преодолел и Время и Пространство,
Туманный Альбион явил тебе укор —
прошедшего и постоянства.
Две женщины притягивали взгляд…
Одна звалась «прошедшею любовью»,
с которою ты двадцать лет назад
расстался в Лондоне, не поведя и бровью.
Она была слависткой третий год,
вы познакомились в одном из замков Кила:
«… а внучка Пушкина жила здесь с Михаилом
Романовым», – вещал экскурсовод,
и фотография на память: ты – урод!
Потом побег от группы в ресторане,
Ты прошептал ей: «Нам никто не нужен,
и если джентльмен Вас пригласил на ужин,
о завтраке подумал он заранее…»
О завтраке подумал, но, увы,
славянский ум не видит дальше страсти…
Ты не учел «английский цвет травы»
и вечный принцип: «Разделяй и властвуй!»
Другая, юная студентка London School,
в Москве на практике – и ваш роман в разгаре!
Ты платье ей спокойно расстегнул —
и медальон узнал!..
Но ты едва ли
предположить мог, что таилось в нем:
ты вспомнил Паддингтон и водоем,
где с англичанкой ты гулял похожей…
Холодные мурашки по спине
вдруг побежали…
«Так она же мне…»
Ты понял все – не разумом, а кожей!..
Теперь ты просто – «homo faber»[2] – два.

Как отыгралась на тебе судьба!
Когда из Англии вернулся ты домой,
то думал, что забыл славистку и Виндзор,
и медальон, подаренный тобой…
Но Лондон звал твое внимание. Твой взор…

Зная любовь Валентины к котам, особенно к коту Исси и к коту Бродского Миссисипи, которые уже находятся по ту сторону Райских ворот, я написал Котиниану и подарил ее Валентине вместе с редкой фотографией И. Бродского, не оказавшейся даже в трех пухлых альбомах «Полухинского КГБ на Бродского» на втором этаже ее дома:

«Такого редкого ИБ / Нет даже в Вашем КГБ!»

Пастушка и Коты, или Кошачьи Врата Рая (Котиниана – новая стихотворная форма)

Котиниана от барана, посвящается Валентине Полухиной – пастушке русских поэтов и сиамских котов, написанная одним из ее баранов.

«…Сюды
забрел я как-то после ресторана
взглянуть глазами старого барана
на новые ворота и пруды».

Иосиф Бродский «Двадцать сонетов к Марии Стюарт»

«Сам себе наливаю кагор – не кричать же слугу —
Да чешу котофея…»

Иосиф Бродский «Конец прекрасной эпохи»

Часть 1: Баран и Райские ворота
Баран на Райские ворота
глядит, глядит, разинув рот,
и видит там за поворотом
двух Выдающихся Котов!..

Часть 2: Миссисипи и Исси
Коты важны в любой судьбе,
твой Кот – вторая половина:
вот Миссисипи – Кот ИБ,
вот Исси – Кот для Валентины.

Часть 3: Пока…
Меж ними нет и малой пяди!..
По эту сторону ворот
стоит баран, разинув рот,
он хочет тех Котов погладить —
пока рука не достает…

В ответ Валентина прислала мне редкую фотографию И.

Бродского из своего архива.

Бродский высоко ценил «пельмени Полухиной» и увековечил их надписью на сборнике «Конец прекрасной эпохи», подаренном Валентине:

«Жевать Полухиной пельмени приятней, чем служить Камене».

Картина-метафора жизни Валентины Полухиной, или «В чистом поле мчится скорый…»

Если бы я был художником, то нарисовал бы картину-метафору жизни Валентины Полухиной: 14-летняя девочка едет на подножке поезда и «в чистом поле мчится скорый с одиноким пассажиром».

В каждом вагоне различимы силуэты одиноких пассажиров: в самом дальнем вагоне – друг Эдик Павлов, продавший свои часы, чтобы купить Валентине билет на поезд.

В вагоне чуть поближе – хирург Глеб Михайлович Соловьев, сделавший Валентине операцию на сердце и спасший ее «за три миллиметра до смерти».

Еще ближе – профессор Ламперт, предложивший Валентине работу в Килском университете.

Потом высокий студент из Кении Морис, зарегистрировавший с ней фиктивный брак и вывезший ее на Запад.

Еще ближе к нам сэр Исайя Берлин, помогавший ей добывать гранты для исследований о И. Бродском и приглашения в Англию русских поэтов.

Перед ним второй муж Валентины Даниел Уайссборт, давший ей любовь, тепло и заботу.

И наконец, в первом вагоне, на подножке которого и едет девочка Валентина, Иосиф Бродский, круто повернувший ее судьбу.

Волосы девочки развеваются по ветру. Одной рукой она прижимает к себе маленький картонный чемоданчик, а второй рукой – кота Исси. Девочка смотрит назад на пассажиров поезда, потому что все те, кого она любит, уже позади. К каждому из них она хотела бы прикоснуться и погладить, но «пока рука не достает».

Поезд круто поворачивает, а у девочки все руки заняты и она не держится за поручни, однако ее все равно не сносит ветром с подножки. Видимо потому, что эту девочку хранит машинист поезда жизни – сам Господь Бог! Поэтому и картина называется:

Настежь, или Все лики любви (эссе о жизни и книге стихов Аннелизы Аллева «Наизусть»)

За все, за все меня прости,
Мой милый, – что тебе я сделала!

Марина Цветаева

Вдохновение всех этих стихов – Бродский.
Это значит, что знаменитый поэт был для меня еще и Музой.

Аннелиза Аллева, «Наизусть»

Предисловие

Аннелиза Аллева (АА) – итальянский поэт, эссеист и переводчик. Она перевела на язык Данте всю прозу Александра Пушкина, «Анну Каренину» Льва Толстого, «Повесть о Сонечке» Марины Цветаевой, некоторые стихи Иосифа Бродского (ИБ) и антологию современных русских поэтов «Poeti russi oggi» (Русские поэты сегодня).

АА опубликовала книгу эссе и воспоминаний «Lo spettacolo della memoria» (Спектакль памяти). Она является лауреатом многих литературных премий: Premio Lerici Pea (2008), Премия Россия – Италия (2010), Premio Sandro Penna (2010), Премии Беллы Ахмадулиной (2014).

АА – автор восьми сборников стихов. Ее последняя книга любовной лирики «Наизусть», которую она писала 30 лет, опубликованная в 2016 году издательством Пушкинский Фонд (www.pushkinfond.ru), уникальна, полна парадоксов и заслуживает отдельного разговора. Книга составлена автором из двух частей:

„Prima“ (или «Раньше», стихи 1981–1989 годов) и „Poi“ (или «Потом» стихи 1996–2012 годов). Но, на мой взгляд, книга состоит из пяти частей, три из которых сокрыты тайной от посторонних глаз. Эти пять частей книги мы и прочитаем внимательно.

Часть 1. До Тебя, или Curriculum Vitae (1956–1981)

Сейчас уже трудно сказать, для чего отец АА, успешный практикующий врач, в начале 60-х годов прошлого века нанял в Риме для своей семилетней дочери репетитора русского языка, совершенно экзотического для Италии в те годы языка Пушкина и Толстого. Возможно, отец АА был почитателем страны, разгромившей фашизм, запустившей первого человека в космос и строящей «светлое будущее» для всех людей на Земле? Да нет, уверяет меня АА: ее отец просто хотел, чтобы его дочка изучала трудный язык, который мог бы сделать ее своеобразным человеком. Отец АА достиг своей цели: русский язык сделал его дочь своеобразным человеком!

Репетитором оказалась пациентка отца, немолодая польская пани с перьями на шляпе. Во время войны она потеряла в Польше всех своих близких, жила тяжело, и, может быть, врач не вынашивал никаких дальних планов о карьере дочери, а просто из сострадания к своей пациентке хотел, таким образом, немного помочь ей материально. Так или иначе, но этим своим шагом он определил судьбу дочери раз и навсегда.

Девочка была очень впечатлительной и способной к языкам, довольно быстро освоила кириллицу и стала читать и писать по-русски. Она влюбилась в русский язык, а позже и во всю русскую литературу. Став взрослой, она напишет в послесловии к книге:

«Я никогда не понимала, что было во мне первично: я влюбилась в Иосифа, потому что была влюблена в русскую словесность, или наоборот?» Ответ прост и содержится в Библии: «В начале было Слово» и слово было – «автобус». Это было первое слово, которое она узнала в языке Достоевского и Чехова, потому что слово было на букву «А». Вероятно, у ее учительницы была своя, оригинальная методика преподавания русского языка, существенно отличавшаяся от принятой в России. Как мы увидим дальше из стихов АА, эта методика оказалась верной, а «автобус» стал не только первым ее русским словом, но и местом последнего прощания с большой любовью.

С детства АА оберегала свой внутренний мир от вмешательства родителей и старших братьев. Свои девичьи тайны она доверяла только дневнику, который вела с малолетства, закрываясь на ключ в своей комнате. Чтобы не выдать свои секреты, девочка писала по-итальянски, но кириллицей, используя русский алфавит как шифр. Отцу не нравилось, что

дочь запирается в своей комнате, и он отобрал у нее ключ, тем самым открыв путь к ее тайному дневнику.

Видимо, все дети в семье АА были филологически одаренными, и оба брата, немногим старше ее, «юные следопыты», умудрились расшифровать русско-итальянские записи в дневнике, неосторожно оставленном ею на столе в открытой комнате. И однажды за обедом они, смеясь, стали рассказывать о ее тайнах отцу и матери, а девочка сидела вся пунцово-красная от стыда.

Отобранный отцом ключ у маленькой дочери – символ запрета иметь собственную тайну от семьи и от других людей. Может быть, поэтому книга «Наизусть» стала у взрослой женщины фрейдовской реакцией вытеснения на полученную в детстве психологическую травму. И отсюда – желание просветить стихами насквозь, как рентгеновскими лучами, свою душу.

А если в доме нет тайны, нет своего угла, где бы ты мог уединиться, то это – сломанный дом. Мы всю жизнь ищем то, что потеряли в детстве, чего нам тогда не хватало. У АА – это потерянный ключ.

Тема «потерянного ключа» началась в творчестве АА не сегодня и не в книге «Наизусть». Еще в 2010 году АА опубликовала книгу стихов «Сломанный дом» («La casa rotta», Jaca Book, Milano 2010, Premio Sandro Penna), и «потерянный ключ» – метафора многих ее стихов.

Сейчас АА пишет мне наоборот: по-русски, но латиницей – ей так легче, а мне, как когда-то ее старшим братьям – «юным следопытам», приходится ломать голову и все это расшифровывать (см. в Послесловии отзыв АА, написанный латинскими буквами).

Надо ли объяснять, почему, окончив школу, АА продолжила изучение русского языка на филологическом факультете Первого Римского университета?

Часть 2. С Тобой, «Раньше» (1981–1989), или Парадоксы книги «Наизусть»

До встречи с Бродским АА стихов не писала. Он стал ее Музой и ее учителем.

Они познакомились в Риме на старинной вилле Mirafiori 10 апреля 1981 года, где ИБ читал предисловие к новому американскому двухтомнику стихотворений и поэм Марины Цветаевой, а АА тогда только что закончила перевод «Повести о Сонечке».

Она хотела спросить его о смысле одной цветаевской строки: «Ибо раз голос тебе, поэт, / Дан, остальное – взято», но постеснялась сделать это при полной аудитории.

После лекции АА вместе с другими слушателями подошла к ИБ за автографом, но он почему-то подписывал книги тем, кто стоял за ней, а ее жестом попросил подождать. Как говорила АА в своем интервью Валентине Полухиной (ВП) в Венеции в мае 2004: «Потом он дал мне автограф, добавив к нему номер своего телефона. У меня сразу уменьшился аппетит и ухудшился сон» («Иосиф Бродский глазами современников». Книга вторая, изд-во журнала «Звезда», 2006, с. 306).

ИБ улетел в Лондон, и АА понадобилось улучшить свой английский именно в Лондоне. ИБ улетел в конце лета в Америку, и АА летит туда же с тремя итальянскими друзьями. Она пошла по его следам, к его корням, к его родителям: получила стипендию и полетела учиться в Ленинград.

В первом же своем стихе дочь врача сама себе поставила диагноз и предсказала развитие заболевания:

Мы отражаемся в зеркальных створках
полуоткрытого шкафа.
Длинная трещина пересекает потолок

Лондон, июнь 1981 (пер. М. Еремина)

Если говорить коротко, то книга стихов «Наизусть» – это и есть «зеркальные створки полуоткрытого шкафа», в которых поэтически отражаются на разных страницах Поэт и Муза и присутствуют «все лики любви». Стихотворение «Зеркало», написанное как диалог, кончается неизбежным подтверждением ее alter ego: «Я – твое зеркало».

Первый стих оказался по-японски коротко-философичным и

по-чеховски пророческим: если в первом действии на стене висит ружье, то в последнем – оно обязательно выстрелит! Потолок обрушился почти через восемь лет, в конце января 1989 года.

В стихотворении «Зеркало» АА напишет:

«Зеркальце милое мое», а оно ей в ответ: «Я сдам тебе плохую карту».

Но до этого времени еще далеко, а пока стихи стали прилетать «ниоткуда, с любовью надцатого мартобря» (ИБ), и она их просто записывала в дневнике:

Эта тетрадь превращается мало-помалу
в палитру моих размышлений.
На каждой странице
я хочу написать о тебе, и не смею.
В любви или ревности
признаются только тому, кто ответит
взаимностью».
«Прошлое твое воспламеняет мое будущее.
Рим, ноябрь 1983 (пер. М. Еремина).

ИБ написал три стихотворения, связанные с АА: «Ночь одержимая белизной…», «Элегия» и «Ария», но мы узнаем ее также в стихотворении «Надпись на книге», «Воспоминание», и АА присутствует в прозе поэта: в «Набережной неисцелимых» она – девушка с глазами «медово-горчичного цвета», в «Письме Горацию», в книге «Горе и разум», ИБ видит ее во сне.

АА написала целую книгу, более семидесяти стихов, связанных с ИБ, начиная с «Мы отражаемся в зеркальных створках…» и заканчивая «Юсуповским садом» (Санкт-Петербург, май 2012).

Уникальность книги «Наизусть» заключается в том, что в ней поменялись местами Поэт и Муза: Поэт ИБ стал Музой, а Муза АА превратилась в Поэта. Следить за этой уникальной, не кафкианской «Метаморфозой», растянувшейся на 30 лет, необычайно интересно. Тем более что автор книги выстроил все стихи по датам (месяц и год), указал точное место их написания, что сильно помогает читателю в понимании того, как происходило превращение Музы в Поэта, как все более глубоким и свободным становился стих, как менялись метафоры и другие тропы стихов во времени на протяжении 30 лет. Случай АА – уникален, и второго такого превращения Музы в Поэта я не знаю.

Многие современники посвятили Бродскому воспоминания, стихи, интервью, но никто, кроме АА, не посвятил ему целую книгу своих стихов. Еще и поэтому книга «Наизусть» –

уникальное явление!

Первый парадокс книги состоит в том, что автор, с детства оберегающий свой внутренний мир, превративший его в тайну личного дневника, вдруг в стихах наотмашь раскрывает свое сердце – настежь и душу – нараспашку! Такой, не побоюсь сказать, цветаевской беззащитности и беспощадности, прежде всего к самому себе, а потом и к любимой Музе, я давно не встречал ни у кого. В одном из лучших своих стихотворений «Письмо в сонетной форме» АА пишет (Рим, декабрь 1985, пер. М. Амелина):

Как и все, кто рожден под Близнецами,
ты двуличен, и лжив, и нагл, и хваток.
Ты взломал замок обьятий, похитив
сердце, и оставил открытым
настежь. Теперь есть два сердца
у тебя. Да что там два? Их сотня.
Ты не любишь – просто собираешь.

АА говорит в интервью ВП: «По-моему, за всем этим туманом крылась какая-то неуверенность. Он притягивал к себе и уходил. Он крал любовь у других, чтобы скрыть свою неуверенность».

С улицы шумной, с дождя – всегда возвращалась к тебе,
и всегда ты меня оставлял перед дверью закрытой.
И тогда я стала думать о другом доме.

Рим, май 1985 (пер. О. Дозморова)

«Присутствие Иосифа в моей жизни на самом деле было постоянным его отсутствием. Он именно этим и играл: показывался и исчезал, но не насовсем, держал меня на длинном поводке. Поводком был телефон».

И не важно – то ли это общий телефон на стенке в конце коридора в коммунальной ленинградской квартире, то ли телефон на столе «частной квартиры в Риме», то ли это мобильный телефон у тебя в кармане – разные поколения, но суть от этого не меняется: телефон – это длинный поводок, на котором нас держит любовь.

Вынести такой приговор любимой Музе способен не каждый, и далее идет почти цветаевская, наотмашь, как пощечина, все понимающая строка:

Любви моей особой не чета твоя.

Детское бережное отношение к своему внутреннему миру через четверть века отозвалось в женщине:

Надо про себя писать, по ранам
памятным проходясь, как пробегают
по отверстиям флейты пальцы ловко,
подбирая мелодию.

В интервью ВП автор книги говорит: «У меня не было дружбы с Иосифом, скорее была война. Я спрашивала себя в дневнике и его в письмах: «Вы кто? Друг или враг?»…

«И одновременно я изучала его поведение, хотела его понять, раскрыть и ему противостоять, как-то защититься от него, спастись, освободиться от него».

Я хочу тебе вернуть твое, и только,
И хоть как-то от тебя освободиться.
Ты же пишешь, не ко мне обращаясь,
а ко всем. В стихах рисуешь другую,
ту, что с жизнью, вдохновив, распростилась.
Ей ты их, а не мне посвящаешь.
В твоем языке «измена» только
с дательным согласуется и верно:
отклонение в грамматике даже
различимо, а винительного жадно
требуют ненависть с любовью.

Как тут в который раз не вспомнить Аристотеля, говорившего, что от любви до ненависти всего один шаг:

Пока я тебя любила, сколько раз у меня было искушение
столкнуть тебя с крутой лестницы или в темный канал.

Как тут не вспомнить Марину Цветаеву:

О, вопль женщин всех времен: «Мой милый, что тебе я сделала?!

«Все мы родом из детства», – сказал один французский летчик. И чувство стыда наша героиня сохранила с самого детства на всю жизнь. В середине 80-х ИБ был в гостях у АА в Риме, она

вышла зачем-то на улицу, а когда вернулась, увидела, что ИБ, ничуть не смущаясь, спокойно листает ее дневник, написанный по-итальянски. Она успокоила свое врожденное чувство стыда мыслью о том, что по-итальянски он все равно не читает, а просто считает, сколько раз его имя упомянуто на каждой странице.

Читая книгу АА «Наизусть», я ощущал, что читаю продолжение чужого, очень личного поэтического дневника. Иногда по-детски невинного и открытого, потому что, как я уже говорил однажды: поэты – это не выросшие дети.

Но главное в книге не стыд: чтение любовной лирики, в конце концов, всегда подглядывание в замочную скважину души, потому что настоящий поэт пишет только для себя и о своей душе. А «Кто входит в эту дверь»? Только любимый, только у него есть ключ от этой двери.

Так похожа была на тебя
моя страсть, что я еще раз вернулась к тебе без ключей.

Вот где аукнулась у автора книги «Наизусть» метафора «потерянных в детстве ключей»:

Главное в книге, что ты узнаешь и находишь в ней свои собственные чувства! А это значит, что поэт поднялся на такую высоту, с которой может, не ведая того сам, обозревать судьбы других людей. И приведенные мной выше две цитаты только подтверждение этого.

Девочка стала взрослой, но чувство стыда никуда не исчезло. В послесловии к книге «Наизусть» АА пишет: «В то же время я была уверена, что проживаю что-то безумное, но исключительное, какое-то неудобное, но уникальное приключение. Стыд не проходит; я чувствую себя обманутой и мне из-за этого стыдно».

Всем обязана тебе я. В сожаленье
даже здесь ты превратил мою обиду.

Сколько женщин узнают в этих строках себя?

«Это была бумажная связь между постоянно пропадающим мужчиной и женщиной, которая могла себе позволить переходить от одной книги к другой, как коллекционер со своими бабочками. Из-за этого мне тоже было стыдно»…

Я, любя тебя, не мертвецом ходячим,
а живым воспринимаю, всю нежность
отдаю тебе свою, все надежды.

«Мы встречались редко, но писали и звонили друг другу. Свидетелей было мало. Роман был прожит в одиночестве, порознь и вдвоем».

Это как раз то, что необходимо, чтобы писать стихи: тягучая мука любви и одиночества, «порознь и вдвоем». Счастливые стихов не пишут и, уж конечно, не читают…

Может быть, ниже написаны самые сильные и глубокие строки в книге «Наизусть», которые можно отнести ко всем влюбленным на Земле:

> *Оба мы умрем. Справедливость иногда бывает неуместной.*

Смерть уравнивает всех – и счастливых и несчастных, и богатых и бедных, и любящих и нелюбящих. Это справедливо. Но если ты по-настоящему любишь, то эта «божественная справедливость» кажется тебе неуместной. Любящий готов отдать любимому свою жизнь, лишь бы любимый жил, был, пусть даже без тебя, и продолжился дальше – continue, continue, continue…

> *Как я молилась по ночам о справедливости:*
> *«Господи, даруй жизнь только достойному жизни!*

Обычно эта проблема решается Господом просто: он дарует двум любящим детей, потом внуков, и в них они видят свое продолжение – continue, continue, continue…

В интервью ВП прямо спрашивает АА об этом: «В «Набережной неисцелимых» есть, кажется, и еще одна фраза о ваших с ним отношениях:

«…ни для медового месяца (ближе всего к которому я подошел много лет назад на острове Иския и в Сиене…)». Если верить сообщениям того же Рейна, под посвящением «Ночь, одержимая белизной…» после вашего имени Иосиф написал: «… на которой следовало бы мне жениться, что, может быть, еще и произойдет». Почему этого не произошло?»

АА: «Однажды на Пьяцца Навона он спросил у меня: «Ну посмотри на меня, разве я похож на семьянина?»

Если нет детей, то вместо них появляются и остаются стихи, или картины, или музыка, или остается память о тебе. Высшая несправедливость – если ничего не остается от любви.

АА опередила всех: за 30 лет до выхода антологии «Из

незабывших меня», Томск, 2015 – стихи двухсот поэтов, посвященных ИБ, – автор книги «Наизусть» уже написала:

«Не забывшая тебя, и я исчезну».

«Не забывшая» тоже исчезнет, но останутся ее стихи о нем и его стихи о ней, как их дети, как их продолжение, continue, continue, continue…

АА вспоминает в интервью ВП: «Всякий триумф всегда в какой-то мере есть форма тирании. Я помню, как Иосиф позвонил мне из Лондона в день известия о Нобелевской премии и спросил каким-то жалобным голосом: «Пожалуйста, скажи, что ты рада».

Я ответила: «*Конечно, я рада. Вы большой молодец*».

В последних трех словах АА содержится толика защитной иронии и щемящей сердце тревоги, что потолок любви, давший трещину еще в первом стихотворении книги, может не выдержать звуков медных труб, победных фанфар и рухнуть, просто обвалиться, что и произошло потом.

Однако первое стихотворение АА после получения «благой вести» не содержит ни капли пафоса по отношению к ставшей знаменитой любимой Музе, одна бесконечная нежность и «невыразимая печаль», как будто все осталось как есть и ничего не произошло:

Капли чая из холодного чайника
на фарфоровой раковине
напоминают твои веснушки.
Стираю, ласково касаясь.

Рим, ноябрь 1987

Недавно опубликованная подборка стихов АА так и называлась: «Оставь все как есть».

ВП в интервью: «Можно ли Бродского назвать современным Пушкиным?»

АА: «Я не вижу в Бродском современного Пушкина. У Иосифа нет галантности, нет французской культуры XVIII века, нет так хорошо известных нам «ножек» Пушкина.

У них действительно много общего, но скорее в характере: оба Близнецы… Общая неуловимость и двойственность, донжуанство, остроумие и мрачность, экстравертность и в то же самое время какая-то нелюдимость».

Следующий парадокс книги АА оказался в том, что ее стихи

совершенно независимы от стихов ее учителя. Этот парадокс можно назвать «парадоксом Фриды Кало», когда, долго находясь рядом с большим художником, Музе удается сохранить свою творческую независимость, свой собственный почерк, не похожий на почерк учителя.

Пока море не поглотило берег, пойду, поищу
раковины, только в них сохранилась
белизна твоих рук, нежных впадин на сгибе. Мелочь, осколки;
их нужно набрать два полных кармана,
чтобы сложилось из них, как мозаика, твое эхо.

Брайтон, июль 1988 (пер. О. Дозморова)

Книгу стихов АА можно было бы так и назвать: «Твое эхо, твое эхо, твое эхо».

В одном из последних стихов «Зеркало» перед разрывом с любимым АА пишет:

«Ты меня обманываешь.
Как все.
Ты меня мучаешь.
Счастья все равно нет.
Стихи – вот счастье.

Рим, декабрь 1988 (пер. Г. Шульпякова)

Книга «Наизусть» притягивает к себе, ее хочется перечитывать. Делать закладки, подчеркивать строчки, ставить вопросительные и восклицательные знаки, некоторый строки сами запоминаются из-за естественности чувств.

Книга любовной лирики «Наизусть» написана женщиной и, казалось бы, прежде всего для женщин, но интересно, что все пять переводчиков, а также автор эссе – мужчины. Значит, книга притягивает всех!

Часть 3. Без Тебя – Ничего. Nulla (1989–1996)

АА «без него» не написала ни одного слова. Ничего. Nulla… Или, может быть, написала, но специально не включила ни одного стиха из этого периода жизни в свою книгу, чтобы подчернуть пустую метафору – Nulla…

Каждый, кто любил (а кто не любил?), знает это пустое время – «жизнь без тебя».

Поль Элюар так писал о нем:

Я бы мог в одиночестве жить
Без тебя
Это кто говорит
Это кто без тебя может жить
В одиночестве
Кто
Жить наперекор всему
Жить наперекор себе.

(Пер. М. Ваксмахера)

Перефразируя Поля Элюара вместе с Франсуазой Саган, автор книги стихов «Наизусть» все время «без тебя» – молчит, а мы слышим эхо этого плодотворного молчания:

И я вижу тебя, и теряю тебя, и скорблю, и скорбь моя подобна солнцу в холодной воде.

Часть 4. После Тебя, «Потом», или «Твое Эхо» (1996–2012)

В «Потом» часто возникают воспоминания о том, что было «Раньше». Как сказал Сергей Есенин: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи».

«Мы согласно парим над твоим прахом.
После первого недоверия мы беремся за руки.

Рим, февраль 1996 (пер. М. Еремина)

За руки взялось много людей, знавших ИБ, а из незабывших его – можно составить город.

Ты воплощал все лики любви, ты был путаницей,
ты был генеральной репетицией, после которой жизнь взорвалась,
и каждый осколок обрел свое имя.

Рим, февраль 1996 (пер. О. Дозморова)

В прекрасном стихотворении «Кто входит в эту дверь», Четона, июль 1997 (перевод Л. Лосева) АА пишет о двери в другой мир, о котором писал еще Данте, и в которую теперь вошел ее любимый:

Кто входит в эту дверь,
отделен от земли,
как цветы в его руках.
Здесь покоится человек без земли.

Теперь я смотрю на тебя без ненависти, без страсти,
без страха, без надежды.
Вижу тебя, каким ты был, ничего не прикрывая.
Вижу тебя, каким тебя уже нет.
Вижу расколдованным взглядом…

АА в интервью ВП: «Разумеется, он не следовал в жизни тем правилам, о которых говорил. Тогда многие высказывания Иосифа осложняли мое понимание его. Сбивали меня с толку.

Сегодня от всего этого со мной осталось редкостное богатство и сила. И тогда и сейчас самое интересное и важное для меня – это Иосиф-поэт, русский поэт, что он думал о жизни, о самых простых вещах, важен его опыт».

Как тут плакать о тебе,
если ты был облаком, паром?
Появлялся, исчезал,
делалось темнее, светлее,
занавешивал собой солнце.

АА в интервью ВП: «Ради этого я терпела все остальное. Гегель писал в «Эстетике», что каждому человеку следовало бы имитировать Христа, пережить все этапы его пути. Так вот, Бродский был моей Голгофой. Пушкин писал, что страдание – хорошая школа, а счастье – самый лучший университет. Так вот, Бродский был моей школой».

Но, выйдя из благородного возраста самотерзаний,
можно ли плакать об облаке?
Земля суха, как ресницы.
Ты был облаком, но дождь не шел.
Вот хоронят любовь. Из чего она сделана?
Из слов.

АА в интервью ВП: «Многие писали и пишут стихи о Бродском или посвящают ему стихи. Бродский превратился в клише в стихах его современников».

Последний парадокс книги «Наизусть» именно в отсутствии этого клише, в ее естественности, в том, что непонятно, «как сшиты» эти стихи, в их «несделанности».

Может быть, поэтому они и писались так долго, долгих 30 лет, пока все не отболело и «наконец все пошло на лад»:

Наконец все пошло на лад:
ты стал дорогой,
по которой ходят многие,
и я тоже. Стал колодцем,
где всякому хватит воды,
и я тоже свое опускаю ведро.
Кончилось проклятое время,
когда я хотела, чтобы ты был моим – и только,
и плакала, потому что

ты был для многих.
Теперь ты сам уже не ты,
а зеркало.

В стихах АА содержится то, чему учила Бродского Анна Ахматова, а в результате научила ее – прощению и смирению.

В статье «Плодотворное молчание», 2016 года, АА вспоминает: «Для меня Иосиф был быстрым выходом в другой мир, больший, чем мой».

«Иосиф, наоборот, любил во мне невинность, чистоту, молодость. Помню однажды, в Лондоне, он был смущен тем, что я ему рассказала, как покупала дешевые студенческие билеты на метро, хотя уже перестала быть студенткой. Он говорил, что это – ложь, и раз я способна на такую ложь, то могу изменить и своему мужу. Я старалась ему объяснить что нет, что эти поступки несравнимы, но эту дискуссию и его разочарование помню до сих пор. Иосиф искал невинность, потому что у него этого качества не хватало. Однажды, позже, он мне написал: «Если у меня есть основания думать, что я хороший, то это из-за Вас».

«Сейчас, много лет спустя, понимаю, что нежность Иосифа ко мне была совершенно настоящей и, временами, даже отчаянной».

«Он долго был моей Музой, хотя это может звучать как-то странно. Я не посвящала ему свои стихи, но он их вдохновил. Написала много стихов, где Иосиф был моим поэтическим «ты», хотя в жизни я с ним была на «Вы».

После его смерти в самом конце января 1996 года ее жизнь действительно взорвалась:

в феврале 1996-го она написала больше всего стихов о нем. АА собрала эти осколки и выложила из них мозаику под названием «Твое Эхо», где все отдается эхом его жизни:

и первое русское слово «автобус», и последнее «такое неуверенное прощание, словно бы навсегда»:

Ты ушел в самом конце января,
спустя семь лет с нашей последней встречи.
Не прощаясь, села на кольце на 60-й автобус,
достала билет. У дверей ты пристально посмотрел
на мои ноги в темных чулках. Предлагаю тебе
подняться, но ты мотаешь головой.
Потом делаешь шаг – первая ступенька, вторая,
затем все-таки отступаешь, и мы продолжаем
смотреть друг на друга, каждый миг длится вечность.
Ты растворяешься в темноте,
прежде чем водитель заводит мотор.

Такое неуверенное прощание, словно бы навсегда.

Рим, февраль 1996 (пер. О. Дозморова)

Оказалось, что это и было прощанием навсегда, «нам не дано предугадать» не только «как слово наше отзовется», но и какое прощание будет последним. Хотя что значит последним? «Значит, нету разлук. Существует громадная встреча».

Часть пятая или Часть речи: «Continue, continue, continue…»

В день, когда его не стало, она осиротела. На следующее утро она ходила опустошенная по коридору своей квартиры в Риме, и сверху ей явился его голос.

Он повторял шепотом, почти как заклинание, одно и то же слово по-английски: «Continue, continue, continue…». Это слово было – его завещанием ей.

Она выполнила его завещание – она продолжила писать стихи о нем:

Вот я и пою, чтобы спасти тебя от забвения.

«Раньше» ему, как изысканному меломану, нравились ее белые стихи, ее речь, идущая «прямым путем, в то время как у него, наоборот, речь постоянно кружилась» (АА). Будем надеяться, что и «Потом» там, наверху, когда он слышит ее голос отсюда, снизу, «пение сироты радует меломана» (последняя строка в стихотворении Иосифа Бродского «Ария», связанным с Аннелизой Аллева).

Бродский и неизвестная Иския (эссе о стихотворении Аннелизы Аллева «Прочида и Иския» и не поставленных инициалах)

«Non volevi tornare.
Per te Ischia restò sempre l'isola felice».
«Ты не хотел возвращаться.
Иския для тебя навсегда осталась
островом счастья».

Аннелиза Аллева
«Наизусть»

I. «Недостающее звено»

Прочитав название эссе, не очень искушенный в итальянской географии российский читатель может подумать, что речь в нем пойдет еще об одной неизвестной музе Иосифа Бродского (ИБ) с красивым итальянским именем Иския. И наш читатель окажется недалек от истины! Но не только красивый остров Иския в Неаполитанском заливе вдохновлял Бродского. На острове была и неизвестная муза, которая купалась и загорала, а поэт, «Сидя в тени» и глядя на нее, писал стихи.

В книге Льва Лосева «Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии» (серия ЖЗЛ) в «Указателе имен» содержится около 450 имен, но ни разу так и не упомянуто имя музы Аннелизы Аллева (АА). Это тем более странно, что Л. Лосев прекрасно перевел одно из лучших стихотворений АА, посвященных памяти ИБ, «Кто входит в эту дверь».

АА сыграла в творческой биографии И. Бродского заметную роль: Бродский написал несколько стихотворений, связанных с АА, вспоминал ее в своих эссе, они встречались почти восемь лет: с апреля 1981-го до конца января 1989 года.

Это «недостающее звено» в литературной биографии Иосифа Бродского только частично компенсируется в хронологии его жизни и творчества, составленной Валентиной Полухиной. Там коротко упомянуты названия стихов, адресованных АА, и совместная поездка Иосифа и Аннелизы на остров Иския к другу Бродского профессору слависту Фаусто Мальковати в первой половине июня 1983 года.

ИБ написал три стихотворения, вдохновленных АА: «Ночь, одержимая белизной / кожи…», «Элегия» и «Ария», но мы узнаем Аннелизу и в стихотворениях «Надпись на книге», «Воспоминание», а также в прозе ИБ в «Набережной неисцелимых»: «на ней было бы платье из тафты до колен, купленное как-то в Риме перед нашей поездкой на Искию. Она подняла бы глаза горчично-медового цвета, остановила взгляд на фигуре в плотном пиджаке и сказала: «Ну и пузо!».

Она же муза возможного «медового месяца (ближе всего к которому я подошел много лет назад, на острове Иския или в Сиене)». ИБ видит АА во сне, о чем пишет в «Письме Горацию», в книге «Горе и разум».

АА написала более семидесяти стихотворений, вдохновленных ИБ, начиная с «Мы отражаемся в зеркальных створках…» (Лондон, июль 1981) и заканчивая «Юсуповским садом» (Санкт-Петербург, май 2012), и опубликовала их в книге

«Наизусть», издательство «Пушкинского фонда», СПб, 2016.

Благодаря выходу книги АА «Наизусть» появилась возможность познакомиться не только с новыми гранями любовной лирики поэтессы, но и открыть еще одну неизвестную страницу в творческой биографии И. Бродского, связанную с островом Иския, а также взглянуть на «остров счастья» и «остров как вариант судьбы» (ИБ) глазами музы поэта.

Обложка книги стихов «Наизусть», из-во «Пушкинского фонда», СПб, 2016 и отзывы на стихи Аннелизы Аллева

«ты тускло светишься изнутри…», строка из стихотворения ИБ «Ночь, одержимая белизной / кожи…», адресованного АА

II. «Остров счастья», или «Из бесконечного в конечное»

В книге АА есть стихотворение «Прочида и Иския», уходящее памятью к поездке Иосифа и Аннелизы на остров Иския (пер. Михаила Еремина, подстрочник АА).

Procida e Ischia *Arrivammo a Procida col battello*
al crepuscolo, e qualcuno scese,
ma la nostra destinazione era Ischia.
Borbottai nella tua lingua
che quella non era la nostra isola,
ma restai incantata dalle facciate
color dell'oleandro e di albicocca,
dai placidi quarti di luna dei balconi.
Navigammo oltre, e scendemmo che era notte.
A Ischia restammo una settimana,
davanti al castello dei francobolli,
leccato dai flutti verdi e neri.
Vivevamo in attesa delle fotografie
scattate in casa.
Non volevi tornare.
Per te Ischia restò sempre l'isola felice.
Io invece volevo la terraferma,
per fare dell'isola una vita.
Tu, una volta a terra, ripartisti in fretta.
Eccomi, dopo anni, a Procida,
davanti a Ischia, l'isola felice.
Qui ho steso e ritirato il bucato.
Di Procida le onde sono mie,
come i capelli: le pettino,
le rovescio, e al loro sciabordio rifletto.
Ne mangio i pesci, raccolgo i limoni,
la osservo allo specchio,
e Ischia mi pare lontana.
Eppure, quando la vedo a un tratto tutta intera,
con le nuvole che la sovrastano,
ammassate a imitazione delle reti,
penso che questa sia la tua maniera
di farti vivo, di ridisegnare in aria il finito.
Scambiavo te per una terra, ed eri mare.
Eri il falso approdo di una zattera arrischiata.

Ora guardo Ischia, perché Procida
m'ha insegnato a contemplare.

Прочида и Иския *Наш корабль пристал к Прочиде*
в сумерках, и кто-то сошел на берег,
но Иския была нашей целью.
Я прошептала на твоем языке,
что это не наш остров,
хотя и была очарована фасадами
цвета олеандра и абрикоса,
мирными полулунами балконов.
Мы поплыли и берега достигли к ночи.
На Искии мы остались на неделю,
перед замком из серий марок,
облизанным черными и зелеными водорослями.
Мы фотографировались и ждали,
когда проявят наши фотографии.
Ты не хотел возвращаться.
Иския для тебя навсегда осталась
островом счастья. Я же хотела остров
превратить в материк жизни.
Но оказавшись на земле, ты поторопился уехать.
И вот я, спустя много лет, на Прочиде,
перед Искией, островом счастья.
Здесь я развешивала и снимала белье.
Из Прочиды волны мои: я их причесываю,
откидываю и под их плеск размышляю.
Я ем ее рыбу, собираю лимоны,
вижу ее в моем зеркале,
а Иския мне кажется далекой.
Но когда я Искию вижу
неожиданно, с облаками, нависшими
над ней, словно сеть, мне думается,
что это в твоей манере подавать о себе знак,
в небе начертать конечное.
Я принимала тебя за землю, а ты был морем.
Ты был ложным причалом непрочного плота.
Сейчас я спокойно смотрю на Искию,
потому что Прочида
меня научила созерцанию.

«Но когда я Искию вижу неожиданно, с облаками, нависшими над ней, словно сеть», строка из стихотворения АА «Прочида и

Иския», адресованного ИБ.

Бродский говорил, что для человека, пишущего стихи, естественно написать пьесу.

Вот АА и написала пьесу… в стихах. Стихотворение-пьеса «Прочида и Иския», написанное в 2001 году, – это «спектакль памяти» о том, что было в 1983 году на Искии. Развитие стихотворения и его структура напоминают пьесу из нескольких действий.

Не случайно у АА вышла в 2013 году книга эссе и воспоминаний, так и называющаяся: «Lo spettacolo della memoria» («Спектакль памяти»), Quodlibet, Roma.

В стихотворении-пьесе «Прочида и Иския» можно четко выделить четыре действия.

Действие первое: Остров воспоминаний, или «Наш корабль пристал к Прочиде».

Но чтобы вспоминать счастье, надо хотя бы на мгновенье побыть счастливым, поэтому «*Иския была нашей целью*». Однако, сколько бы счастье ни длилось, счастья быть с любимым человеком – его всегда будет не хватать. Малость счастья – основной мотив не только этого стихотворения, но и всей книги стихов «Наизусть».

Действие второе: Остров счастья:

Ты не хотел возвращаться.
Иския для тебя навсегда осталась
островом счастья. Я же хотела остров
превратить в материк жизни.

В этом четверостишии выражен основной конфликт, поворотный пункт всего стихотворения-спектакля: герой хочет навсегда остаться на острове счастья, как сказано у Данте: «И к дикому не возвращаться логу», а героиня хочет превратить сейсмически опасный и ненадежный остров счастья в материк жизни и «выбрать новую дорогу».

Евгений Рейн в эссе-рассказе «Мой экземпляр «Урании» пишет:

«Целая группа стихов в «Урании» связана с Аннелизой Аллева. Бродский вписал ее имя над «Арией» (страница 109), над стихотворением «Ночь, одержимая белизной» (страница 162), над «Элегией» (страница 188). А к стихотворению «Сидя в тени» (страница 156) он сделал следующую приписку: «Размер оденовского «1 сентября 1939 года». Написано-дописано на острове Иския в Тирренском море во время самых счастливых

двух недель в этой жизни в компании Аннелизы Аллева».

Под посвящением той же Аннелизе на странице 162 другая фраза, от имени спускается долгая линия, упирающаяся в продолжение записи: «…на которой следовало бы мне жениться, что может быть еще и произойдет». Стихотворение, написанное на Искии, помечено июлем 1983 года».

Герой понимает, что счастье – очень зыбкая и недолговечная материя, а остров Иския вулканического происхождения, где «у пейзажа черты вывернутого кармана», где бывали землетрясения и «где клясться нерушимостью скалы на почве сейсмологии нельзя». Поэтому «оказавшись на земле» герой пьесы «поторопился уехать».

Действие третье: Воспоминание. «И вот я, спустя много лет, на Прочиде».

Иския – остров счастья, а Прочида – остров воспоминаний. В реальной, физической жизни Иския намного больше по площади, чем Прочида. Но в метафизической жизни и в любви все наоборот: воспоминания о счастье больше, чем само счастье!

Много лет спустя после Искии, в июне 2001 года АА провела месяц на Прочиде, откуда Иския хорошо видна, и могла предаваться воспоминаниям о своем прошлом, но скорее о том, что время придает чувствам дистанцию и ясность: «Время, как море между островами твоей собственной жизни». Иския была там рядом, но АА не могла тронуть прошлое, прикоснуться к нему, а могла только созерцать прошлое.

Созерцание «острова счастья» – финал и главная идея всего стихотворения.

Действие четвертое: Созерцание. «Но когда я Искию вижу», то

мне думается, что это в твоей манере подавать о себе знак, в небе начертать конечное.

«Что Вы имели в виду?», – спросил я у АА, написав: «*в небе начертать конечное*»?

Аннелиза мне объяснила: «То, что мне было видно над Искией – небо, облака, птицы, – казалось мне его посланиями из другого мира, из мира бесконечного. В моем воображении он начертал в воздухе знаки, чтобы общаться со мной: из бесконечного в конечное».

Береговая линия Искии, на которую можно смотреть не отрываясь всю жизнь, прекрасна, но конечна, а бесконечна только береговая линия воспоминаний. Поэтому у меня есть дополнение к воображению АА о «конечном знаке, начерченном ИБ в небе», а вернее сказать, «о знаке не начерченном ИБ в небе» и я напишу об этом в конце эссе.

Стихотворение «Прочида и Иския» необходимо рассматривать

в контексте всех стихов сборника «Наизусть». Нам не только «не дано предугадать, *как* слово наше отзовется», но и *когда* отзовется словом то, что с нами было. Одному Господу известно, когда память поэта достанет из своих кладовых то далекое, что называлось «островом счастья», и сложит из него стихи.

ИБ отозвался на «Искию Аннелизы» и написал «Ночь, одержимая белизной / кожи…». АА отозвалась на «Искию Иосифа» только в 2001 году, написав «Прочида и Иския». Теперь можно точно ответить на вопрос Марины Цветаевой:

«Линией береговою / скоро ль память отошла?» У АА память отошла – через 18 лет.

Продолжая «Попытку ревности» Марины Цветаевой, можно сказать, что Бродский для АА был не только «*ложным причалом непрочного плота»,* но и плавучим островом,

По небу – не по водам)!
Души, души! – быть вам сестрами,
Не любовницами – вам!

Но счастливые в момент счастья, как известно, стихов не пишут, а если и пишут, то шуточные стихи, как написал Бродский на Искии в июне 1983 года:

«Прекрасна каза Мальковати, одна беда – малы кровати».

Величие поэта определяется универсальностью места, где его читают, и независимостью от времени, в котором его читают. Почти за двадцать лет до поездки на Искию ИБ обеспечил самоиронией алиби своим шуточным стихам. Джон ле Карре говорил о ИБ: «Ему нравилась самоирония. Ему всегда доставляло удовольствие самого себя ставить на место».

я, в сущности, желавший защитить
зрачком недостающее звено, —
лишь человек, которому шутить
по-своему нельзя, запрещено.
Я, в сущности… Любители острот
в компании с искателями правд
пусть выглянут из времени вперед…

Это о нас с вами, читатель, о «любителях острот и искателях правд», сказал поэт, поэтому мы последуем мудрому совету знаменитого поэта и в конце эссе «выглянем из времени вперед». А пока мы выглянем из нашего времени назад и посмотрим, что написано о пребывании ИБ и АА на Искии (и сразу после него) в

«Хронологии жизни и творчества Иосифа Бродского», составленной Валентиной Полухиной.

III. «Рок, не щадя причин, топчется в нашем прошлом»

«1983 год:

1—15 июня – Бродский живет на острове Иския в доме Фаусто Мальковати вместе с Аннелизой Аллева (см. стихотворение «Ночь, одержимая белизной / кожи…»).

15—22 июня – Бродский в Риме (вероятнее всего, вместе с АА, где она родилась и живет всю жизнь. – *Прим. М.Я.)*

Июль-август – пребывание в Саут-Хедли, потом в штате Мэн вместе с Аннелизой Аллева.

12 августа – вернулся в Нью-Йорк (скорее всего, вместе с АА. – *Прим. М.Я.)*

31 августа – выступление Бродского на Римском поэтическом фестивале на вилле Боргезе (вероятнее всего, на выступлении присутствовала АА. – *Прим. М.Я.)*

1– 7 сентября – недельная поездка по Италии на машине в компании Аннелизы Аллева: Орвьето, Тоди, Перуджа, Сиена. Съездили также в Ареццо, где осмотрели фрески Пьеро делла Франческа в церкви Святого Франциска».

Мы видим, что все лето и начало осени 1983 года «от Искии и до Сиены» ИБ и АА практически не расставались. Поэтому интересно посмотреть, как отразилось одно и то же счастливое время в их стихах. Стихи ИБ, написанные летом 1983 года и позже, хорошо известны: «Сидя в тени», «Ночь, одержимая белизной / кожи…» и другие.

А вот первое стихотворение АА после Искии, написанное в Риме, в ноябре 1983 года (пер. Михаила Еремина):

Ищу между строчками страсть. Ничего.
Пламя в тебе бесплодной искрой
пустой зажигалки. Прошлое твое
воспламеняет мое будущее. Чтобы ты
был однажды окутан равной ревностью.

АА ищет страсть между строчками стихов ИБ и не находит ее там, но она пророчески чувствует, что «прошлое его воспламеняет ее будущее». Так и произошло: во второй части книги «Наизусть», в «Потом», написанной уже после смерти ИБ, содержится больше стихов, чем в первой части книги «Раньше», и наиболее сильных стихов АА.

Желание владеть всем любимым, всем его временем, ревность к постоянным его исчезновениям, к стихам, посвященным другим женщинам, встречается во многих стихотворениях АА, первая часть книги «Раньше» практически вся пронизана ими:

Ты же пишешь не ко мне обращаясь,
а ко всем. В стихах рисуешь другую,
ту, что с жизнью, вдохновив, распростилась.
Ей ты их, а не мне, посвящаешь.
В твоем языке «измена» только
с дательным согласуется….

(Рим, октябрь 1985, пер. Максима Амелина)

Как тут не вспомнить Марину Цветаеву, написавшую за всех влюбленных женщин:

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О, вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!

В конце книги в одном из лучших своих стихотворений АА пишет (пер. О. Дозморова):

Наконец все пошло на лад:
ты стал дорогой,
по которой ходят многие
и я тоже. Стал колодцем,
где всякому хватит воды,
и я тоже свое опускаю ведро.
Кончилось проклятое время,
когда я хотела, чтобы ты был моим – и только,
и плакала, потому что
ты был для многих.
Теперь ты сам уже совсем не ты,
а зеркало.

Всматриваясь в зеркало времени, АА спрашивает его: «*Ты тело мне возвращаешь мое, но что с ним делать одной?*» (Это почти перекличка с Осипом Мандельштамом:

«Дано мне тело – что мне делать с ним, таким единым и таким моим?»).

А зеркало отвечает АА: «*Хорошо только то, что далеко…*» (стихотворение «Зеркало», пер. Глеба Шульпякова).

IV. «Справедливость иногда бывает…»

АА в послесловии к книге пишет, что ИБ был не только вдохновением многих ее стихов, но еще и ее учителем. АА была хорошим учеником и на-училась у ИБ брать очень высокие поэтические ноты, достойные учителя. Одной из самых высоких нот в партитуре ее стихов является строка, которая уже полгода не выходит у меня из головы:

Оба мы умрем. Справедливость
иногда бывает неуместной.

Послушайте, как звучит эта же «нота справедливости» в партитуре языка Данте:

„Morremo entrambi. Della giustizia,
qualche volta, si può fare a meno“.

И далее АА пишет:

Не забывшая тебя, и я исчезну.
……
Пусть любовь, как и у всех на свете, будет.
Всем обязана тебе я. В сожаленье
даже здесь ты превратил мою обиду.

(«Письмо в сонетной форме», пер. Максима Амелина)

Наша жизнь – маленький островок счастья, находящийся в огромном море несправедливостей. Одна из таких несправедливостей, по-моему, заключается в том, что имя АА или ее инициалы, которые И. Бродский вписал своей рукой в экземпляр «Урании», подаренный Е. Рейну, он не перенес позже в опубликованные версии своих стихов.

В чем причина того, что при публикации стихов, связанных с Аннелизой Аллева, ИБ не указал инициалы А.А.? Надо ли нам знать правду, что было в прошлом?

«Маленькие города, где вам не скажут правду. Да и зачем вам она, ведь все равно – вчера». И важна ли для нас, читателей, эта правда в настоящем? И что мы хотим увидеть в будущем?

Ответ мы находим у самого ИБ и следуем ему: «Настоящему, чтоб обернуться будущим, требуется вчера». Вот и вернемся, читатель, «во вчера», назад в четвертое действие стихотворения-спектакля «Прочида и Иския»:

Но когда я Искию вижу
неожиданно, с облаками нависшими
над ней, словно сеть, мне думается,
что это в твоей манере подавать о себе знак,
в небе начертать конечное.

Обьяснение АА «*в небе начертать конечное*» я привел в начале. Однако в этих строках есть и второй смысл, его часто не осознает и сам поэт, поскольку является всего-навсего медиумом, орудием языка, на котором пишет.

В небе над стихотворением, связанным с Искией и Аннелизой, «Ночь, одержимая белизной…», мы не видим, начертанных ранее рукой ИБ, имени АА или ее инициалов, а видим только бесконечно мерцающие в белой ночи три черные типографские звездочки * * * и два пробела между ними. По-моему, эти пробелы предназначены для первой буквы любого алфавита: русского, итальянского, английского.

В интервью 2004 года в Венеции Валентина Полухина спрашивала АА: «Евгений Рейн в своем эссе-рассказе «Мой экземпляр «Урании» пишет, что Бродский вписал ваше имя над несколькими стихотворениями, с вами связанными: «Ночь, одержимая белизной…», «Ария» и «Элегия». Почему нет ваших инициалов в опубликованных версиях?»

АА отвечает: «Бог знает, почему Иосиф не поставил мои инициалы при публикации посвященных мне стихов…У меня было такое впечатление, что Иосиф иногда запутывает читателя в своих посвящениях, что он опять что-то скрывает. Он пользовался датами, названиями, посвящениями, меняя иногда сами стихи, то чтобы кому-то польстить, то чтобы кому-то досадить или просто поиграть в прятки с читателем».

«Недостающее звено» – это ненапечатанные в небе над стихотворениями инициалы А.А., а вместо них сиротливо мерцающие три мелко вздрагивающие типографские звездочки, ни одна из которых не способна вспомнить ни «Имя музы», ни «Имя розы».

Справедливость иногда бывает уместной…

«сумевшая не растерять лучей, преломившихся о твои черты», строка ИБ из стихотворения, адресованного АА (Москва, 2012 г., фото Максима Амелина)

Литература

Аннелиза Аллева «Наизусть», книга стихов, изд-во «Пушкинского фонда», СПб, 2016

Иосиф Бродский «Сочинения», «Урания», изд-во «У-Фактория», Екатеринбург, 2003

Лев Лосев «Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии». ЖЗЛ, Серия биографий. Москва, изд-во «Молодая гвардия», 2006

Валентина Полухина «Эвтерпа и Клио Иосифа Бродского. Хронология жизни и творчества». Серия бесконечность, изд-во «Ozon», 2012

Валентина Полухина «Иосиф Бродский глазами современников». Книга вторая. Интервью с Аннелизой Аллева, май 2004, Венеция. Изд-во «Звезда», 2006, с. 306–323.

Евгений Рейн «Мой экземпляр «Урании» в сборнике «Иосиф Бродский: Труды и Дни», составители Лев Лосев и Петр Вайль. (Москва, изд-во «Независимая газета», 1998, с. 139–153.

Марк Яковлев «Настежь, или Все лики любви». Эссе о книге стихов Аннелизы Аллева «Наизусть». Изд-во «За-За», в журнале «БумЖур» № 29, ноябрь 2016, с. 77–88.

Mark Jakovlev “Tutte le facce dell’amore”, saggio sulla raccolta poetica A memoria/Naizust’ di Annelisa Alleva, “Semicerchio”, Rivista di poesia comparata, 2017.

Марк Яковлев

Корни и кроны
(эссе о жизни и творчестве Эвелины Шац)

„l'anima non è mai umile
aspira all'eternità“
«душа не знает смирения,
она алчет вечности»

Эвелина Шац «Тонкий голос снега»

«…но если вы родились в Одессе,
то это – навсегда!..»

Из кинокомедии Леонида Гайдая «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди»

Предисловие

Эвелина Шац (ЭШ) – итальянско-русский поэт, эссеист, художник. Кроме этого она создатель уникальных книг, скульптор, режиссер, издатель. Она поставила несколько своих спектаклей, а также была ассистентом режиссеров Юрия Любимова, Андрея Кончаловского, Отомара Крейчи при постановках ими русских опер в миланском театре Ла Скала. Ее работы находятся в ряде музеев и Национальных библиотек (Третьяковская галерея, БАН и т. д.), в частных коллекциях России, Италии, Украины, ряда стран Европы, Америки и Азии.

Но прежде всего ЭШ – поэт. Она пишет стихи на русском и итальянском языках, потому что поэзия, как говорил Роберт Фрост, то, что непереводимо. ЭШ – лауреат нескольких престижных итальянских поэтических премий.

На ее стихи создавали музыку известные современные российские и итальянские композиторы: Кирилл Волков, Андреа Талмелли, Марио Руффини, Сергей Слонимский, Ираида Юсупова и другие.

Она автор многочисленных литературных портретов известных деятелей культуры России и Италии, с которыми была знакома: Сергея Параджанова, Эдуардо де Филиппо, Мстислава Ростроповича, Юрия Любимова, Лили Брик и других.

ЭШ посвятила стихи Велимиру Хлебникову, Иосифу Бродскому, которые вошли в Книгу посвящений. Российское телевидение выпустило двухсерийный фильм об ЭШ «Женщина: вариант судьбы» (реж. В. Македонский), где она сыграла саму себя.

ЭШ – многогранный талант: стихи и эссе, скульптуры и инсталляции, книги-объекты, стиль одежды и стиль мышления, стиль Милана и стиль Москвы, говоря коротко, «life style». Но поскольку Козьма Прутков сказал, что нельзя объять необъятное, то мы поговорим в основном об одной грани ее таланта – поэтической.

Поэтическое творчество ЭШ – это генетический код, где, как в двойной спирали ДНК, переплелись родословная автора и его стихи, текущие, будто река, между двух берегов итальянского и русского языка (см. книгу „Иероглиф бесконечности», изд-во «Русский импульс», Москва, 2005, и русско-итальянский каталог выставки «Археология будущего», Мин. культуры России и Украины, Милан – Москва – Одесса, 2000).

Чтобы понять, откуда у поэтического дерева Эвелины Шац такая богатая талантами крона, мы начнем с «археологических

раскопок» его корней, с родословной ЭШ, тем более что одна из книг о ней так и называется: «Археология поэта – словарь образов Эвелины Шац», рецензенты: И.В. Бестужев-Лада и М.Л. Гаспаров, изд-во «Русский импульс», Москва, 2005).

Корни дерева Эвелины Шац

Родословная любого человека начинается с мамы и папы, с семьи, города и страны, где он родился. «Нет, – говорит ЭШ, – у поэта и художника все по-другому».

«Я сама – страна своего происхождения! Я сама себе корни!» (пер. с итальянского ЭШ)

Однако хотим мы того или нет, но с возрастом мы все больше и больше начинаем походить на своих родителей и в бесконечности сливаемся с ними.

Мать ЭШ Хелен Мюллер – скульптор и керамист, родилась в Филадельфии, США, в состоятельной немецкой семье Джозефа и Анны Мюллер. Родители привезли ее в молодую советскую республику (вместе с первым трактором) восьмилетней девочкой в 1924 году. Зажиточные социалистические романтики, они мечтали сделать всех людей счастливыми и для этого поехали в страну еще не развитого социализма строить «светлое будущее».

Фамилия «Шац» переводится с немецкого (первый язык ЭШ) как «сокровище, богатство». В немецком существует стандартное, устойчивое словосочетание «Mein Schatz», что соответствует в английском «My darling» или в русском «Моя дорогая». Скорее всего, родители Хелен называли маленькую дочь ласкательным именем «Mein Schatz», сами не подозревая второго смысла этого выражения: их дочь выйдет в будущем замуж за художника Мануэля Шаца.

Мануэль Шац родился в украинском городке Винница в 1916 г. в семье столяра-краснодеревщика – «еврейский клан шагаловских персонажей, летающих в небесах провинциальной России и разлетевшихся по всему миру: кто-то в Америку, кто-то в Париж» (Вера Калмыкова). Судьбы Мануэля и Хелен пересеклись в Одессе, где они учились вместе в художественном училище. Как уже понял внимательный читатель из эпиграфа к эссе, ЭШ родилась, конечно же, в многонациональном, богатом талантами городе Одессе, где Восток встречается с Западом, и получила такой энергетический заряд при рождении, что этого импульса ей хватило навсегда!

Отец и мать ЭШ оказались в числе лучших учеников Одесского художественного училища, и их направили учиться дальше, в Академию художеств в Ленинград.

Работы Мануэля Шаца хранятся сегодня в различных музеях страны и в многочисленных частных коллекциях Европы и Америки.

Любовь к тому, чтобы что-то мастерить своими руками, –

например, уникальные рукотворные книги, скульптуры, инсталляции, – вероятнее всего, передалась ЭШ от матери. От отца ей досталась любовь к живописи и чуткое ее понимание.

Необычно, что ЭШ в начале своего творческого пути стала итальянским поэтом, а потом и русским, и лишь затем она стала художником, что уже неудивительно, имея такие корни. Совмещение двух различных талантов: звукового – поэтического и визуального – художественного и дало удивительный результат – поэзию Эвелины Шац.

Родители ЭШ в начале войны оказались в Ленинграде. ЭШ рассказывает: «Во время блокады отец до последних дней, пока совершенно не обессилел от голода, принимал участие в обороне города. Проходившей по Ладожскому озеру «дорогой жизни» (часто становившейся дорогой смерти) отца и мать вывезли на грузовиках из осажденного города, и они попали в больницы разных городов где-то в Приуралье».

В первый же день войны Джозеф Мюллер, его вторая дочь Жозефин и зять Эдуард Штефан были арестованы и сосланы в Сибирь (в середине 50-х годов все были реабилитированы).

Маленькая Эвелина с двоюродным братом, дедушкой Шацем и бабушками должны были эвакуироваться из Одессы на теплоходе «Ленин». Вскоре соседи Мюллеров и Шацов узнали страшную весть: теплоход «Ленин» взорван. Но в эвакуационной суматохе дедушка и бабушки с внуками не попали на этот теплоход. Шацам с Эвелиной удалось уплыть из Одессы на другом баркасе, а Анна Мюллер бежала с маленьким внуком Эдгаром Штефаном в степь, которая остановила их пожарами.

Во время оккупации Одессы Анна Мюллер, рискуя жизнью своей и двухлетнего внука, два года прятала у себя в погребе соседку Веру, еврейку, муж которой был связан с партизанами, и спасла ей жизнь. Об этом написала в воспоминаниях Валентина Голубовская, хорошо знавшая Анну Мюллер. ЭШ, будучи у бабушки после войны, однажды заглянула в этот «погреб», яму в земле под платяным шкафом, и ужаснулась: как можно было выжить там так долго?!

В конце войны родители ЭШ поселились в Москве. В День Победы шестилетняя девочка Лина уже бежала вместе с дворовыми мальчишками постарше в толпе народа на Красную площадь. Народу было так много, что маленькую девочку могли нечаяно задавить в толпе, но все, к счастью, обошлось.

В доме у Хелен и Мануэля часто бывали не только художники, но и композиторы: Дмитрий Шостакович, Арам Хачатурян, Антонио Спадавеккиа, и маленькая ЭШ с детства слышала их музыку. Отсюда понятно, почему корни ЭШ так тесно

связаны с современными композиторами и музыкальным авангардом.

Мирная жизнь часто разъединяет людей быстрее, чем суровые испытания. ЭШ вспоминает: «Отец был вдохновенным женолюбом. Это, думаю, его второе призвание.

С детства помню многочисленных папиных поклонниц, ухоженных и благоухающих. Кончилось тем, что отец с мамой разошлись: отец увел жену (и половину дачи. – *М.Я.)* у своего друга композитора Антонио Спадавеккиа и женился во второй раз» (а Хелен с дочерью уехала к матери в Одессу. – *М.Я.)*.

В Одессе ЭШ окончила школу и поехала учиться в Москву на искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ, а позже по тому же профилю окончила Миланский университет. Потом ЭШ еще недолго училась на филфаке МГУ у профессора Богатырева.

Николай Гоголь писал: «Редкая птица долетит до середины Днепра», а Юрий Нагибин, говоря об ЭШ, замечает: «Редкий итальянец, работающий или учащийся в России, возвращается на родину без русской жены. Может быть, потому что с России нечего больше взять?» Юрий Нагибин не только описывал, но и рисовал характеры людей.

Почему же нечего взять? Вот, например, Юрий Гагарин – первым полетел на белом космическом корабле «Восток» вокруг Земли, а Эвелина, даже опередив первого космонавта, поплыла на белом морском пароходе на Запад – из Одессы в Милан со своим итальянским мужем. Это были два эквивалентных по значимости события мировой истории: потому что уехать из СССР в капиталистические джунгли было в то время равносильно полету человека в космос!

Но отъезд ЭШ на белом морском пароходе не был «белым и пушистым». Родной отец, «любовный космополит» – первый раз женатый на американской немке, а второй раз на русской столбовой дворянке, – боялся, что может быть обвинен во всех семи смертных грехах. Поэтому для страховки он написал письмо «куда надо» о том, что его дочь хочет променять соц-рай на кап-джунгли. ЭШ вызвали «куда надо», но не сослали в Сибирь, так как нравы со времен «отца народов» слегка помягчели, а стали отговаривать. Однако быстро поняли, что «девушка с характером» и готова ехать за любимым человеком, как декабристка, хоть в Сибирь, хоть, как Гагарин, лететь в космос. Но ехать «декабристке» предстояло не в суровую Сибирь, где уже отсидела более 10 лет почти вся семья Мюллеров, а в «Белла Италию», и от нее отстали. Возможно, «там, где надо» подумали: «яблоко от яблони недалеко падает» и ЭШ, как ее дедушка и бабушка

Мюллеры, едет в Италию строить «светлое будущее для всего человечества». Они были не далеки от истины: ЭШ строила в Италии «светлое будущее», но не для всего человечества, а для мира людей искусства.

А до того «любовный космополит», слегка подзабыв с возрастом, что «любовь не знает границ», но еще хорошо помнящий борьбу «отца народов» с «безродными космополитами», запер дочь дома в надежде оградить ее от любимого. Однако благодаря Ксении Муратовой – подруге из МГУ, куда принимают, как известно, самых талантливых, веселых и находчивых, юная Джульетта выбралась через окно, под которым наш Ромео пел серенады, и упорхнула к любимому в одном домашнем халатике и без документов. Любовь не знает границ и не проверяет документы!

Будем считать, что все эти «временные трудности» были еще одним испытанием и не чем иным, как «налогом на свободу». Как писал Евгений Рейн в стихотворении, посвященном ЭШ: «Белладонна, стиха портниха, чей ты выплатила налог?»

Этот налог на свободу в жизни – без «диктатуры пролетариата» и в творчестве – без «диктаруры рифмы», на возможность писать свободным стихом, ЭШ будет платить и дальше – всю оставшуюся жизнь. Стремление к свободе и в жизни, и в стихах составляет основу ее личности.

Тирания любой диктатуры невыносима для ЭШ: она отвергла диктатуру отца – стала общаться с ним только после его смерти и даже устроила в Милане выставку его работ. Она отвергла диктатуру пролетариата, уехав еще студенткой из СССР.

Она отвергла диктатуру брака, родив единственного сына между первым и вторым браком. И это в консервативной, католической Италии 60-х годов прошлого века, где за измену мужу жену могли посадить в тюрьму. Нравы, правда, сильно помягчели со времен средневековой инквизиции, и женщин, слава богу, уже не сжигали на кострах, как в «старые добрые времена».

Она, наконец, отвергла диктатуру рифмы, вернувшись в русский язык, но продолжая писать на нем свободным стихом. ЭШ, оказавшись в чужой языковой среде, нашла в итальянской поэзии убежище и в нем близкие души: Данте и Леопарди, д'Аннунцио и Дзандзотто. Но приток другой мировой поэзии влился со стороны итальянского берега и питал ее в зрелые годы: Эмили Дикинсон и Эзра Паунд, Эдмонд Жабес и Пауль Целан, Фернандо Пессоа и Дерек Уолкотт.

А в русскую поэзию она, блудная дочь, вернулась, следуя концепции Ницше «вечного возвращения». При этом смены языка,

как таковой, не произошло, просто эстетические знаки Италии проросли сквозь безразмерность России, способствуя кристаллизации сознания или, лучше сказать, – его становлению.

И только от тирании одной диктатуры она никак не может освободиться всю жизнь: от диктатуры таланта, который вечно не дает ей покоя.

ты сказал мне: поэт – тиран
ты прав: он себя убивает сам
ты прав: он сам себе тиран
самостоятельность смерти
отличает его от черни
смерть есть свобода поэта
от двуликой сути завета
от рока поэтова «Я»

ЭШ оказалась в Милане в хрущевскую оттепель, когда отдельных советских деятелей искусства стали немного выпускать за границу. Она стала «Русским домом в Милане» – тем самым «светлым будущим» для близких ей людей культуры.

Но стихи на русском ЭШ начала писать, как ни странно, в Нью-Йорке в середине 80-х.

Возможно, здесь сказалась смена языковой среды, фрейдовский эффект вытеснения, прорыв блокады с итальянского на английский и понимание того, что есть другое небо. Высокое, пространственное: небо расстояний, небо над ризомой. И небо это – общее небо Милана – Нью-Йорка – Москвы! А под ним – русский язык.

Петербург первым открыл ЭШ как поэта, и открытие произошло на неделе современной итальянской музыки. Потом Ю. Нагибин и Е. Рейн устроили ей творческий вечер в ЦДЛ – и «Остапа понесло»: были опубликованы три тома «Эхо зеркал», «Иероглиф бесконечности», «Археология поэта. Словарь образов Эвелины Шац» (авторы А. Голованова, В. Калмыкова, Г. Кулакин, рецензенты: И.В. Бестужев-Лада и М.Л. Гаспаров, изд-во «Русский импульс», Москва, 2005).

ЭШ в конце концов сама подвела итог своей родословной и ответила на вопрос «Кто Я в этом мире?» в поэме «PROEMIO» (1995–2015), недавно опубликованной в Италии в маленькой изысканной книжке-билингве с иллюстрациями русско-канадской художницы Марины Поповой. В Москве готовится новое рафинированное издание «PROEMIO» на этот раз с иллюстрациями Василия Власова и текстом Виктора Коркия.

«Я – не еврейка:
ни по религии
ни по традиции
ни по восприятию
ни по культуре
разве что только
по преследованию

Я – не немка:
ни по отчеству
ни по традиции
ни родом
разве что только по доле
лингвистического участия…

Я – не американка
разве что только
по рождению в Филадельфии
моей матери…

Я – не венгерка…
Я – не австрийка…

(ЭШ имеет в виду Австро-Венгерскую империю, где родились ее немецкие дедушка и бабушка. – *М.Я.*)

Я – не русская. Если бы я не была ею кардинально, своей манерой быть, философией родного, то бишь эмоционального пейзажа, принадлежностью к определенной материнской утробе – суть язык русский (культура) со своим необъятным комплексом славяно/персидско/монголо/турецко/китайско/кочевнической и прочей части Европы. Разве этого так мало, быть русским?!

Я – не итальянка. Если итальянский не был бы вторым чревом, избранным, желанным. Рационализирующим мою русскую иррациональную манеру быть: некая графическая структура моей анархической непринужденности.

И, наконец – рукопашная, в которой собственная свобода утверждает себя в ожесточенной схватке с принуждением власти имперской или с демократическим низведением к посредственности. Влияния всегда взаимны по закону противодействий, утомительному, но, надеюсь, конструктивному…

Вечно тоскующая по родному языку – Поэзии».

Вот мы, читатель, и докопались в археологии поэта до самого

глубокого корня в «Дереве Эвелины Шац» – Языка Поэзии!

Кроны дерева Эвелины Шац

Крона Поэта

Поэзия ЭШ – это река, бурно текущая между двух берегов: русского берега – Велимира Хлебникова и другого – итальянского берега, где она встретилась с языком Габриеле д'Аннунцио, которым ЭШ прониклась, но не подверглась его влиянию в творчестве.

А вот Хлебников для ЭШ – гуру, и в русской поэзии он оказал на нее наибольшее влияние. Эвелина посвятила Хлебникову 16 стихотворений и несколько книг-объектов.

Она автор известного проекта «Итальянские художники – Хлебникову», который многократно выставлялся в музеях и выставочных залах Италии и России.

ЭШ всю жизнь с ним общается, что видно сразу и в стилистике, и в форме стихов, основной корпус которых находится в десяти русских книгах ЭШ: трех книгах «Эхо зеркал», в пяти книгах «Иероглиф бесконечности», «Неумолимая орбита» и «Песни Клену».

Через 6 лет жизни в Италии ЭШ написала свое первое стихотворение на итальянском языке. А через 10 лет вышел первый сборник ее стихов «Le facezie o dell'ardore» («Забавы, или О страсти»), за который она получила престижную литературную премию города Комо. А вот передачу по ТВ о награждении ее еще одной высокой поэтической премией Гвидо Гоццано за сборник «Atlante delle cerimonie» ЭШ «проспала». Почему?

Стихи писала…

В поисках итальянского берега в поэзии ЭШ мы, казалось бы, должны были идти к итальянским футуристам: Маринетти, Палаццески, Соффичи и другим, которые могли бы повлиять на творчество ЭШ так же сильно, как Хлебников. Но в том-то и дело, что берега поэтической реки Эвелины Щац оказались несимметричны! Поэты других континентов двадцатого века стали ее «Вергилиями» в мире современной поэзии. Хотя в итальянский поэтический язык она вникала с д'Аннунцио, зачитывалась Леопарди, была не просто лично знакома, но и дружна с Монтале и даже в его честь назвала своего единственного сына – Eugenio.

Сын ЭШ Eugenio Alberti Schatz женился на племяннице известного казахского поэта Олжаса Сулейменова, написавшего книгу «АЗиЯ», и таким образом семья Шац стала теперь

евразийской.

Я не удивлюсь, если внук ЭШ Эдгар женится на девушке из черной Африки – прапрапраправнучке арапа Петра Великого, и семья Шац, совершив кругосветное путешествие Европа – Америка – Азия – Африка, снова вернется в Одессу к своим корням (посколько имя Эдгар идет от одесских немцев маленького клана), но уже с «евразийскими и африканскими языковыми трофеями». Мануэль Шац, как всякий настоящий художник, так интуитивно представлял будущую невесту правнука.

Ручей «Азия» уже сейчас впадает в реку стихов ЭШ «Шелковым путем», или «Иероглифом бесконечности», или «верблюдом, играющим на двухструнной скрипке пустыни Гоби». В поэзии ЭШ вообще много восточных мотивов. Например, книга «Самарканда, или Книга церемоний», переизданная через 30 лет, и большой корпус стихов ЭШ связан со Средней Азией, Китаем, Японией. На рубеже 2016–2017 годов ЭШ представляет на выставке «Шелковый путь» в Государственном Центре современного искусства (ГЦСИ, Москва) наряду с другими работами поэтическую книгу художника «Странник Гумилев».

Для любого поэта собственные стихи, как «Чистилище» Данте, облегчают душу до тех пор, пока она не станет совсем невесомой и не поднимется ввысь:

«И я второе царство воспою, / Где души обретают очищенье / И к вечному восходят бытию».

Для ЭШ Данте не берег, Данте – недостижимая вершина на итальянском берегу поэзии наравне с Леонардо. На русском эхо Ломоносова, и немаловажное влияние Цветаевой, особенно в эмоциональном восприятии мира.

Я любовь узнаю по боли
Всего тела вдоль.

Марина Цветаева

я любовь узнаю по звону
тетивы натянутой тела
бьет тень боли в висках сурово
колокольным раззвоном неба

это бой часов расставанья
звук знакомый: тоска желания

мчит стрела тетивой пущенная

в точку плотности ощущений
так скрестились Восток и разное
так восторг излился страданием

Три феномена составляют основу поэтической кроны ЭШ.

Первый феномен поэзии ЭШ в том, что, начав писать стихи на итальянском в середине 60-х годов и приняв современную итальянскую свободную систему стихосложения, ЭШ вернулась через 20 лет в родной русский язык с той же свободной метрикой.

Она не была первой, кто это сделал: за 70 лет до нее Велимир Хлебников уже создал в русском языке подобную поэтическую систему, но ЭШ продолжила и развила ее дальше (см. «Археология поэта. Словарь образов Эвелины Шац»).

Вторым феноменом ЭШ является то, что она использует единый научный и искусствоведческий подход к исследованию мира. В итальянском искусстве такой подход уходит корнями к Леонардо, который изучал анатомию человека и рисовал человека. Подобный универсальный, точнее философический, подход близок ЭШ, потому что у нее так устроен мозг: она с детства участвовала и в школьных математических олимпиадах и одновременно много рисовала. Она по-прежнему следит за развитием астрономии и астрофизики. Не случайно у нее есть цикл стихов «Путешествие в левое полушарие», «Каприччо круга» (книга стихов и выставка инсталляций), Клинамен (две разные книги «ученых» стихов на итальянском и на русском). В ее поэтическом языке часто встречаются такие слова, как комплекс, квадратура круга, хроноразмер, клинамен, финитность и т. д., которые не встретишь в классической лексике традиционных поэтов.

И наконец, третий феномен ЭШ состоит в том, что материалом для поэтического творчества у нее являются сами обьекты искусства. Здесь, конечно, сказались два высших образования по искусствоведению: МГУ, где она слушала лекции профессоров Алпатова и Лазарева, и Миланский университет. К этому надо добавить творческое общение и совместную работу ЭШ со многими современными поэтами, художниками, композиторами, и станет понятна «переплавка» (re-melt) поэтических образов в ее стихах. Если формулировать коротко, то ЭШ – поэт искусства и поэт для композиторов, художников и поэтов.

Последняя по времени книга стихов ЭШ называется «Песни клену», Милан, 2015. Ассоциация биографии и творчества ЭШ с деревом, с его переплетенными корнями и разветвленной кроной

не случайна. ЭШ бежит от себя, от своей биографии, она все время ее разветвляет и меняет, как меняется дерево с переменой времен года. Следовательно, и «Песни клену» должны быть разными и непредсказуемыми. ЭШ ведет себя в стихах, как многоликий и загадочный Шива, эта «Множимость Я» и есть суть ее творчества.

Поэтому понять основной корпус стихов ЭШ дано не каждому и не сразу, требуется определенное усилие, погружение в них, надо много знать в мире эстетики и культуры в целом. Как писал скульптор Юрий Тильман, сосед ЭШ по Милану:

«По десять минут, читая обрывками, слушая в полуха, читая в полглаза, принимая в полсердца, вдруг пришло: насторожилось ухо, задвигалось сердце, напрягся глаз и… сатори (сатори – по-японски состояние просветления, озарения. – *М.Я.)*. Сложилась картина». Картина Поэзии.

Смысл современного искусства, возможно, и состоит в том, чтобы из информационного хаоса бытия («слушая вполуха, читая вполглаза») сотворить единое целое, верное направление, указывающее свет в конце жизненного тоннеля, когда читатель очутится «в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины». Так путники в пустыне на ночь выкладывают стрелку из камней, чтобы знать, в каком направлении бежать в случае опасности. Но ЭШ идет еще дальше в археологию будущего. В своей любимой книге «Неумолимая орбита» она пишет:

я целое фрагментами насыщу
я хаосом порядок напою
а холостые очевидности взорву
и полость нежностью творения наполню

ЭШ зацикливает неумолимую орбиту бытия, соединяя ее конец с началом жизненного тоннеля, и в этом она видит смысл современного искусства:

и вновь все началось с конца
а эпитафия перетекла в эпиграф
Я в вечность вступала – медленно
с черного хода
Трудилась не как гений – легко
а как пчелка
усилием воли – не просто
Упрямо готовила встречу с тобой
за чертой

По сути ЭШ приходит к мысли Иосифа Бродского: «Значит, нету разлук. Существует громадная встреча».

Крона Бродского

ЭШ познакомил с Иосифом Бродским (ИБ) известный фотограф Валерий Плотников. Дело было в Ленинграде весной 1972 года перед высылкой ИБ из «союза нерушимых республик свободных». ЭШ прилетела из Рима и вместе с Плотниковым пришла к Иосифу в гости, в знаменитые полторы комнаты. Они спустились по приступочке в полкомнаты ИБ и проговорили там о стихах, о жизни, а в основном о смерти и вечности всю ночь, пока Плотников мирно дремал на приступочке, потому что мосты через Неву уже были разведены и оставалось только дожидаться рассвета.

Это был год, когда ИБ написал «Письма римскому другу» и приглашал римского друга в гости: «Приезжай, попьем вина, закусим хлебом…». Думаю, что пристальное внимание ЭШ в ее стихах к «Вечности» уходит своими корнями к этому первому разговору с ИБ. Сейчас, 45 лет спустя, ЭШ готовит книгу стихов, посвященных ИБ.

В 1985 году ЭШ полетела в Нью-Йорк, чтобы взять у ИБ интервью для газеты *Repubblica*. Но Бродский неожиданно заболел, оказался в больнице, и интервью не состоялось. Эвелине стало даже легче, что она не мучила поэта своими вопросами, потому что, как говорит ЭШ, «Бродский был человеком, идущим по миру без кожи», и ей страшно было чем-то задеть его.

Через 5 лет ЭШ по просьбе газеты *Corriere della sera*, с которой она сотрудничала, пригласила ИБ в маленький городок Кастилионе ди Сичилиа на Сицилии, где перед собором в стиле барокко должна была проходить торжественная церемония вручения премии города с участием писателей, жителей и мэра города. Был приглашен и перуанский писатель Марио Варгас Льоса, нобелевский лауреат. Приехали около 20 поэтов и писателей, много журналистов из разных стран мира.

Бродский приехал один, а через пару дней спросил у Эвелины: возможно ли пригласить еще одну гостью? Все приглашенные жили в красивом отеле на берегу моря в соседнем городке Таормина. Спасаясь от жары и шумной журналистской братии, Эвелина вечерами незаметно одна ускользала на пляж отеля. И на этот раз пляж был пуст, солнце опускалось за горизонт. В тот вечер Эвелина, как золотая рыбка-одесситка, заплыла далеко-далеко от берега и вдруг увидела рядом с собой непонятно откуда вынырнувшую длинноволосую русалку. Золотая рыбка и длинноволосая русалка поплыли вместе назад, к сицилийскому берегу. Сама не зная почему, золотая рыбка,

владеющая несколькими языками, спросила русалку по-русски: «Вы приехали к Бродскому?» И русалка ответила ей тоже по-русски: «Да!». Русалку звали Мария Соццани – через месяц она стала женой Бродского.

Этим же вечером они ужинали все вместе за одним столом: Бродский, Мария, Льоса и Эвелина. Бродский попросил у ЭШ блокнот и нарисовал там любимого кота Миссисипи, позже профили двух людей, женский оркестр и набросал на листочке будущую речь.

ЭШ думала, что ей придется переводить речь ИБ на итальянский, так как Бродский не знал языка. Но к удивлению Эвелины, поэт, загадочно улыбнувшись, сказал ей, что будет говорить… на итальянском. ЭШ с интересом слушала на следующий день итальянскую речь Бродского и хорошо ее запомнила.

По воспоминаниям Эвелины Шац, шуточная, полная изящного юмора речь ИБ состояла только из одних обращений: рабочие и крестьяне Сицилии, блондины и брюнеты, умные и глупые, мафиози и пилоты авиакомпаний, богатые и бедные, счастливые и несчастные, разведенные и женатые, хорошие и плохие, живые и мертвые, рыбы, деревья и птицы Сицилии, короче говоря, все, кого поэт мог перечислить на своем итальянском языке, и заканчивалась речь двумя словами «Grazie mille!» (Большое спасибо!). Эффект от шуточной речи ИБ был потрясающий – публика смеялась от души и долго аплодировала поэту.

Одноглазый Давид Бурлюк видел больше, чем его двуглазые друзья-футуристы. Он заметил, как из наволочки, в которой Велимир Хлебников носил все свое творчество, выпал листочек. Бурлюк подобрал и сохранил листочек для человечества. Это было знаменитое стихотворение Велимира Хлебникова:

«О, рассмейтесь, смехачи! О, засмейтесь, смехачи!»

Точно так же Эвелина сохранила листки с рисунками Бродского, которые он подарил ей после церемонии награждения. Можно сказать, что в данном случае ЭШ отлично сыграла роль «Бурлюка Бродского».

В стихотворении «Каменный гость», посвященном Бродскому, ЭШ пишет:

каменный гость из вечности
при жизни монументально скованный
ведь душа и вещанье поэта
в конце концов – одно и то же
строгое до изуверства слово дисциплина

цветаевского жида извечная отверженность
надрыв изгоя – трагическая норма бытия
одинота у Иосифа есть человек в квадрате

и пусть некстати я возвращаю святое право поэту
державный державинский медальный профиль статуи
нравственно значит просто талантливо в квадрате непонятности
в хроническом поэта кризисе любого цикла и любого статуса

На похоронах Бродского в Венеции на острове Сан Микеле Эвелина последний раз виделась с Иосифом и Марией. Хотя с Марией они живут в одном городе и даже ходят в одну и ту же парикмахерскую, может быть, к одному и тому же мастеру. Возможно, они смотрят в одно и то же зеркало, но парикмахер составляет расписание приемов так, что они никогда не встречаются в жизни. Они встречаются только в зазеркалье миланской парикмахерской, словно в книге ЭШ «Эхо зеркал».

Там, в зазеркалье, они вспоминают свое знакомство в море у берегов Сицилии и Иосифа теми же молодыми голосами, улетающими к нему в высь.

Но, устремляясь ввысь,
звук скидывает балласт:
сколько в зеркало ни смотрись
оно эха не даст.

Эвелина Шац читает стихи после дня рождения Иосифа Бродского в конце мая 2017 года в том же соборе на Сицилии, где поэту была вручена премия в июле 1990 года.

В конце мая 2017 года на Сицилии в городе Таормина состоялась «политическая встреча» лидеров семи ведущих стран мира G7. И в это же самое время на Сицилии в соседнем с Таормина городке Castiglione di Sicilia состоялась «поэтическая встреча» 37 поэтов из разных стран мира G37. На этой встрече ЭШ и читала свои стихи о вечности, о которой она говорила с Иосифом в его половине комнаты почти полвека назад.

Если бы миром управляли поэты, может быть, на Земле было бы меньше войн?..

Крона Беллы, или Под сенью московско-миланских балкончиков

У ЭШ в миланской квартире был большой балкон, где-то 15 метров в длину и 2 метра в ширину, на него из квартиры выходили 5 застекленных дверей, в которых отражалась маленькая золотая мадонна, *la Madonnina*, Миланского собора.

Когда Белла Ахмадулина приезжала в Милан, ей нравилось гулять по балкону-саду, она называла его «миланские джунгли», потому что на балконе цвели японские магнолии, розовые и белые камелии, сиреневый рододендрон, лиловые гиацинты. Белла жила как «свеча на ветру», а в укрывающих ее «миланских джунглях» она чувствовала себя защищенно и уютно под сенью экзотических цветов, потому что сама была экзотическим цветком.

И вот тогда – из слез, из темноты,
из бедного невежества былого
друзей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова.

Белла тоже захотела сделать у себя в московской квартире «миланские джунгли». Когда ЭШ в очередной раз прилетела в Москву, то Белла пригласила ее к себе, чтобы показать «миланский балкончик». Эвелина предвкушала увидеть что-то необычное, у Беллы все было особенное. Они вышли на балкон, и ЭШ увидела… два горшочка: один с засохшими ирисами и другой с засохшей резедой. Белла обняла Эвелину и стала неудержимо хохотать, а Эвелина, поняв ее иронию и колкий юмор, тоже стала смеяться. Так они, обнявшись, и смеялись на «московско-миланском балкончике»:

«О, рассмейтесь, смехачи! О, засмейтесь, смехачи!»

После посещения «московско-миланского балкончика» ЭШ написала стихи «У Беллы»:

В белой пустыне дома у Беллы
Домовой опрокинул стакан
Белла шутила и красная шляпа
бумерангом летела в закат
На миланском балконе жара

сохнут в вазах ирис резеда
в беспорядке рассыпались туфли
тихо шепчутся в зеркалах

Из кефирных коробочек лед
по шампанскому морю плывет
Боря книжки друзьям преподносит:
драгоценные редкие строфы

Смех серебрянный, трепетный голос
юмор колкий в огромных перстнях
почерк катится, тянется нежностью
к тем, кто нежность умеет читать.

Главное, что роднило Эвелину с Беллой, было восторженное отношение к жизни, к ее аромату, к окружающему миру и друзьям по искусству, чувство безграничной нежности, любви и свободы.

Хорошей метафорой «налога на свободу» стали стихи ЭШ, связанные с подмосковными Мытищами. Чтобы читатель лучше понял метафору «мытарь – Мытищи» (мыт – налог, мытарь – сборщик податей или, говоря современным языком, налоговый инспектор. – *М.Я.)*, скажу коротко: «Мытищи» для ЭШ были как «Петушки» для Венедикта Ерофеева. Или как Комбре для Марселя Пруста: «Мытищи как Комбре чувственно всплывали из чашки с чаем» (из книги ЭШ «Неумолимая орбита»)

закат над пыльными Мытищами
замешкался за путями
поезда метались мыторно
белыми исчезали ночами

розмарина запах южный
под раззвоны ростовские
забота твоя и преданность
заменяли эстетики недоросль

и день мешался с ночью
и влага точила пыль
и Мытищи насыщались
жалобным криком моим

Крона художника, или Переплавка вечности

В стихах ЭШ часто встречается слово «вечность», и я не случайно вынес его в эпиграф. Она зациклена на «вечности» и «бесконечности», как ИБ был зациклен на «времени», «смерти» и «языке». Но несмотря на пристальное внимание к высоким материям в поэзии ЭШ, художник получил у критиков земной титул «мадонна мусора», поскольку она переплавляет (re-melt) в своих работах *мусор* (осколки битого стекла или фарфора, лоскуты кружева или детали компьютера, пробки от шампанского, засушенные ромашки любви и т. д.) в произведения искусства. Говоря образно, холсты художника ЭШ являются основой, бумагой для ее стихов.

Именно так и в стихах: ЭШ, «не ведая стыда», переплавляет различные языковые пласты – высокие и низкие, любовные и аналитические, антикварные и мусорные, и они снова становятся творениями. Читаешь и тут же вспоминаешь Анну Ахматову: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи…»

Мир не живет без страха с момента сотворения его Господом: первым террористом был Каин. И далее – со всеми остановками… Мир искусства, созданный ЭШ, – переплавка – дает ее читателю-зрителю слабую надежду, что мир реальный, с его техническим прогрессом и одновременно с современным террористическим варварством все-таки выживет. Когда громят дворцы старинной Пальмиры или взрывают, кроша на куски, уникальную статую Будды, вандалы XXI века пытаются лишить человечество памяти, а значит культуры, в которой, как в драгоценном, но хрупком сосуде, хранится память.

ЭШ «искусством переплавки» дает метафору-надежду: даже если современные варвары разобьют на кусочки вековое искусство человечества, все равно из этих осколков цивилизации, из этого мусора можно будет сложить новое творение. Как бы это пафосно ни звучало, но творческая энергия человека победит его варварское начало.

Ведущий российский итальянист, член-корреспондент РАН Михаил Андреев, лауреат международной премии Эннио Флайано по итальянистике, в статье «Путь Данте» пишет: «Человек в «Божественной комедии», при всей своей слабости, бесконечен: его образ готовит пути культуре будущего».

Точно так же и ЭШ в «Иероглифе бесконечности» и в «Археологии будущего» оставляет надежду человеку. Но в

отличие от Бродского, который наблюдал, что делает «время с человеком», ЭШ наблюдает обратное действие этой слабой надежды, что делает «человек со временем», что делал со временем Мастер.

Крона нарциссизма и самоиронии

Как пишет историк и теоретик искусства Михаил Соколов в эссе об ЭШ: «Комплекс Нарцисса вообще в высшей степени свойствен современному культурному сознанию, здесь довлеет своего рода террор традиции, которого трудно избежать иной раз даже самым стойким умам».

Как тут не вспомнить сказанное век назад, но лежащее в русле «культурного сознания» знаменитое: «Я, гений Игорь – Северянин». Но как далее замечает М. Соколов относительно ЭШ: «Простим ей толику светского нарциссизма, то тут, то там дающего о себе знать». Нарциссизм ЭШ сходится с ее иронией и порой беспощадной самоиронией: «В Воронеже, как в Реканати, любовь некстати».

Возьмите одни только названия ее книг в «Иероглифе бесконечности»: «Есс Кострома» (название магазина в провинциальном городе Костроме), или «Автобиографические Потешки», или «Мытищинский замок» (могу представить этот «замок» в Мытищах), «Некоторые размышления о Тарасе Бульбе, Маркизе де Саде и Гоголе» или «Частушки», и вы сразу почувствуете иронию в ее стихах:

что может быть трагичнее стриптиза
король давно уж гол – король гол,
как король, и авангард давно уже не в моде…

Луна как яблоко Ньютона
а Радость – в заключение:
то смерти притяжение
то от затмения
закон освобождения
бинарная система бытия

я здравого смысла страшусь
с героем-вампиром ношусь
как с писаной торбой Алиса

И еще к слову: она не страдает исключительной самовлюбленностью, она любит своих коллег по цеху искусства – поэтов, художников, композиторов – ничуть не меньше самой себя. Просто Эвелина – любит любить! Вспомните, как писала Марина Цветаева в «Повести о Сонечке»: «Как я люблю

любить!..» – это и об Эвелине Шац тоже.

Крона стихов без признаков места и времени

В белоснежной книге «Тонкий голос снега» («Voce sottile della neve») ЭШ пишет стихи, лишенные признаков места и времени, что и является меткой настоящей поэзии на все времена и что в целом свойственно стихам ЭШ.

Это могли быть стихи, написанные во время «Остановки в пустыне», когда Моисей вел народ свой в Землю обетованную: «душа не знает смирения она алчет вечности».

Или иероглифы японского поэта, сидящего под веткой сакуры на вершине горы:

когда б снег душу отбелил
и замковое состояние проснулось
белым привидением

Или стихи древнегреческой женщины, ждущей мужа с Троянской войны, а может быть, и современной женщины XXI века. Как писал Юрий Нагибин в статье об ЭШ:

«А о времени у нее примерно такое же представление, как у древних греков эпохи Перикла, для которых вчера разбитый кувшин и Троянская война происходили в одном времени: не сейчас».

в вестибюле кривых зеркал
трагедия дышала
заблуждением

Или стихи неизвестного поэта во времена темного Средневековья:

Луна
Ржавела медленно
В дистилляте отчаяния

Я внимательно прочитал всю книгу, пытаясь найти в ней год издания, но нашел только такие строки:

отстаиваю тьму

и право на молчанье:
от метафоры до шабаша
безмолвия

Крона зав. библиотекой на острове оставшегося времени в Тихом океане

В краткой биографии к сборнику «Тонкий голос снега» мы читаем, что «на закате жизни она станет библиотекарем в АртОтеле Баунти своего друга музыканта Маттео Каппеллети, на острове Pitcairn в Тихом океане». На острове оставшегося времени. Предполагаю, что ЭШ выбрала этот остров не случайно: жизнь была бурной, и ей нужен очень Тихий океан вечности, чтобы осмыслить ее. Она будет единственным библиотекарем на острове, и думаю, быстро продвинется по служебной лестнице, став заведующей библиотекой.

У ЭШ в библиотеке-пантеоне будут все, кого она любит: Данте и Цветаева, Хлебников и д'Аннунцио, Леопарди и Бродский, Тютчев и Мандельштам, Гете и Рене Шар, Монтале и Драгомощенко, Пастернак и Белла, и обожаемый Витя Коркия, а также изящные рукотворные книги, написанные самим библиотекарем.

В библиотеке Эвелины будут, как и в ее миланской квартире, пять высоких стеклянных дверей, выходящих на большой полукруглый балкон. И вечерами, когда солнце садится в Тихий океан, оно будет проникать сквозь стеклянные двери, мягко освещая корешки любимых книг «и край стены за книжной полкой».

Но думаю, что солнце самой Эвелины зайдет еще не скоро. Это значит, что у нас с вами, читатель, есть время. Обдумайте все хорошенько, запишите точный адрес: остров Pitcairn в Тихом океане, между Гаваями и Новой Зеландией, и подплывайте.

Когда? Лучше всего подъезжайте в октябре, числа эдак 21-го – в день рождения Заведующей.

Спросите на входе у швейцара, как обычно спрашивают в Одессе: «Заведующую» – и проходите. У нее и встретимся. Сядем у книжной полки, как когда-то давным-давно у Бродского в его половине комнаты на приступочке, нальем по бокалу хорошего вина и проговорим с любимыми поэтами всю ночь о том же самом: о жизни и смерти, о мгновении и вечности. Потому что торопиться, собственно, уже некуда: мосты между материком прожитой жизни и островом оставшегося времени давным-давно разведены, вот и остается только дожидаться рассвета.

ИБ как когда-то прочитает из «Писем римскому другу»:

Приезжай, попьем вина, закусим хлебом

Или сливами. Расскажешь мне известья.
Постелю тебе в саду под чистым небом
И скажу, как называются созвездья.

А ЭШ как когда-то откликнется ему «Дантовскими чтениями»:

И звездочет отсчет ведет
от точки праведного беспокойства
за судьбы неустройства из-за грамматики
отсутствия. Ведь буквы где-то рядом —
без них молчание и треугольникам, и числам.
Как числам петь без букв?

Но любовью был зачат, взорвавшись,
звездный миг, и Человек тот не погиб.
Он все еще творит и по звезде шагает
и от звезды к звезде грамматику слагает
в цвете в цифре в букве в ноте
и в цирке на арене. Так парашют,
шатер звезды, как одинокий пламень маяка,
молчит. И нежно плачет свет бытия.
Звезда о вечности страдает и не знает,
что вечностью она больна и болью этого
страдает. Как любовь, она одна у маяка.
Во множестве созвездий.

Postscriptum: Читатель, если по какой-то причине на острове в Тихом океане швейцар ответит: «Заведующей нет, ушла на базу», то не отчаивайтесь! Просто спросите еще раз даму в элегантной черной шляпе с широкими полями, прижимающую левой рукой к сердцу рукотворную книгу художника с «Иероглифом бесконечности» на обложке.

Зав. библиотекой и дама с «Иероглифом бесконечности» – одна и та же Личность!

О Пустоте Платонова
Триптих

Платонову поверить… *нечаянная жизнь*
диковинно остановилась
а на дворе – сиротство
осиротелость – даже от врагов
и вечность времени остановилась
и тишина далекая молчит
не жизнь – остервенелое терзание,
а безупречно безоблачное будущее
неосуществимо совершенно
Платонову поверить
как в Котлован заранее залечь
и жить там некуда
там лишь живут заочно
в величии аутичной пустоты

Москва, 2015

Юпитер вдруг черным стал
и миру показался страшным
и в эту черную дыру
бесстрашно ступил Платонов
закрыл глаза – и все исчезло
лишь пятна беспокойные
блеснули в непроглядье
и закружились в черной пустоте
где зеркало возникло странно как во сне
так и не смог которого он вспомнить.
Но Котлован как черная дыра утопии:
антиутопия гротеск и тщетности
трагическое осознание. И не спасут
нас никакие знания. И до Юпитера
все так же далеко.

Милан, 2015

Картофельное поле *Картофельное поле как преисподняя*
выложенная кирпичом коричневого ужаса
Бежать! Куда?

В мир домиков картонных и разноцветных
как монпансье, как фантики, как карамель?
Картофельное поле расстелилось безнадегой
но не поднялось, не встало никогда с колен
оно как данность трагического измерения
и будто не бытует, хотя и вечно как идея.
Платон сказал бы, что оно, картофельное поле,
рождается и гибнет, но не существует вовсе
лишь в страшном сне распаханного ужаса
картофельно неотторжимого как текст
Платонова о месте, которого и вовсе нет.

Москва, 2015

«Бродский-Барышников» – звенья одной цепи (эссе-рецензия на спектакль)

В середине мая 2017 года состоялась немецкая премьера спектакля «Бродский – Барышников» в зале «Баер-Культур» в Леверкузене. Это уже шестая страна, где латвийский режиссер Алвис Херманис и знаменитый танцовщик и хореограф, друг Иосифа Бродского Михаил Барышников показывают необычное поэтическое действие. До этого были Латвия, Израиль, Италия, США, Англия и вот теперь Германия. Следующая остановка – Швейцария.

> *«Кто его знает, что это за спектакль». Михаил Барышников о спектакле «Бродский – Барышников»*

1. Веселое предисловие к невеселому спектаклю и три попытки посмотреть его

Спекталь «Бродский – Барышников» начался для меня много лет назад в Лондоне, в доме переводчика Иосифа Бродского Даниела Уайссборта и ведущего в мире исследователя творчества поэта Валентины Полухиной.

Во время званого обеда Валентина поставила кассету, где Бродский читает свои стихи, и после прослушивания все присутствующие за столом, и особенно моя дочь, стали наперебой хвалить чтение поэта. А ваш покорный слуга заметил вполголоса, что ему больше нравится, как стихи Иосифа Бродского читает Михаил Барышников.

Наступила неловкая пауза, а краем глаза я еще успел заметить, как рука Валентины медленно ползет по скатерти в направлении к острому ножу для нарезки ветчины. Мое опрометчивое заявление чуть было не стоило жизни его автору. Спасибо, спас Даниел!

Но это заявление послужило для меня началом спектакля «Бродский – Барышников».

Мое начало спектакля «Бродский – Барышников»: автор объясняет Валентине и Даниелу, почему ему нравится, как стихи И. Бродского читает М. Барышников

Реальный же спектакль «Бродский – Барышников» мне удалось посмотреть намного позже, в мае 2017 года, и только с третьей попытки.

Первую попытку я совершил, когда услышал, что в Риге должна состояться мировая премьера спектакля. В тот же день я позвонил своему рижскому не очень бедному приятелю, купившему в Латвии недвижимость, а вместе с ней вид на жительство в ЕС, и попросил его купить мне вместо недвижимости два билета на премьеру спектакля. Через три дня приятель ответил, что ему легче купить мне недвижимость в Риге за миллион евро, чем купить два билета на премьеру спектакля «Бродский – Барышников» даже на галерку.

Вторую попытку я предпринял, когда узнал, что в Германии должна состояться немецкая премьера спектакля. Моя дочь, та самая, которой нравилось чтение Бродского, успела купить в первый же день продаж два билета только в 32-й ряд партера (на второй день все билеты уже были проданы). Я слегка загрустил, представив себе, как из 32-го ряда партера буду видеть маленькую точку, танцующую на сцене, но дочь, в качестве

утешения, сказала, что нам понадобится всего 15–20 минут, чтобы доехать по автобану с ее новым навигатором «Гугл»…прямо к 32-му ряду партера.

Новое поколение выбирает «Гугл»! А старое поколение, выбравшее в свое время «колу» и «пепси», пыталось слабо возразить, что нам может понадобиться немного больше времени: на автобанах бывают пробки, автобан могут ремонтировать и нужен объезд, наконец, необходимо время для парковки и чтобы дойти от нее до зала. Однако поколение «Гугл» знает все лучше, чем поколение «Пепси».

Не буду описывать наши дорожные приключения, скажу коротко: мы опоздали на шесть минут! Строгие, но справедливые контролерши, стоящие у входа в рай, не пустили в зал не только нас, но и других «несчастных опоздавших» всего на одну минуту и приехавших со всех концов Германии: из Дюссельдорфа, Франкфурта, Мюнстера и даже Штутгарта.

Ворота в рай: строгие, но справедливые контролерши.

Мой «пролет» на премьере в Риге и второй «пролет» на премьере в Германии стали наводить меня на невеселые размышления, что все это не случайно и кто-то всеми этим «пролетами» управляет. Но для чего? С этими грустными мыслями мы подошли к кассе. Сочувствующая нам кассирша сказала, что на завтра есть два билета в самом лучшем «оркестровом» ряду: он находится перед первым рядом, а так как спектакль без музыки и оркестр отсутствует, то места предлагают «несчастным опоздавшим» и к тому же бесплатно. Между нами и сценой не будет никаких зрителей, и мы сможем видеть, как читает стихи и танцует Михаил Барышников, с расстояния в 20 метров!

И тут я понял, что два предыдущих «пролета» – на галерку в Риге и в 32-й ряд партера на премьере в Германии – устроил мне Господь: он просто выбирал для нас самые лучшие места, потому что знал, что я буду писать рецензию на спектакль.

Не было бы счастья, да несчастье помогло!

Билет в оркестровом, «нулевом» ряду на спектакль «Бродский – Барышников».

На радостях я собрал группу «несчастных опоздавших», и мы пошли в театральный ресторан «Bayer/Kultur», тут же за стеной, и стали там то ли «заливать горе», то ли «обмывать лучшие места».

«Несчастные опоздавшие» через стенку от спектакля «заливают горе» и «обмывают лучшие места».

«Несчастные опоздавшие» радостно гуляли в ресторане и «заливали горе» до тех пор, пока в ресторан не повалили «счастливые посмотревшие» и стали делиться своими

впечатлениями от спектакля.

«Счастливые посмотревшие» делятся с «несчастными опоздавшими» своими впечатлениями о спектакле «Бродский – Барышников».

Третью попытку посмотреть спектакль поколение «Пепси» уже взяло в свои руки и мы вошли в зал за 15 минут до начала представления. Я еще успел сфотографировать пустой зал, где через 15 минут не будет ни одного свободного места, и одинокую декорацию на сцене, играющую важную роль в спектакле (во время спектакля фотографировать было запрещено).

Декорация спектакля: застекленная танцплощадка-веранда в доме отдыха наших родителей конца 50-х годов прошлого века – «застекленный куб времени».

А может быть, это провинциальная железнодорожная станция, «вокзал для двоих», с которого один уехал в бесконечность, а второй читает его стихи и зовет вернуться.

Надо заметить, что во всех действиях – перед спектаклем, во время спектакля и после него – было много удивительных совпадений, начиная с «не своего места» в зрительном зале, на которое я попал случайно, и заканчивая словами дочери, словами человека из поколения «Гугл», сказанные отцу, человеку из поколения «Пепси», после спектакля.

2. Невеселый спектакль: Начало, или Застекленный куб времени

Из застекленной танцплощадки-веранды в доме отдыха наших родителей конца 50-х годов прошлого века где-нибудь под Ленинградом или на Рижском взморье, из застекленного куба времени, когда Бродский только начал писать стихи, выходит на сцену усталый немолодой человек, в пиджаке, наброшенном почти на голое тело, в ботинках, одетых на босу ногу, с видавшим виды потертым чемоданчиком, садится на скамью, достает из чемоданчика старинный будильник, бутылку любимого Бродским виски «Jameson», книгу стихов издательства «Ардис» и начинает что-то тихо читать себе под нос, почти что про себя. Вот для чего Господь усадил меня в самый первый, «нулевой» ряд: чтобы я мог расслышать обрывки этих еще туманных слов: «Мой голос торопливый и неясный», «Страстная. Ночь»… и вдруг, как будто в моем мозгу кто-то толкнул с горы первый пробный камень, покатилась вниз лавина почти забытых строк:

«*Апрель. Страстная. Все идет к весне.*
Но мир еще во льду и в белизне.
И взгляд младенца,
еще не начинавшего шагов,
не допускает таянья снегов.
Но и не деться
от той же мысли – задом наперед —
в больнице старику в начале года:
он видит снег и знает, что умрет
до таянья его, до ледохода».

«Разговор с небожителем» был самым первым стихотворением Бродского, которое я прочитал в своей жизни, в 1977 году на ветхих, пожелтевших листочках самиздата, привезенных моим коллегой по работе из Ленинграда, и именно с первой строки моего первого стихотворения Бродского начался спектакль «Бродский – Барышников»!

Вспомни и ты, читатель, какое первое стихотворение Иосифа Бродского ты прочитал?

Когда и где это было?

Несмотря на внешние совпадения с Бродским (актер, пытаясь закурить, отрывает у сигареты фильтр; пьет любимый Бродским виски и т. д.), человек на сцене – это не Бродский и даже не

Барышников – это герой спектакля. И герой действует по четко заданному режиссером плану. Понять, в чем же состоит этот план и что хотел сообщить режиссер зрителям, какую послать им весть, – наша задача.

3. Новые переводчики Бродского

Бродский говорил, что для поэта естественно написать пьесу. Сам он написал две пьесы: «Мрамор» и «Демократия», однако, по словам Барышникова, не для того, чтобы их ставить, а для того, чтобы читать.

Но поэт не сказал нам другого: естественно ли театральному режиссеру ставить поэзию? На этот вопрос и пытаются ответить Херманис и Барышников.

Иосифа Бродского переводили много и на разные языки. Недавно появились еще два новых и необычных переводчика: Херманис перевел поэзию Бродского в спектакль, а Барышников в танец и, как проводник режиссера, преподнес нам этот перевод.

Бродский считал, что поэт – орудие языка. Единственный актер на сцене в спектакле «Бродский – Барышников» – орудие режиссера. Актер перед постановкой в Нью-Йорке сам говорит об этом в интервью Александре Свиридовой: «Я делаю то, что мне полагается делать». А делать полагалось герою спектакля по замыслу режиссера очень непростую актерскую работу.

По мере чтения «невеселых стихов» Бродского усталый и немолодой герой, который в начале спектакля неуверенно двигается внутри танцпло-щадки-веранды из угла в угол, во второй части спектакля оживает и превращается если не в юношу, то в молодого мужчину, исполняющего три великолепных танца по мотивам стихов Бродского.

И совсем не случайно последним стихотворением, которое читает герой спектакля, являются стихи юного 17 летнего Бродского:

«**Прощай, позабудь** и не обессудь. А письма сожги, как мост».

Парадокс спектакля Херманиса состоит именно в этом – в ретроспективе, в том, что, читая «невеселые стихи» Бродского о наступающем старении, о постепенном уходе, о неизбежности смерти, герой совершает обратную метаморфозу – он движется во времени назад, от старости к молодости, «от окраины к центру», голос его, неуверенно читающий стихи в самом начале спектакля, крепнет, движения героя становятся четкими, и заканчиваются необычными танцами Барышникова по стихам Бродского.

Мы видим, как портрет героя по ходу спектакля начинает медленно, словно на старинной фотографии, проявляться. В данном спектакле Барышников – кисть в руках художника Херманиса, рисующего красками поэзии Бродского.

Подобные превращения Барышников совершал и раньше.

Достаточно вспомнить его первый драматический спектакль «Метаморфозы», по рассказу Франца Кафки «Превращение», сыгранный Барышниковым на Бродвее четверть века назад.

Франц Кафка завещал своему другу Максу Броду сжечь его рукописи, но Брод сохранил их для человечества. Так же и Барышников, читая в конце спектакля, как завещание друга: «А письма сожги, как мост», не сжег их в своей памяти, а преподнес стихи Бродского нам, слушателям и зрителям, через 20 лет после смерти поэта.

В данном спектакле Барышников еще и Брод Бродского.

В одной из своих речей перед студентами колледжа поэт говорил: «Для меня 2016 год совершенно невообразим». Даже такой провидец, как Бродский, не мог себе представить, что в 2016 году его друг Михаил Барышников будет ездить по всему миру и читать в переполненных залах его стихи.

4. Memento mori («Помни о смерти», лат.)

Каждый человек знает о смерти, но старается гнать от себя эти мысли, потому что тяжело постоянно помнить «об этом», особенно если эта тема касается твоих близких или тебя самого: «*Смерть – это то, что бывает с другими».*

Данте считал 35 лет – серединой жизни, после которой все чаще начинают приходить мысли о предстоящем старении, а вот что писал Бродский в 32 года, и сегодня его стихи читает нам Барышников в спектакле:

Старение! Здравствуй, мое старение!
Крови медленное струение.
Некогда стройное ног строение
мучает зрение. Я заранее
область своих ощущений пятую,
обувь скидая, спасаю ватою.
Всякий, кто мимо идет с лопатою,
ныне объект внимания.
Смрадно дыша и треща суставами,
пачкаю зеркало. Речь о саване
еще не идет. Но уже те самые,
кто тебя вынесет, входят в дверь.

Боязно! То-то и есть, что боязно.
Даже когда все колеса поезда
прокатятся с грохотом ниже пояса,
не замирает полет фантазии.
Точно рассеянный взор отличника,
не отличая очки от лифчика,
боль близорука, и смерть расплывчата,
как очертанья Азии.

Барышников говорит, что он мог бы играть этот спектакль и читать стихи друга и без зрителей, или, как писал Питер Брук, в «Пустом пространстве». Играть бы мог, но актер забывает другие слова поэта:

помни: пространство, которому, кажется, ничего
не нужно, на самом деле нуждается сильно во
взгляде со стороны, в критерии пустоты.
И сослужить эту службу способен только ты.

Этот «только ты» – и есть зритель! Однако Барышников играет так, как говорит – отрешенно, для себя, находясь на сцене в круге света, греясь возле огня поэзии друга, а мы зрители только наблюдаем за ним из темноты зала:

В тот вечер возле нашего огня
увидели мы черного коня…
Как будто был он чей-то негатив.
Зачем же он, свой бег остановив,
меж нами оставался до утра?
Зачем не отходил он от костра?
Зачем он черным воздухом дышал?
Зачем во тьме он сучьями шуршал?
Зачем струил он черный свет из глаз?

Он всадника искал себе средь нас.

Мне самому показалось странным, но, слушая эти стихи раннего Бродского, у меня возникли ассоциации с «Черным человеком» позднего Сергея Есенина, хотя разница в возрасте между двумя абсолютно не похожими друг на друга поэтами, «ранним Бродским» (22 года) и «поздним Есениным» (28 лет), «тоже не велика»:

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.

Где-то плачет
Ночная зловещая птица.
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук.
Вот опять этот черный
На кресло мое садится,
Приподняв свой цилиндр

И откинув небрежно сюртук.

Этот «копытливый стук» смерти или стук больного сердца друга Барышников передает зрителям с помощью движений с элементами испанского фламенко, когда идет текст «Черного коня» Бродского, когда испанцы «*ставят ногу, как розу в вазу*», когда внутри тебя Высоцкий надрывно поет: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!..»

Удивительно то, что и Есенин, и Бродский использовали для разговора о смерти один и тот же защитный прием – соединение небесного и земного, пафосного и ироничного.

Этот же прием «небесного и земного» использовала и художница спектакля Кристина Юрьяне при создании декорации: маленькие амурчики, как могучие атланты, одной рукой держат высокое небо «застекленного куба времени», а второй рукой еле-еле удерживают штаны, неумолимо сползающие на грешную землю. Поэту бы этот прием понравился, потому что поздний Бродский был большим специалистом по гашению чрезмерного поэтического пафоса.

Бродский хорошо понимал, что сражаться один на один с такой серьезной, видавшей виды «железной леди», как «Ваша милость Смерть», без самоироничной защиты очень тяжело, может быть, просто невозможно, поэтому у него и разбросаны в стихах, как алиби, защитные латы легкой самоиронии:

Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит.
Забери из-под подушки сбереженья,
там немного, но на похороны хватит.

Поезжай на вороной своей кобыле
в дом гетер под городскую нашу стену.
Дай им цену, за которую любили,
чтоб за ту же и оплакивали цену.

Или вот эти строки, написанные поэтом незадолго до смерти: *«Загорелый подросток, выбежавший в переднюю, у вас отбирает будущее, стоя в одних трусах».*

Однако Херманис взял для спектакля другие, менее известные, часто ранние стихи Бродского, где еще почти нет «защитных лат самоиронии», и картина спектакля, по словам самого Барышникова, складывается «не самая веселая» как, например, в «Письмах к стене», 1964:

Сохрани мою тень. Не могу объяснить. Извини.
Это нужно теперь. Сохрани мою тень, сохрани.
За твоею спиной умолкает в кустах беготня.
Мне пора уходить. Ты останешься после меня.
Не хочу умирать. Мне не выдержать смерти уму.
Не пугай малыша. Я боюсь погружаться во тьму.
Не хочу уходить, не хочу умирать, я дурак,
не хочу, не хочу погружаться в сознаньи во мрак.
Только жить, только жить, подпирая твой холод плечом.
Ни себе, ни другим, ни любви, никому, ни при чем.
Только жить, только жить и на все наплевать, забывать.
Не хочу умирать. Не могу я себя убивать.

Может быть, кроме метафизического страха небытия, у Бродского примешивались еще и чувства, связанные с арестом и ссылкой, как у О. Мандельштама в стихотворении «Ленинград»:

Петербург! я еще не хочу умирать!
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Барышников с Херманисом сохранили тень поэта, и с этой тенью друга, тенью старшего брата, как Гамлет с тенью отца, ведет диалог герой спектакля.

5. Личное чтение Барышникова

В Нобелевской лекции И. Бродский говорил, что есть три способа познания мира: аналитический, интуитивный и с помощью откровения. Последний – то, чем пользовались библейские пророки. Об этом я сказал своей знакомой в Нью-Йорке, которая уже посмотрела спектакль «Бродский – Барышников», и она ответила мне:

«Интересная параллель. Барышников выступает в данном случае не столько пророком, сколько курьером. Таким весьма предвзятым, конечно, другом-посланником, но сумевшим донести весть».

Перефразируя Бродского, можно сказать, что есть три способа чтения стихов: авторский, актерский и личный, каким пользуются люди, лично знавшие поэта.

Авторский способ, как читают поэты: слегка растягивая слова, подпевая и раскачиваясь в ритме собственной речи, почти как в молитве. Так читал и сам Иосиф Бродский, и, например, Белла Ахмадулина, которая, по словам поэта, «не мыслима вне русской просодии… специфической интонации традиционного русского фольклорного плача, невнятного причитания».

Актерский способ, как читают профессиональные актеры: с четкой дикцией, с декламацией, с театральным жестом. Так красиво читали, например, Михаил Козаков и Сергей Юрский.

У Барышникова – личный способ чтения стихов Бродского. Так может читать только человек, близко знавший поэта на протяжении длительного времени, человек, читающий фактически свои собственные воспоминания о рано ушедшем друге.

И сравнивать эти три разных способа чтения между собой, как это неосмотрительно сделал ваш покорный слуга на званом обеде в Лондоне, неправомерно.

Нельзя сравнивать груши и яблоки, можно сравнивать только в рамках одного способа: чье чтение вам больше нравится: Бродского или Милоша? Козакова или Юрского?

А сравнить личное чтение Барышникова просто не с кем, потому что из близких друзей Бродского со сцены его никто не читает. Зрителю остается сравнивать личное чтение Барышникова только с собственным внутренним чтением.

Поэтому и писать о «личном чтении Барышникова» можно только лично, как частное лицо, основываясь на своем внутреннем представлении о звучании любимых тобой стихов Бродского и сравнивая их со стихами, отобранными режиссером и

прочитанными актером.

Барышников говорит, что никогда раньше, до спектакля, не читал Бродского на публике. Это не совсем так. Первый раз я услышал, как Барышников читает Бродского в известном телесериале «Sex and the city» в 2004 году. Вспоминаю ситуацию: моя жена и дочь смотрят в гостиной бесконечный телесериал, а я сижу в это время в своей комнате, «не шалю, никого не трогаю, починяю примус» (читай: компьютер). Вдруг в комнату врывается дочь и кричит, как на пожаре:

«Пап, беги быстрее! Смотри! Барышников читает твоего любимого Бродского!»

Тогда я впервые и услышал «личное чтение» Барышникова:

Так долго вместе прожили, что снег
коль выпадет, то думалось – навеки,
что, дабы не зажмуривать ей век,
я прикрывал ладонью их, и веки,
не веря, что их пробуют спасти,
метались там, как бабочки в горсти.

Барышников играл в телесериале русского художника Александра Петровского и читал стихи своей возлюбленной Кэрри, а та, открыв от неожиданности рот, внимательно слушала. Когда ее партнер закончил читать, она сказала, что у нее было много возлюбленных, но еще никто и никогда не читал ей стихи.

6. Три танца на стихи Бродского

Мне запомнились три танца, исполненные Барышниковым в спектакле, на стихи Бродского: «Бабочка», «Портрет трагедии» и «Цветы». Но это не три иллюстрации к стихам поэта, а скорее три отражения этих стихов в движении. Отражения зависят от зеркала, а зеркало спектакля – это Михаил Барышников!

Все три танца связаны между собой и постепенно, шаг за шагом приближаются к зрителю. Первый танец – «Бабочка» – исполняется внутри полностью закрытой веранды, второй танец – «Портрет трагедии» – внутри веранды, но при открытых дверях и почти на ее пороге, а в третьем танце «Цветы» герой выходит на авансцену, к зрителям. Таким образом создается эффект, при котором поэт с каждым новым шагом как бы возвращается из бесконечности и все ближе и ближе подходит к зрителям.

Помни:
любое движенье, по сути, есть
перенесение тяжести тела в другое место.
Помни, что прошлому не уложиться
без остатка в памяти, что ему
необходимо будущее.

Танец первый: «Бабочка»

Бродский говорил, что «Бабочка» – одно из его самых любимых стихотворений. Оно написано поэтом мастерски в стиле ломаной траектории полета бабочки и, конечно, на ту же «вечную тему»:

Сказать, что ты мертва?
Но ты жила лишь сутки.
Как много грусти в шутке
Творца! едва
могу произнести
«жила» – единство даты
рожденья и когда ты
в моей горсти
рассыпалась, меня
смущает вычесть
одно из двух количеств

в пределах дня.

Барышников исполняет танец «Бабочка» внутри танцплощадки-веранды, еще за плотно закрытой стеклянной дверью, и мы видим через стекла веранды и двери бьющиеся руки актера, как крылья бабочки. Бабочка пытается вылететь наружу, мечется, бьется о стекла веранды, но двери закрыты, веранда герметична и бабочке суждено умереть там, внутри того времени, «*в пределах дня*».

Мне показалось, что танец «Бабочка» является точной метафорой возможной жизни и смерти самого Бродского, одним из вариантов его судьбы, если бы поэт остался внутри «герметичной веранды» под названием «возлюбленное отечество». Жить внутри «герметичной веранды» им обоим, и Бродскому, и Барышникову, было невмоготу. Бродский звал Барышникова, как младшего брата, уменьшительно-ласкательным именем Мышь (вероятно от Михаил – Миша – Миш – Мышь), а себя представлял и рисовал Котом. На 40-летие Барышникова в январе 1988 года Бродский подарил другу свою фотографию с такой надписью: «Страна родная широка, но в ней дожить до сорока ни Мыши, ни ее Коту, – невмоготу».

7. Благая весть: «все люди смертны», но «со смертью не все кончается»

Какую же весть принесли нам новые переводчики Бродского – Херманис и Барышников?

Анна Ахматова в письме к И. Бродскому писала, что в силе остаются его слова: в поэзии главное – величие замысла. В чем же «величие замысла» режиссера поэтического спектакля?

А то, что спектакль является режиссерским, продуктом режиссера-мастера – видно любому зрителю невооруженным глазом не только из нулевого, оркестрового ряда, но и из 32-го ряда партера. М. Барышников и не скрывает, что идея всего спектакля принадлежит А.Херманису и «право вето» в отборе стихов тоже было за ним. Это «право вето» относится не только к отбору стихов, но и к последовательности их соединения «цепочками смыслов», хотя отбор стихов делался вместе с Барышниковым, и к «танцплощадке-веранде», созданной художницей Кристиной Юрьяне, и к световому дизайну Глеба Фельштинского, и к музыке, которой нет в спектакле, а «*вместо слабых мира этого и сильных лишь согласное жужжанье насекомых*», то ли кузнечиков, то ли цикад. Подчеркивая доминирующую роль режиссера в спектакле, хочу сказать, что я, зритель, воспринял постановку как общение с Поэтом через двух новых переводчиков – Хермaниса и Барышникова.

Такая напряженная энергетическая цепь: Бродский – Херманис – Барышников.

Но в этой цепочке первый из трех – поэт, тоже не источник, а проводник, поскольку, как замечал сам Бродский, поэт – орудие языка, а не наоборот. Язык первичнее поэта.

Продолжая эту аналогию, можно сказать, что актер и танцор – орудие времени, так как он хочет «остановить прекрасное мгновенье» и зафиксировать художественным жестом непрерывное движение. Он и появляется на сцене из давно канувшего в Лету времени, из «застекленного куба времени» конца 40-х или 50-х годов прошлого века.

Зададим себе вечный вопрос, который занимал Бродского на протяжении всего его творческого пути: так что же первично – время или язык?

Прочитав строчку Одена: «время боготворит язык», Бродский нашел подтверждение своей гипотезы, что язык первичен. Язык и был его единственной настоящей верой.

Поэтому источником энергии и движущей силой всего

спектакля «Бродский – Барышников» являются, конечно же, не внешние атрибуты действия: не пиджак героя, накинутый на голое тело, и не ботинки, надетые на босу ногу, и не оторванный у сигареты фильтр, как любил делать Бродский, и даже не бутылка любимого Бродским виски. Исходным звеном цепочки, соединяющей актера и зрителя, является русский язык и поэзия Иосифа Бродского, созданная на этом языке.

Вот, дорогой читатель, и ответ на вопрос о величии театрального замысла режиссера Алвиса Херманиса в спектакле «Бродский – Барышников»: это попытка соединить в единую сверхпроводящую цепочку Язык – Время – Поэзию – Театр – Актера – Зрителя.

Язык спектакля – русский (хотя параллельно, в титрах шли хорошие подстрочные переводы на язык Гете). Время действия – вторая половина XX века. Поэзия – Бродского. Театр – Херманиса. Актер – Барышников. Зритель – я.

Именно в такой последовательности и «я» с маленькой буквы, потому что, глядя на это действие и слушая стихи Бродского, ты ощущаешь себя – песчинкой мироздания.

Танец второй: «Портрет трагедии», или Когда «без очереди»

Двери веранды открываются, и мы видим внутри застекленного куба времени стул, на котором сидит трагедия. Трагедия еще не выходит из того времени, из трагического XX века на сцену, но двери уже открылись и мы осознаем, что к смерти стоит длинная очередь от старых до малых из более чем семи миллиардов живущих. У каждого свой номерок, на котором написан возраст. И если все идет «по очереди» и контролерши, как в театре, проверяя возраст, пропускают нас дальше, то это драма, а не трагедия. Трагедия – когда кто-то проходит «без очереди»: «*По торговым он делам сюда приплыл, а не за этим*».

Сегодня, весенним днем, когда я пишу этот текст, по телевизору показывают «Портрет трагедии» XXI века, весь ужас которой в том, что мы к ней уже привыкли: на концерте в Манчестере исламский террорист взорвал бомбу, и погибли 22 человека, включая 8-летнюю девочку. А за несколько дней до этого Барышников читал нам со сцены пророческие стихи Бродского, написанные в далеком 1964 году:

«*Лишь ненависть с Юга на Север спешит, обгоняя весну*».

Танец «Портрет трагедии», исполняемый Барышниковым в

технике буто – искаженная, рассеянная пластика, движения, словно бы распадающиеся в пространстве, идущие параллельно с записанным на магнитофон текстом стихотворения, – на мой взгляд, самая сильная часть спектакля. Идея танца, как ни странно, принадлежит не хореографу, а режиссеру. Этот танец не что иное, как «Танец смерти» художника Феликса Нуссбаума – последняя картина художника (1944 г.), перед тем как его отправили в Освенцим, где он погиб в 1944 году в возрасте 40 лет: «*Теперь мне сорок*». А может быть, это последний танец-пантомима распадающихся движений тех, кто погиб в Хиросиме?

Барышников танцует еще внутри «застекленного куба времени» XX века, но уже с открытой дверью в XXI век, через которую мы видим массивный стул и героя на нем, исполняющего «танец смерти». Это нельзя передать словами, это надо видеть!

Может быть, танец «Портрет трагедии» – что-то среднее между «Герникой» Пабло Пикассо и «Танцем смерти» Феликса Нуссбаума – просто предостережение, «Назидание» Бродского – Херманиса – Барышникова нам, людям XXI века?

Заглянем в лицо трагедии. Увидим ее морщины,
ее горбоносый профиль, подбородок мужчины.
Услышим ее контральто с нотками чертовщины:
хриплая ария следствия громче, чем писк причины.
Здравствуй, трагедия! Давно тебя не видали.
Привет, оборотная сторона медали.
Рассмотрим подробно твои детали.

Лицо ее безобразно! Оно не прикрыто маской,
ряской, замазкой, стыдливой краской,
руками, занятыми развязкой,
бурной овацией, нервной встряской.
Спасибо, трагедия, за то, что ты откровенна,
как колуном по темени, как вскрытая бритвой вена,
за то, что не требуешь времени, что – мгновенна.

8. Прости художнику, Господи, не ведает, что творит

Продолжая аналогию с поэтом как орудием языка и актером как орудием режиссера, можно сказать, что и сам режиссер тоже орудие в руках Господа, иногда использующий, если снизойдет, Его откровение. Любой художник, будь он поэт, танцовщик, режиссер – медиум, претворяющий в жизнь откровение Господне, и художник, начиная работать, сам не ведает, что творит. А Творец – тоже художник?!

Режиссер говорит, что и сам не подозревал, какой результат получится и к чему он придет. Это откровение снизошло к Херманису из долгих разговоров с Барышниковым о поэзии Бродского. Разговоры с Барышниковым были необходимы Херманису, потому что он человек другого поколения (почти на 20 лет младше) и несколько другой культуры, хотя прекрасно знающий русскую культуру и русский язык (а кроме этого, еще латышский и английский), но знакомый с Бродским, как и зритель, только по стихам поэта. Впрочем, поэт этого и хотел: чтобы о нем судили только по его стихам.

Режиссер создал спектакль, будто Господь – мир, по образу и подобию своему.

Хотел того режиссер или нет, но он интуитивно или путем снизошедшего откровения построил сверхпроводящую цепочку от начального источника – языка к конечному приемнику – зрителю через множество мостов и мостиков, как в любимых Бродским городах Питере и Венеции: время – поэзия – театр – актер.

В физике есть понятие «сверхпроводимости» – это явление возникает в проводнике электрического тока при очень низких температурах, ток течет по такому проводнику почти без сопротивления и потери энергии при передаче от источника к приемнику близки к нулю. В предисловии к сборнику «Письма римскому другу» С. Лурье пишет, что многие стихи И. Бродского отстранены от реальности, идут «*ниоткуда с любовью надцатого мартобря*» и написаны как бы в состоянии клинической смерти, «*при низкой температуре*», когда человек умер, но мозг его еще работает, уши слышат, глаза видят:

Скорость пули при низкой температуре
сильно зависит от свойств мишени,
от стремленья согреться в мускулатуре
торса, в сложных переплетеньях шеи.

Барышников в спектакле Хермaниса и есть такой сверхпроводник при низкой температуре, по которому поэзия Бродского, как электрический ток, путем «личного чтения» течет к зрителю естественно, почти без сопротивления, и потери поэзии при передаче ее зрителю практически равны нулю.

Поэт и переводчик Олег Дозморов, посмотревший спектакль в Лондоне, написал мне:

«Вчера была премьера, я ходил накануне на генеральный прогон. Мне понравилось в высшей степени – он прекрасно читает стихи Бродского, от смысла, умно. И вообще все сдержанно, без истерики и лишнего пафоса, бережно по отношению к стихам».

В этом отзыве ключевое слово «сдержанно». Действие происходит «при низкой температуре». Даже в движении, в художественном жесте, которые режиссер отдал на откуп единственному своему актеру, знаменитому танцору и хореографу, чувствуется высокая сдержанность. Барышников в нью-йоркском интервью сказал, что «не хотел устраивать из дружбы площадного зрелища, ярмарки», потому что, как сказал поэт: «*Клоуны разрушают цирк*». Эта высокая сдержанность и тактичность по отношению к поэту и его стихам очень сильно притягивает зрителя.

Пытаясь исключить «излишнюю заумность», режиссер отбирал для спектакля наиболее простые, зачастую ранние стихи Бродского, которые понятны, казалось бы, любому, даже неискушенному в поэзии слушателю. Но в том-то и заключается колдовство настоящей поэзии, что сколько ее ни упрощай, результат все равно получается бесподобным. Как сказал другой нобелевский лауреат по русской литературе:

«Нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту».

9. Бродский-Барышников – звенья одной цепи

Имя Иосифа Бродского первый раз Барышников услышал студентом в Ленинградском хореографическом училище в середине 60-х годов. Его однокашница принесла в училище стихи Бродского, напечатанные на тонкой бумаге, и предложила Михаилу их почитать, предупредив, чтобы никому не показывал, так как за чтение опального поэта их могли исключить из училища. Барышников сразу понял, что стихи из другого мира, темы которых не имели ничего общего с окружающей серой действительностью.

Потом, уже после возвращения Бродского из ссылки, Михаил увидел поэта и слышал, как он читал «Большую элегию Джону Дону» в ленинградском ВТО. После чтения, выходя с толпой из здания, Барышников краем уха уловил, как кто-то предложил Бродскому «перекусить в ресторане ВТО». Бродский посмотрел на этого человека словно на ненормального и сказал: «Ты с ума сошел?!». Этот ответ Бродского произвел на Барышникова сильное впечатление и много сказал ему о бескомпромиссном характере поэта.

Но в Ленинграде Михаил не был лично знаком с опальным поэтом. Что ни делается, все к лучшему: в противном случае Барышников попал бы в черный список и его бы никогда не выпустили за границу на гастроли. Знакомство произошло в 1974 году в Нью-Йорке в доме Мстислава Ростроповича.

Дружба Бродского и Барышникова продолжалась 22 года, до самой смерти поэта, однако спектакль не о дружбе. Бродский был на 8 лет старше Барышникова, их отношения скорее напоминали отношения между старшим и младшим братом.

И спектакль, повторю еще раз, это не разговор Гамлета с тенью отца, а диалог осиротевшего младшего брата, находящегося по эту сторону бытия, с тенью старшего брата, находящегося уже по ту сторону стены-бытия, в бесконечности.

Бродский для Барышникова был университетом – это было мне понятно давно.

Младший брат многому научился у старшего, и не важно, что один был поэтом, а другой – хореографом. Современное искусство – единый многогранный кристалл, на разных гранях которого – поэзии, музыки, театра, живописи, хореографии – отражаются наши представления о мире. Об этом мире и том.

И те представления о мире, которые Барышников получил от

Бродского, он зачастую переносил в свою авангардную хореографию. Но мне было непонятно обратное: кем был Барышников для Бродского?

И только посмотрев спектакль, мне стало ясно: Барышников – Брод Бродского и его зеркало, отразившее стихи друга в движении, в танце. Барышников в руках режиссера Херманиса – кисть Бродского, которой нарисована «часть речи» поэта.

Забвение грозит только тем, кто известен. «Уж сколько их упало в эту бездну, разверстую вдали!», – писала Марина Цветаева. «*Из забывших меня можно составить город»,* – говорил Иосиф Бродский. Спектакль «Бродский – Барышников» – это еще одна попытка отдать дань памяти рано ушедшему старшему брату, которого невозможно забыть.

Танец третий: «Цветы»

С каждым новым танцем герой все ближе и ближе приближается к зрителям. Танец «Цветы» в стиле японского театра кабуки он исполняет уже на авансцене, и мы можем хорошо видеть работу его рук и мимику лица.

Цветы! Наконец вы дома. В вашем лишенном фальши
будущем, в пресном стекле пузатых
ваз, где в пору краснеть, потому что дальше
только распад молекул, по кличке запах,
или – белеть, шепча «пестик, тычинка, стебель»,
сводя с ума штукатурку, опережая мебель.

Последний танец в спектакле – это цветы на могилу друга, единственное место, где и цветы находят свой покой: *«Цветы! Наконец вы дома».*

10. Серебряная цепочка памяти

В спектакле «Бродский – Барышников» много метафор, работающих на основную тему.

Это и электрический щиток, что периодически искрит от короткого замыкания: то ли искра Божья, то ли инфаркт миокарда, которых у Бродского было несколько.

Это и допотопный будильник, того и гляди – прозвенит: ваше время истекло!

Это и старинный магнитофон 60-х годов, из которого мы слышим голос поэта:

> «*Но пока мне рот не забили глиной, из него раздаваться будет лишь благодарность*».

А в конце спектакля герой закрашивает стекла веранды белилами с внутренней, обратной стороны – символ ухода, границы, отделяющей его от зрительного зала, от слушателей. Но как написано на обратной стороне могильной плиты Бродского:

«LETUM NON OMNIA FINIT» («Со смертью не все кончается», *лат.*).

Спектакль «Бродский – Барышников», начавшийся для меня 12 лет назад в лондонском доме Даниела Уайссборта и Валентины Полухиной, замкнулся, как серебряная цепочка памяти, в Леверкузене 12 мая 2017 года постановкой Алвиса Херманиса в исполнении Михаила Барышникова.

«Ну, как тебе спектакль? Что это?» – спросил я дочь, бывшую рядом со мной и на званом обеде в Лондоне, и на чтении Барышниковым стихов Бродского в фильме, и на спектакле в «нулевом» ряду. И поколение «Гугл», не глядя в смартфон, неожиданно для поколения «Пепси» ответило последней строкой из стихотворения Иосифа Бродского, посвященного Михаилу Барышникову:

> *…что-то,*
> *не уступающее по силе*
> *света тому, что в душе носили.*

Послесловие

Отзывы читателей из интернета на эссе «Не унесенная ветром»

Читатели – Марку Яковлеву

3 августа 2016 в 20:35

Liana Alaverdova · Neighborhood Library Supervisor at Brooklyn Public Library

Очень интересно и содержательно вышло: сценарий-статья-стихи-фантазия-правда-квадрат Полухиной-треугольник Пифагора-коты-вагончики… Все смешалось… Видно, что автора переполняют чувства любви и уважения к юбилярше и он изрядно потрудился на свою и ее славу. Браво!

Like · Reply · Aug 1, 2016 4:51am

Hava Brocha Korzakova · Преподаватель at Университет имени Бар-Илана

Спасибо!

Like · Reply · Aug 1, 2016 5:20am

Alex Sitnitsky · Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»:

Не каждому Гению такое везение с биографом и комментатором, но тут сложилось.

Like · Reply · Aug 1, 2016 5:22am

Mina Kuchuk · Middlesex University

Прекрасная работа. Интересно, содержательно, честно, а главное, по-моему, «есть еще порох в нашей пороховнице». Еще живет и занимает прочное место в существе, по имени: Человек, поэзия, проза, критика и фундаментальные исследования в этой области, несмотря на XXI век со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

Like · Reply · Aug 1, 2016 6:28pm

Ответить

Марк Яковлев – читателям

2 августа 2016 в 22:03

Дорогие друзья, после публикации эссе о Валентине Полухиной нашелся автор фотографии Бродского около статуи в Тиволи, Вилла Адриана, 1983 год – это подруга Иосифа Бродского Аннелиза Аллева из Италии.

Галина Кучумова, Самара Марку Яковлеву

1 августа 2016 в 20:02

Спасибо, дорогой Марк,

роскошное эссе о роскошной женщине!
Галина Кучумова

Аннелиза Аллева, Рим Марку Яковлеву
17 августа 2016 в 20:37
Dorogie Valentina i Mark,
ja pravda ne znala pocti nicego o Vas, i kogda procla celikom jubilejnyj tekst esse Marka Jakoblewa, vdrug mne vse otkrylos' o sibirskoj devocke, o ee poezdach, prikljucenijach, o ee «da», no skoree o ee «net».
Tekst poeticnyj i polnyj ironiej, ja by skazala: ostroserdecnyj.
Pozdravljaju s geroem poemy i s tem, kto sumel vospet' ego/ee zizn' s takoj kotinoj gracioznost'ju,
Annelisa

Отзывы читателей из интернета на эссе «Настежь, или Все лики любви»

Михаил Матушевский, Раанана Марку Яковлеву

22 октября 2016 в 16:08

«Любить или писать? – одно из двух / все потерять – захватывает дух». Автор эссе, возможно справедливо, полагает, что ответ на этот вопрос в «потерянном ключе» и ищет его не там, «где светлее», где ищут многие, а там, где ему и положено быть – в судьбе и таланте Аннелизы Аллевой. Хорошо, внимательно и сочувственно пишет Марк об Аннелизе. Не знаю, нравятся ли ему ее стихи так же, как стихи «ее Музы» – И. Бродского, но это не так важно, ведь» Справедливость иногда бывает неуместной».

Яна Гордина, Санкт-Петербург Марку Яковлеву

20 октября 2016 в 20:08

Здравствуйте, Марк.

Прочитала. Хорошее эссе. Именно жанром и понравилось. Уходом от сухого литературоведения, лингво-стилистического анализа. Довольно удачным сопряжением в разговоре с читателем мотивов биографических и поэтических, вплетением в нить рассуждений о поэзии АА мотивов поэзии русской и европейской. В общем, читала с удовольствием. Есть несколько очень точных наблюдений. Вы большой молодец.

С уважением

Яна

Андрей Олеар, Томск, Россия Марку Яковлеву

19 октября 2016 в 16:35

Спасибо, Марк. Сразу же захотелось перечитать книгу АА. Каюсь, читал на бегу, а надобно, конечно, с полным погружением…

Милана Гиличински, Штутгарт Марку Яковлеву

19 октября 2016 в 16:32

Марк, емко и хорошо, особенно понравилось о тропах стихотворений Бродского…

Максим Соколов, Самара, Россия Марку Яковлеву

19 октября 2016 в 10:08

Марк, спасибо, что поделились эссе. «Настежь»… Читал с восхищением и разочарованием. К счастью, или к счастью и

сожалению, именно люди, зачастую далекие от России и, казалось бы, ее культуры, а главное – коренного этноса – наиболее приверженно и чисто (как кажется мне) сохраняют культуру русского языка, а вместе с ней, опосредованно, и культуру России. Почему замечаешь в первую очередь именно их? Вот в этом и сожаление…

Ф. Вышкин, Россия Марку Яковлеву
18 октября 2016 в 13:00
Уважаемый Марк, Вы, как всегда, на высоте. Замечательное эссе. Написано мастерски, живо и стильно. Захотелось найти почитать стихи, несмотря на предупреждение Alex Sitnitsky, что биография интереснее стихов героини.

Алла Гордеева, Москва Марку Яковлеву
17 октября 2016 в 11:13
Марк, великолепное эссе! Поздравляю. Читаю, не могу оторваться. И тема, и героиня никого не может оставить равнодушным. Спасибо!

С. Васильева, Лондон Марку Яковлеву
17 октября 2016 в 9:58
Дорогой Марк, я еще читаю ваше эссе – растягиваю удовольствие! Обязательно напишу еще, когда дочитаю, мне очень нравится стиль и нравятся ее стихи!

Глеб Шульпяков, Москва Марку Яковлеву
16 октября 2016 в 22:21
Марк, спасибо, очень подробная и вдумчивая статья.

Наташа Ковалева, Нью-Йорк Марку Яковлеву
15 октября 2016 в 16:59
Прекрасное эссе, Марк! Жаль, что я раньше ее стихов не читала.

Марина Соловьева, Тель-Авив Марку Яковлеву
15 октября 2016 в 11:40
Марк, Вы написали эссе «Настежь, или Все лики любви» очень хорошо, интересно, эмоционально-поэтично, спасибо. Мои подруги тоже благодарят Вас. Пишите еще!

Отзывы на эссе «Бродский и неизвестная Иския»

Konstantin Konson ·

TU Dortmund

Мне думается, одна из заслуг этого литературно-биографического эссе в том, что оно лучом маяка выхватило из литературного моря жемчужину, и на время ее осветило. Сколько таких жемчужин… Спасибо, Марк.

Отметка «Нравится» · Ответить · 16 июня 2017 г. 1:23

Vladimir Bravve ·

Moscow State University of Railway Engineering

Прекрасное и очень познавательное эссе о великом поэте и его поздней любви (хотя любовь никогда не опаздывает). Спасибо автору за то, что он открыл для меня новую, совершенно незнакомую, страницу жизни Иосифа Бродского. Быть Музой великого поэта это огромное счастье для любой женщины, а в данном случае сама Муза научилась у своего избранника стихотворному мастерству, что позволило нам стать свидетелями любви Мастера и его Маргариты, описанной и им и ею. Как бы ни был печален тот факт, что поэт не включил инициалы Аннелизы в печатную версию посвященных ей стихотворений, это ничуть не умаляет значения этой встречи для любителей изящной словесности. Спасибо Марку Яковлеву за интереснейшее литературное исследование!

Отметка «Нравится» · Ответить · 14 июня 2017 г. 20:09

Наталья Ганелина ·

Высшее полное

Так много фактов и подробностей, что с первого разу показалось суховато. Пришлось читать 2 раза. Утром, на свежие мозги, понравилось

Не нравится · Ответить · 1 · 3 июня 2017 г. 11:14

Olga Rozin ·

Doctor в Jamesburg Family Dentistry

Замечательное эссе, воссоздающее атмосферу романса двух поэтов на чудесном острове, острове любви… Очень гармонично вплетение стихов Марины Цветаевой.

Спасибо, Марк Яковлев!

Не нравится · Ответить · 1 · 2 июня 2017 г. 23:32

Irina Baranevich ·

Одесский институт инженеров морского флота

Благодарна очень Вам, Марк. Меня завораживает жизнь

Бродского, и сейчас круг по-настоящему замкнулся – мы узнали близкого ему человека, Поэта, родную душу. Да еще какого Поэта! Как же все это интересно, проникновенно и как-то неумолимо печально. Пройти еще раз по «волнам памяти», но уже по-другому. «СПРАВЕДЛИВОСТЬ НЕУМОЛИМА»…

Не нравится · Ответить · 1 · 31 мая 2017 г. 21:08

Alla Senina ·

Школа 407

Перечитываю ваше эссе уже второй раз. В первый раз меня поразили стихи Аннелизы Аллевы. Я даже пыталась найти книгу, но увы, не нашла. Но я купила другую: Валентина Полухина «Эвтерпа и Клио Иосифа Бродского. И там нашла много интересного. Спасибо вам за прекрасное эссе, за то, что открыла для себя еще одну грань в творчестве Бродского!

Не нравится · Ответить · 1 · 31 мая 2017 г. 20:26

Наталья Троицкая ·

Zhukovskiy, Moskovskaya Oblast', Russia

Здравствуйте, Алла! Книгу очень легко найти, ввести в поиск автора и название и выбирайте… я выбрала магазин рядом с «Павелецкой» тел. 495 640 55 22. Если Вам удобно, а если нет много других. Желаю удачи!

Отметка «Нравится» · Ответить · 1 июня 2017 г. 13:16

Irina Dyatlovskaya ·

Port Costa, California

было опубликовано несколько переводов в «Звезде», и можно на итальянском или с английским подстрочником найти – есть сайт ее – если найду – пришлю ссылку

Отметка «Нравится» · Ответить · 13 июня 2017 г. 0:43

Irina Dyatlovskaya ·

Port Costa, California

вот здесь как раз Амелина перевод – там, правда, вместо запятых «Ч» – с какого-то сайта копировала сто лет назад

> Письмо в сонетной форме Рубище из грубой дерюги
> не по росту мне длинновато.
> Поравнявшись с тобой, спотыкаюсь,
> поднимусь Ч ты скрылся из вида.
> Станешь, глядя на куст придорожный,
> подойду Ч ты прочь прогоняешь.
> Уследить за тобой не успеваю….Еще

Отметка «Нравится» · Ответить · 13 июня 2017 г. 0:44

Тель-Авив

Ну, не знаю.

Бродского предпочитаю стихами.

Строки же его возлюбленной – совсем «не мое».

Не нравится · Ответить · 1 · 31 мая 2017 г. 20:20

Irina Dyatlovskaya ·

Port Costa, California

у нее потрясающие стихи, связанные с Бродским- Вы почитайте только! Особенно «Письмо в форме сонетов»– точно не помню название

Отметка «Нравится» · Ответить · 1 · 12 июня 2017 г. 22:08

Ekaterina Sleptsova ·

Staatliche Linguistische Universität Moskau

Отличное эссе, прочитала с большим интересом и удовольствием. До того ничего не знала об Аннелизе и ее роли в жизни Бродского. Большое спасибо!

Не нравится · Ответить · 1 · 26 мая 2017 г. 14:56

Елена Третьякова ·

Самарский Государственный Университет

Читать интересно: фишка не в большом количестве подробностей, а в правдивости эмоций и высокой их концентрации

Не нравится · Ответить · 1 · 26 мая 2017 г. 12:26

Наталья Троицкая ·

Zhukovskiy, Moskovskaya Oblast', Russia

Очень советую Вам прочитать, чтобы понять в чем „фишка"… http://za-za.net/nastezh-ili-vse-liki-lyubvi-esse-ob…/

Отметка «Нравится» · Ответить · 26 мая 2017 г. 19:43

Наталья Троицкая ·

Zhukovskiy, Moskovskaya Oblast', Russia

Прекрасное эссе о замечательном стихотворении и о, практически, неизвестной части жизни великого поэта, его любви, породившей другого поэта…! Большое спасибо!

Скажу честно, для меня это более подробное, углубленное описание счастливых дней двух любящих на острове, пребывание на котором, стало воспоминанием, стихотворением, входящим в книгу стихов «Наизусть», добавление к Вашей великолепной и обширной рецензии на эту книгу, опубликованной 14 октября 2016 г. в ZA-ZA…Любовь и жизнь…,превращение поэта в музу, а музу в поэта, сравнение этой пары с Кало и Риверой, уязвимость и поразительная р…Еще

Не нравится · Ответить · 2 · 26 мая 2017 г. 7:16 · Отредактирован

Olga Sperling

Понравилось, спасибо! Особенно аспект нашей жизни «познание будущего через прошлое». Ну и конечно, вечная тема

«любви и счастья»-МУЗЫ поэтов! (ИБ, АА, Цветаева, Мандельштам) «Прекрасен миг тобою освещенный» Достаточно подтверждающего материала, фотографий. Спасибо за прекрасное эссе!

Не нравится · Ответить · 1 · 25 мая 2017 г. 8:53

Andrey Olear ·

Работает в Томский госуниверситет

В последнее время ловил себя на том, что отличных текстов, которые стоит прочесть становится так много, что даже главные, исходные оригиналы непроизвольно отодвигаются в конец списка. И вот ты уже, читаешь не самого ИБ, которого бы читать и читать, а плывешь, перефразируя Тухманова, «по волнам чужой памяти». И, вообще, существование в памяти, отражение реальности, удивительное не менее, чем сама жизнь. «Муза не набирает воды в рот», но говорит и тем спасает от забвения еще одну Атлантиду… Спасибо Марку Яковлеву за фокус внимания на еще одном из островов Архипелага гениального поэта, отвоеванных памятью у Океана Забвения, пусть даже на время нашей собственной жизни

Не нравится · Ответить · 2 · 25 мая 2017 г. 2:45

Jakob Margolis ·

Эшборн

Отражение реальности часто интереснее, чем сама реальность. Все зависит от зеркала:)

Отметка «Нравится» · Ответить · 1 · 25 мая 2017 г. 17:47

Tatiana Khokhrina ·

Московская Государственная Юридическая Академия/Moscow State Law Academy

Спасибо за прекрасное эссе о малоизвестных отношениях двух поэтов, разновеликих, но явно созвучных, за открытие не только новой музы Бродского, но и в ее лице нового для нас поэта, за чудесную перекличку с Мандельштамом и Цветаевой и за новый „пункт счастья“ на литературно-географической карте – Искья.

Не нравится · Ответить · 1 · 24 мая 2017 г. 19:25

Ayala Miller ·

Bar Ilan University

Интересно было узнать еще об одной музе поэта. Почему он стер начальные посвящения – видимо, останется тайной. Хочется узнать больше об АА, почитать ее стихи, особенно, посвященные Бродскому. Этот интерес спровоцирован автором эссе – Марком Яковлевым. Большое ему спасибо

М. Соловьева

Не нравится · Ответить · 1 · 24 мая 2017 г. 9:28

Jakob Margolis ·

Эшборн

Если Вы хотите больше узнать о АА и ее стихах, посвященных ИБ, то купите книгу стихов АА «Наизусть», изд-во «Пушкинского фонда», СПб, 2016. Глубокие и не тривиальные стихи о любви.

Отметка «Нравится» · Ответить · 1 · 24 мая 2017 г. 10:12 · Отредактирован

Алла Гордеева ·

Москва

С величайшим интересом прочитала эссе о Музе Бродского. И немедленно возникло желание узнать побольше об этой женщине. Нашла видеозапись выступления Аннелизы в музее-квартире А.С. Пушкина на Мойке в 2016 году. Как хороша, умна и остроумна, безупречно владеющая русским языком, поэтесса! «Одному Господу известно, когда память поэта достанет из своих кладовых то далекое, что называлось «островом счастья» и сложит из него» спектр памяти». Да. Это именно тот самый счастливый случай встречи двух личностей, двух талантливых людей, результатом которой – серия стихов и воспоминаний. Прекрасное эссе о любви. Спасибо!

Не нравится · Ответить · 1 · 23 мая 2017 г. 21:34 · Отредактирован

Отзывы на рецензию к спектаклю «Бродский-Барышников» – звенья одной цепи

Liubov Mashkovtseva ·

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Очередная хвала таланту Бродского и Барышникова. Ничего нового.

Не нравится · Ответить · 1 · 13 июня 2017 г. 17:15

Jakob Margolis ·

Эшборн

Почему же только хвала Бродскому и Барышникову? Рецензия начинается с того, что автору не нравится, как Бродский читает свои стихи. Затем автор пишет, что Барышников не свободен, не импровизирует, а «делает то, что ему положено делать». Говоря о Херманисе, автор пишет, что режиссер отобрал в основном ранние стихи поэта, еще не смягченные самоиронией Бродского и поэтому спектакль получился, как говорит сам Барышников, «не самый веселый». Так что в рецензии есть не только «очередная хвала», но и «внеочередная критика»!

Отметка «Нравится» · Ответить · 15 июня 2017 г. 10:33

Liubov Mashkovtseva ·

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Jakob Margolis, я поняла), но я о другом. Извините, не хочу углубляться.

Отметка «Нравится» · Ответить · 15 июня 2017 г. 20:30

Natasha Ladushki ·

Работает в Educational Toys Planet

Какой замечательный и глубокий взгляд на спектакль! Спасибо, Марк, за интереснейшую рецензию! Благодарна за ссылку.

Читая статью, мне еще раз показалось, что спектакль Херманиса создан как игровой конструктор без инструкции. То, что по-английски называется «open-ended“. Каждый складывает кубики по своему видению. Мне кажется, что это даже не совсем спектакль. Разговор Барышникова о Бродском. При этом это не монолог, т. к. каждый зритель отзывается на голосовой, пластический и смысловой контекст по-своему. Мне казалось, что застекленная беседка – это вокзал. Может для дачной электрички. А может….Еще

Не нравится · Ответить · 2 · 11 июня 2017 г. 23:57

Marina Perepletchikova ·

Дюссельдорф

О, не мне одной показалось, что декорация – безусловно вокзал!

Отметка «Нравится» · Ответить · 1 · 16 июня 2017 г. 0:28

Галина Кондратенко ·

Зав. редакцией в Журнал «Звезда»

Спасибо! Вы посмотрели – послушали – за меня тоже… читала Ваш текст и почти видела сцену и гениального Барышникова… в нулевом ряду)))

Не нравится · Ответить · 1 · 11 июня 2017 г. 14:59

Jakob Margolis ·

Эшборн

Да, и ехать никуда не надо, все с доставкой на дом!:)

Отметка «Нравится» · Ответить · 11 июня 2017 г. 15:42

Виктор Обухов ·

Жизнь что-то стала зависать,
Как звук, неслышный в пустоте.
Что после Бродского писать?
Слова не те..

Не нравится · Ответить · 2 · 10 июня 2017 г. 18:29

Jakob Margolis ·

Эшборн

Вот так и начинается спектакль: «Как звук, неслышный в пустоте».

Отметка «Нравится» · Ответить · 1 · 10 июня 2017 г. 22:28

Marina Sigalova ·

СамГМУ

Спасибо за возникающий при чтении эффект присутствия и глубокий анализ спектакля.

Не нравится · Ответить · 2 · 10 июня 2017 г. 7:48

Nastasya Kuznetsova ·

Работает в Издательство «Азбука-Аттикус»: Азбука, Иностранка, КоЛибри и Machaon

Спасибо!

Не нравится · Ответить · 1 · 9 июня 2017 г. 11:47

Irina Cech ·

The University of Texas at Austin

Ochen’ interesno. Thank you for this info.

Не нравится · Ответить · 1 · 9 июня 2017 г. 4:09

Alla Senina ·

Школа 407

Парадокс спектакля Херманиса состоит именно в этом – в

ретроспективе, в том, что читая «невеселые стихи» Бродского о наступающем старении, о постепенном уходе, о неизбежности смерти, герой совершает обратную метаморфозу – он движется во времени назад, от старости к молодости, «от окраины к центру», голос его, неуверенно читающий стихи в самом начале спектакля, крепнет, движения героя становятся четкими, и заканчиваются необычными танцами Барышникова по стихам Бродского.

Мы видим, как портрет героя по ходу спектакля начинает медленно, словно на старинной фотографии, проявляться. В данном спектакле Барышников – кисть в руках художника Херманиса, рисующего красками поэзии Бродского!!!!! Да, весть Барышников донес. Спектакль потрясающий. Спасибо за статью, Марк! Переживаю снова и снова то, что увидела.

Не нравится · Ответить · 2 · 8 июня 2017 г. 22:14

Отзывы на эссе о жизни и творчестве Эвелины Шац «Корни и кроны»

Sergey Ryabchuk ·

Техник-смотритель в Во саду ли, в огороде

Весьма толково построенный дом. Много новых лестниц и этажей, всяких висячих балкончиков, чуланов, коридоров, которые, собственно, и образуют безмерный барак цивилизации. Мне интересен только тонкий звон этих спиц, что накидывают и накидывают петли судеб, имен, встреч, любовей, стихов, книг, разрывов. Чуть не хватило итальянского крыла. Я люблю поэзию Альды, я бы тут порезвился об отношениях двух поэзий, о свободной форме, о Монтале, Эвелине и вообще дал бы параллельные тексты на итальянском и русском, скажем. Неитальянскому читателю трудно понять – даже отсылкой к Хлебникову – ту глубокую традицию белой поэзии, восходящей к римскому способу думать поэтической чеканной прозой и свободной глубокой строкой белого стиха. И очаровательный анекдот про «итальянскую» речь Бродского, конфетка, надо украсть и быстренько сунуть в рот. Кстати, этот трюк очень связан с культом Беккет, ну, например, в речи раба в «Ожидании Годо»: «и не взирая на теннис». А раз уж все речи награждаемых (слегка обесчещенных – Фазиль Искандер) полны идиотизма благородной скромности и высокоумной банальщины, то нет ничего лучше, чем спародировать уе так, как сделал это Бродский. В общем, кайф.

Не нравится · Ответить · 1 · 3 июля 2017 г. 9:57

Olga Ignatyeva ·

МГУ

Большое спасибо Марку Яковлеву за это прекрасное, полное жизни и эмоций эссе! В нем сама Эвелина. Как будто я снова встретилась с ней, услышала ее голос, ее поэзию.

Не нравится · Ответить · 1 · 29 июня 2017 г. 6:41

Svetlana Zamrii ·

Директор в Студия Кадо создатель и руководитель, преподаватель искусства икэбана

Большое спасибо за эту прекрасную статью. Хотя – это больше, чем статья. Это увлекательный роман. Благодарю Вас за бусины в ожерелье жизненного пути любимого мной человека в черной шляпке с букетиком трогательных подснежников и бирюзой глаз. Именно такой встретила ее в лифте дома С. Рихтера недалеко от Патриарших прудов. А дальше были стихи, и

цветы, и клен, и снег, и Пасха в Москве…

Не нравится · Ответить · 2 · 28 июня 2017 г. 15:19

Tatyana Laricheva

Прочла на одном дыхании…

СПАСИБО!

Не нравится · Ответить · 2 · 27 июня 2017 г. 19:03

Alexandra Nikiforova ·

ЛГУ им. А.А. Жданова

Большое спасибо! Объемно и высоко художественно написано о таком тонком человеке. „Вывязано кружево“ про интереснейших людей XX века.

Не нравится · Ответить · 1 · 27 июня 2017 г. 15:04

Alla Senina ·

Школа 407

Прочитала с замиранием сердца. Потрясающе! Огромное спасибо!

Не нравится · Ответить · 2 · 26 июня 2017 г. 21:50

Valentina Polukhina ·

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Прекрасное эссе: темы, люди и их судьбы в колесе истории.

Не нравится · Ответить · 4 · 26 июня 2017 г. 18:56

мария копелян Прекрасное эссе! На одном дыхании. Очень долго не хотелось возвращаться. Спасибо!

НравитсяЕще реакции

· Ответить · 26 июня в 20:00

Elvira Vail Замечательные и редкие фотографии!

Нравится

· Ответить · · 26 июня в 23:22

Rita Gelischanow Спасибо, читала на одном дыхании!

НравитсяЕще реакции

· Ответить · 27 июня в 1:48

Gaspara Paietta sai che Liubimov è stato al mio pranzo di nozze? Insieme a Luigi Nono invitati da Davide Lajolo (che si era autoinvitato!) Показать перевод

НравитсяЕще реакции

· Ответить · 27 июня в 11:27

Svetlana Zamrii Спасибо большое! Это лучшее из всего, что я читала об Эвелине Шац! Это так похоже на нее! Будто снова встретились и она читает, угощает, варит прекрасный кофе, творит, говорит… Она все делает с любовью!

НравитсяЕще реакции

· Ответить · 28 июня в 15:25

Lana Polinger Спасибо огромное! Невероятно интересно!

НравитсяЕще реакции
· Ответить · 30 июня в 9:42

Иллюстрации

Мое начало спектакля «Бродский-Барышников»: автор объясняет Валентине и Даниелу, почему ему нравится, как стихи И.Бродского читает М.Барышников (фото из архива автора, 2005 год).

Ворота в рай: строгие, но справедливые контролерши.

Билет в оркестровом, «нулевом», ряду на спектакль «Бродский-Барышников».

«Несчастные опоздавшие» через стенку от спектакля «заливают горе» и «обмывают лучшие места».

«Счастливые посмотревшие» делятся с «несчастными опоздавшими» своими впечатлениями о спектакле «Бродский-Барышников».

Декорация спектакля: застекленная танцплощадка-веранда в доме отдыха наших родителей конца 50-х годов прошлого века – «застекленный куб времени».

А может быть, это провинциальная железнодорожная станция, «вокзал для двоих», с которого один уехал в бесконечность, а второй читает его стихи и зовет вернуться.

Обложка программы Bayer/Kultur: герой читает стихи (фото Janis Deinats), Бродский и Барышников, 1985 год (фото Леонида Лубяницкого)

Картина Феликса Нуссбаума «Танец смерти» находится в музее художника в Оснабрюке, Германия. Архитектор музея Даниэль Либескинд, он также автор восстановленных после трагедии 11.09.2001 новых башен близнецов в Нью-Йорке (фото

автора).

«Танец маленьких лебедей» в исполнении И.Бродского, М.Барышникова и М.Ростроповича (хореография Барышникова, а Бродский с юмором изображает боль в ноге, фото Леонида Лубяницкого).

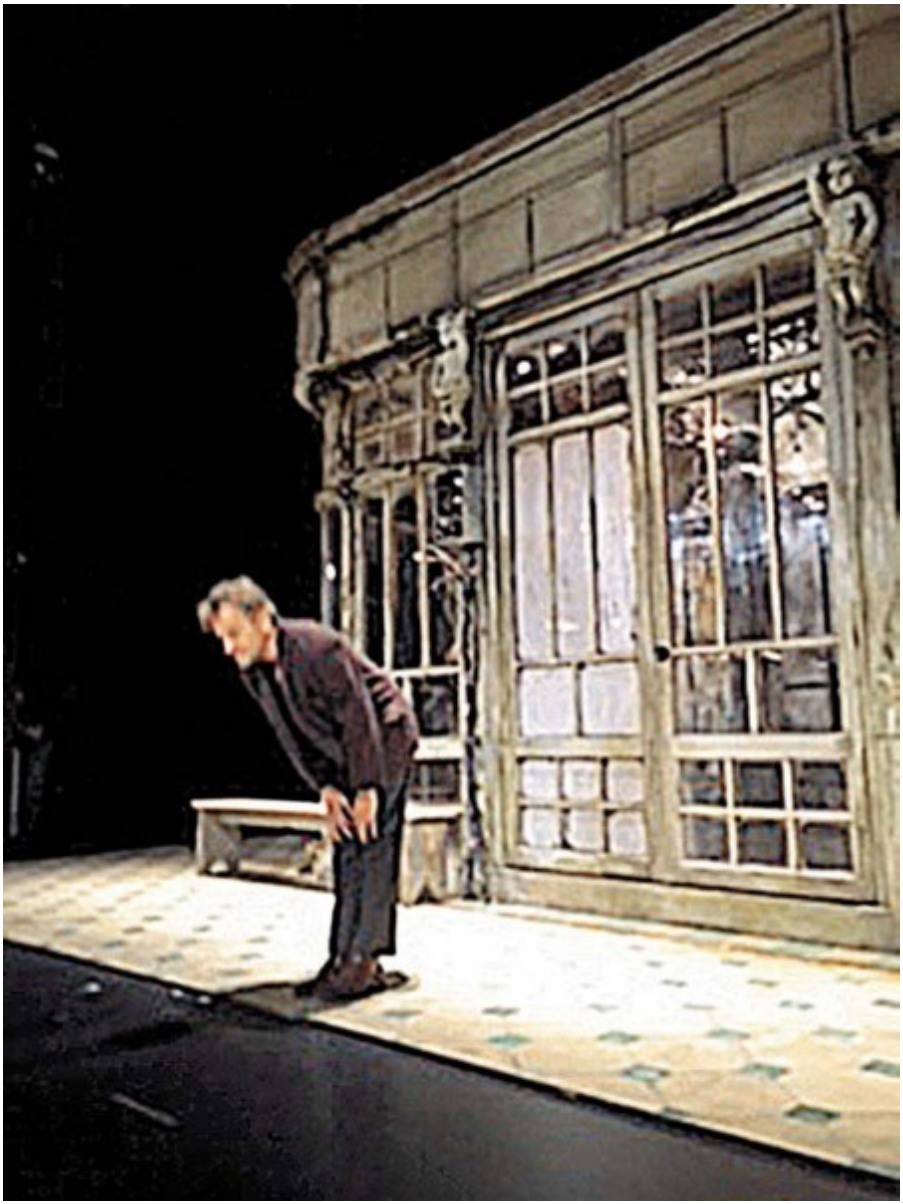
Программы Bayer/Kultur: танец «Цветы» (фото Janis Deinats).

Обратная сторона могильной плиты Иосифа Бродского (фото автора).

Кладбище на острове Сан-Микеле в Венеции, где покоится поэт (фото автора).

Валентина Полухина, побывавшая на могиле Иосифа Бродского в этом году дважды: в день рождения поэта 24 мая – вместе с друзьями из России, Италии, США и 26 мая 2017 года – одна.

Герой спектакля, исчезающий в темноте кулис (фото автора).



Михаил Барышников после спектакля – поклон зрителям (фото автора).

Кильский университет.

Вале 2 года, с отцом, братом, сестрой и учебником арифметики, деревня Урюп, 1938 (фото из архива ВП).

На фото: Телемак, Валентина и Одиссей в «комнате Бродского» на втором этаже дома Валентины и Даниела в Лондоне (фото Пенелопы, из архива автора).

На фото: Валентина в березовой роще возле УДН, Москва, 1967 г. (из архива ВП).

ВП с принцем Майклом Кентским в кабинете принца, Лондон, 1995 г. (из архива ВП).

Валентина с Котом Исси.

Бродский на фоне белой стены (фото Марты Казанаве).

Юбилей: Пастушка и Баран (в центре) и две овечки (по краям), Лондон, июнь 2016.

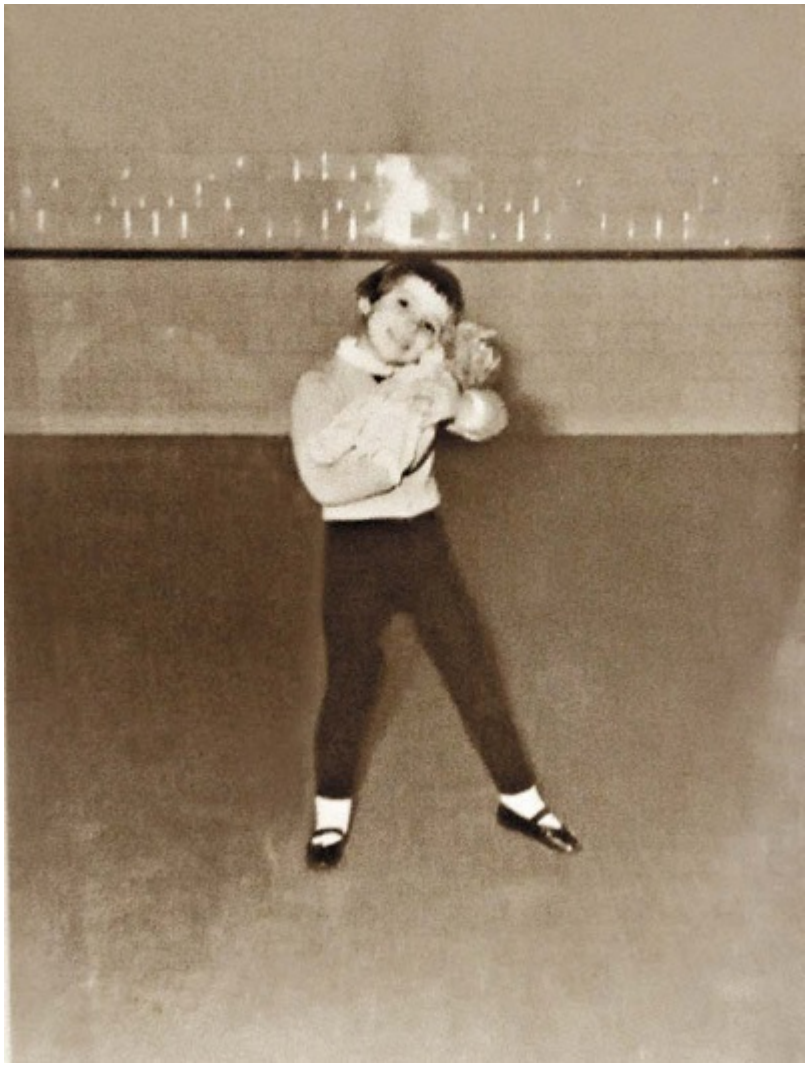
Фото 1980 года в Мичигане – Бродский на полу в квартире Валентины, наевшись сибирских «пельменей Полухиной» (фото из архива ВП).

ВП с медалью Бенсона дома, 2014 г. (на заднем плане фото Даниел и Валентина).

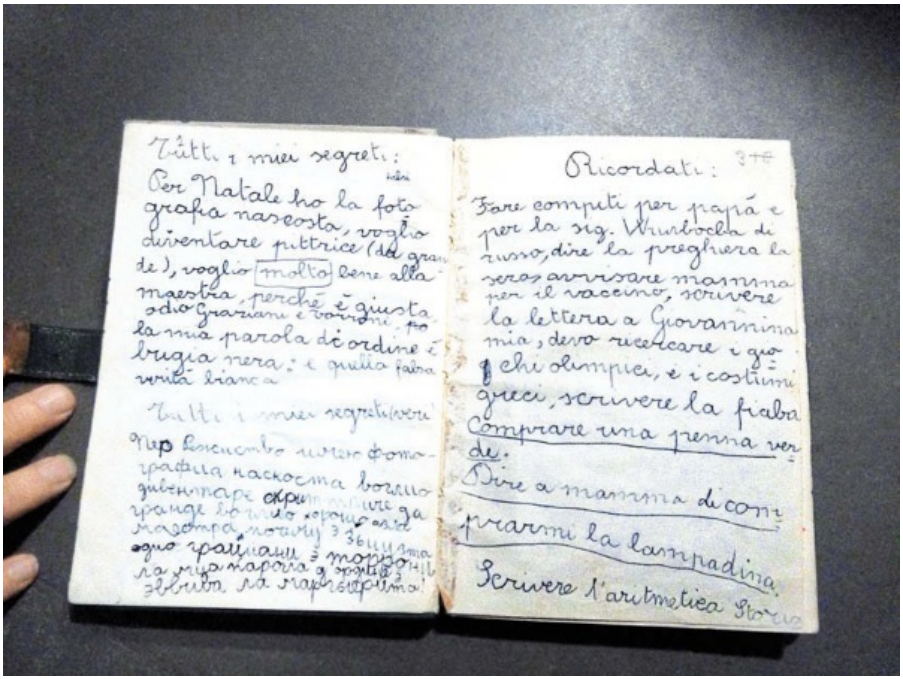
Открытие бронзового бюста Иосифа Бродского в Кильском университете в день рождения А.С.Пушкина 6 июня 2016 г. (ВП в шляпе, коллеги из университета и посол России).

Аннелиза Аллева в своей квартире в Риме на площади Данте, декабрь 2011 г. (фото Dino Ignani).

Обложка книги «Наизусть», изд-во «Пушкинского фонда», СПб, 2016.



Аннелиза, 4 года, Рим.



Tutti i miei segreti:

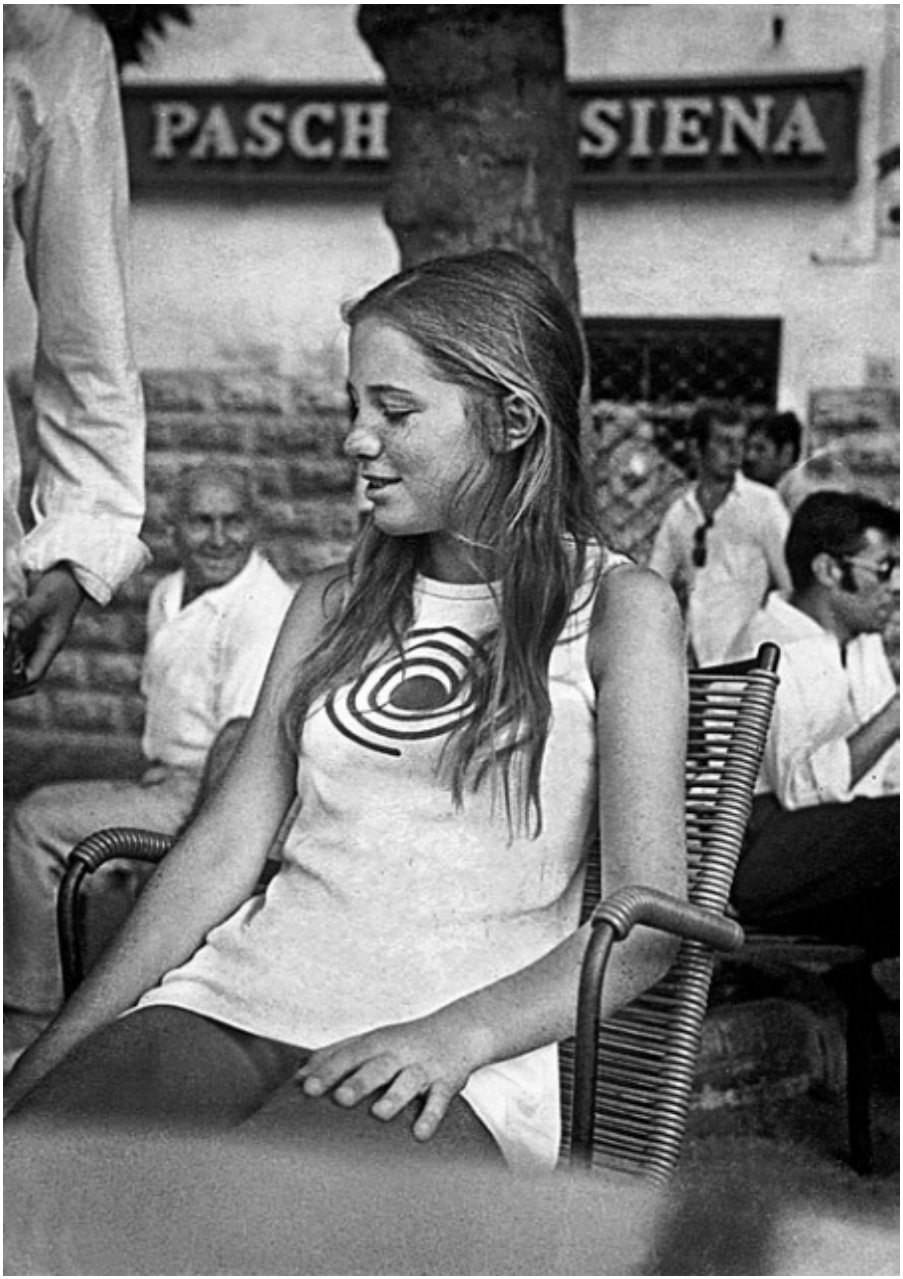
Per Natale ho la fotografia nascosta, voglio diventare pittrice (da grande), voglio molto bene alla maestra, perché è giusta. Odio Graziano e Doriano. Ho la mia parola di ordine è bugia nera e quella falsa verità bianca.

Ricordati: 37

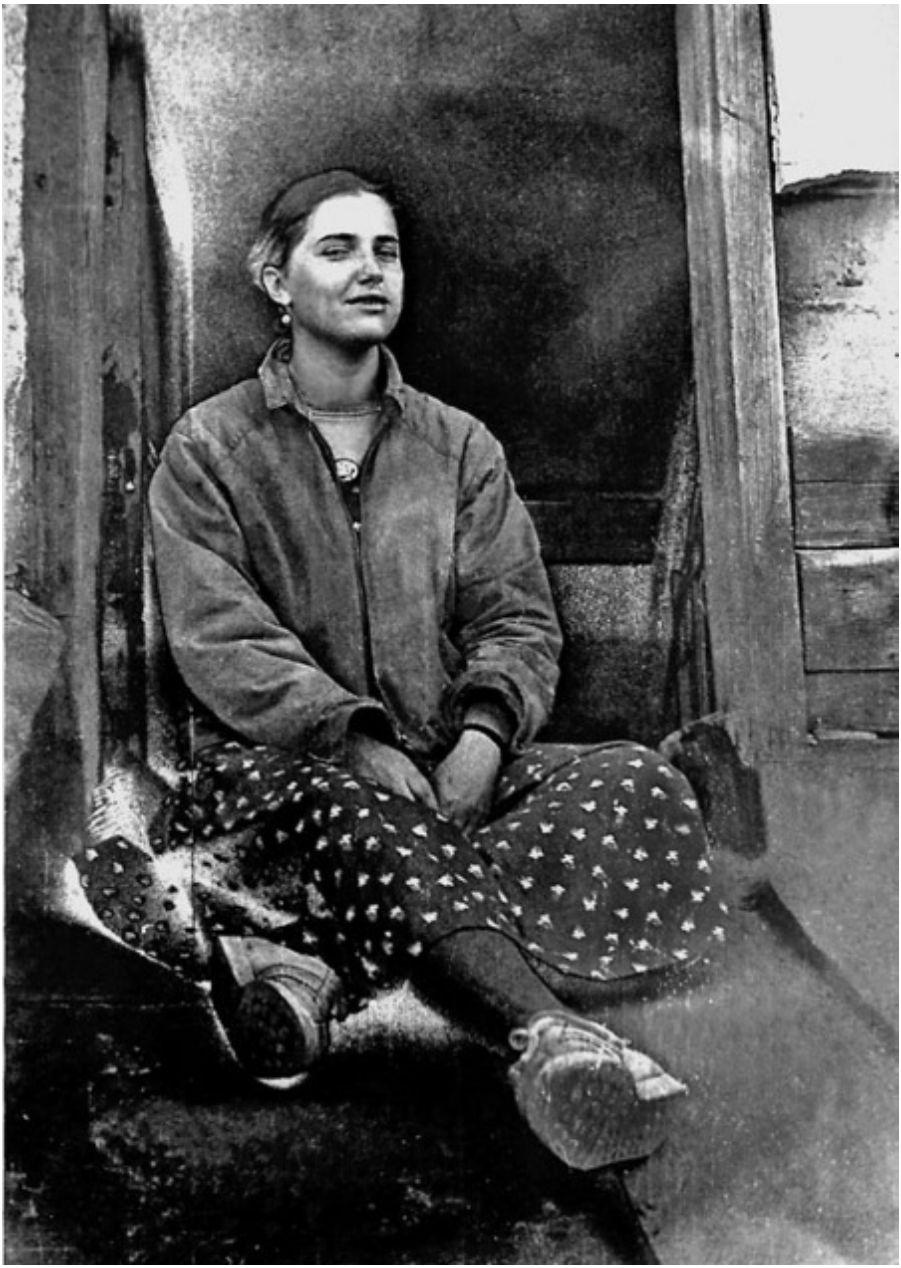
Fare compiti per papà e per la sig. Wurlocka di russo, dire la preghiera la sera, avvisare mamma per il vaccino, scrivere la lettera a Giovannina mia, devo ricercare i giochi olimpici, e i costumi greci, scrivere la fiaba. Comprare una penna verde.

Dire a mamma di comprarmi la lampadina.

Scrivere l'aritmetica



АА, 12 лет на острове Эльба.



АА на чердаке в Ленинграде, 1981 год, фото Данилы Корогодского.

Аннелиза Аллева на презентации книги «Наизусть» в Питере, в доме Пушкина на Мойке, 24-ого марта 2016 г., фото А.Коносова.

«Sono poesie classiche, oraziane, catulliane».

Cesare Garboli

«Poesia di passione e precisione».

Alfonso Berardinelli

«The poems I am most familiar with deal with loss,
but do so with great composure and insight,
never once slipping into triteness
on the one hand or hysteria on the other».

Mark Strand

«Поэзия классическая, горацианская, катуллианская».

Чезаре Гарболи

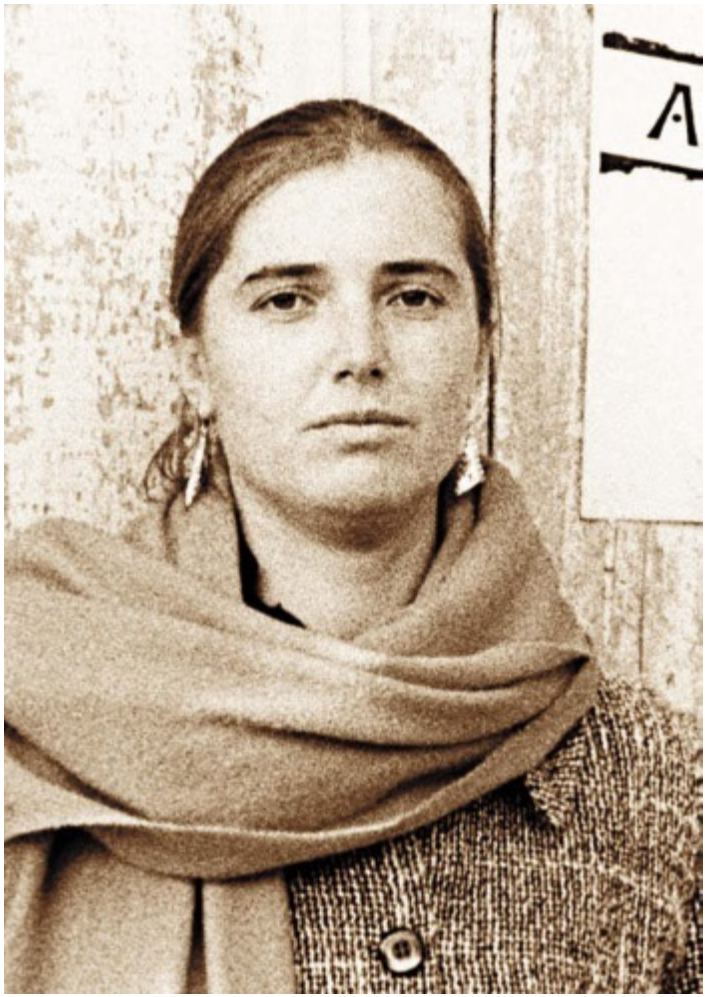
«Поэзия страстная и выверенная».

Альфонсо Берардинелли

«В стихотворениях, более мне близких, речь идет
об утратах, но поэт говорит о них с большой
сдержанностью и проникновенностью,
не соскальзывая ни в банальность, ни в истерию».

Марк Стрэнд

Обложка книги стихов «Наизусть», изд-во «Пушкинского фонда», СПб, 2016, и отзывы на стихи Аннелизы Аллева.



«Но когда я Искию вижу неожиданно, с облаками нависшими над ней, словно сеть», строка из стихотворения АА «Прочида и Иския», адресованного ИБ.

Обложка сборника «Иосиф Бродский: Труды и Дни», составители Л.Лосев и П.Вайль, где было опубликовано эссе Евгения Рейна «Мой экземпляр «Урании».

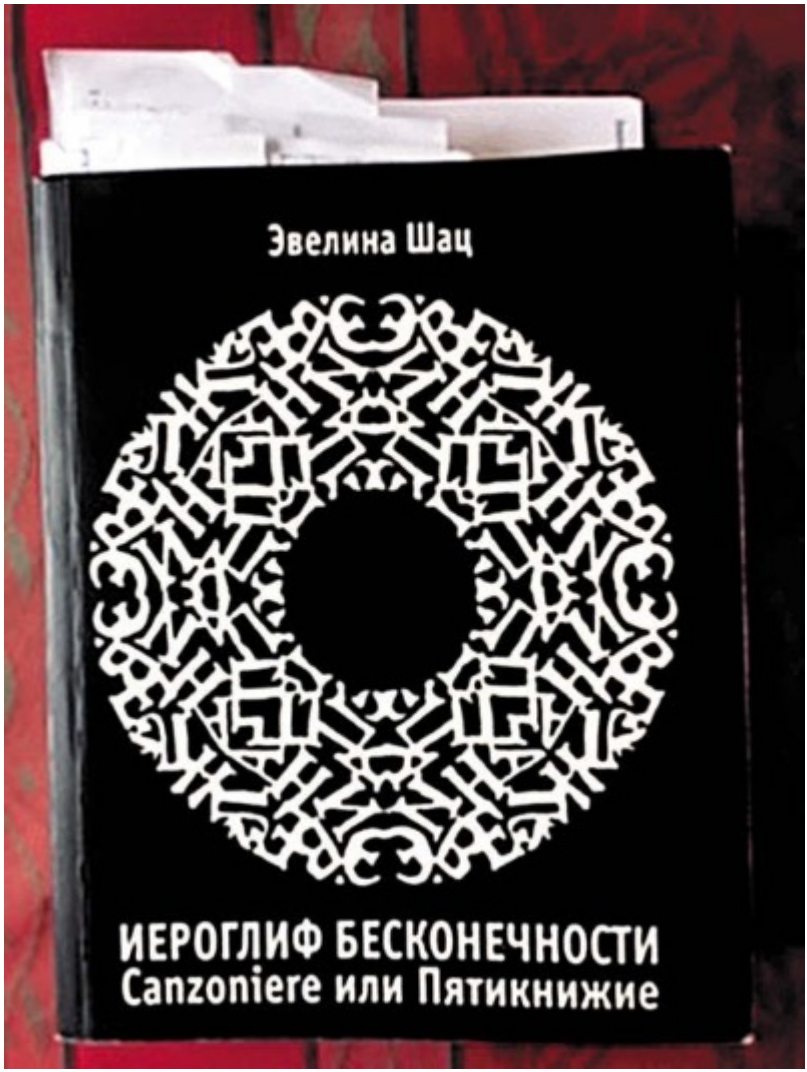
Бродский около статуи в Тиволи, Вилла Адриана, Рим, вторая половина июня 1983 года сразу после возвращения с острова Иския (фото Аннелизы Аллева из архива ВП).

«Семейный портрет в интерьере» (фото Dino Ignani, ноябрь 2011). В центре на овальном портрете прабабушка АА Элиза Царифи, гречанка, жила с родителями в Константинополе, Аннелизу назвали в ее честь. С левой стороны рисунок Vincenzo Gemito и с правой стороны тоже рисунок, портрет АА в возрасте

трех лет.

«Сумевшая не растерять лучей, преломившихся о твои черты», строка ИБ из стихотворения, адресованного АА (Москва, 2012 г., фото Максима Амелина).

Эвелина Шац (фотографика Кати Голициной).



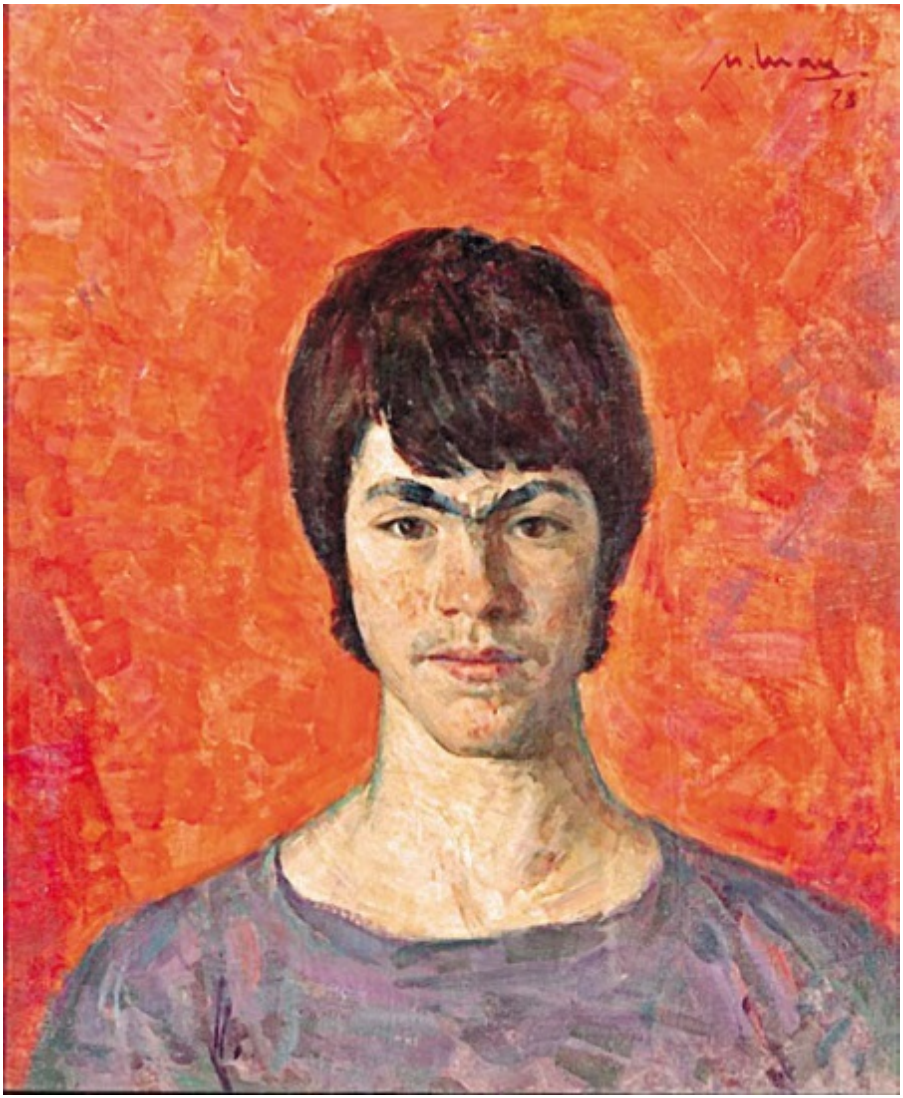
Обложка книги ЭШ «Иероглиф бесконечности» (фото М.Я.).

Рисунки Юрия Нагибина (фото из архива Эвелины Шац).

Мануэль Шац «Хелен» (портрет жены художника).

Мануэль Шац, фото 1950-х годов.

Мануэль Шац «Портрет учителя – художника Стилиануди», ЭШ подарила портрет Одесскому музею изобразительного искусства.



Мануэль Шац «Портрет внука Eugenio», 1978 г.

Мануэль Шац «Черная Африка», 1956 г.

Иосиф Бродский, ведущая итальянского ТВ и Эвелина Шац на Сицилии, июль 1990 г. во время вручения поэту премии города Castiglione di Sicilia (фото из архива ЭШ).

Премия вручена поэту: Иосиф Бродский, ведущая итальянского ТВ и Эвелина Шац (фото из архива ЭШ).

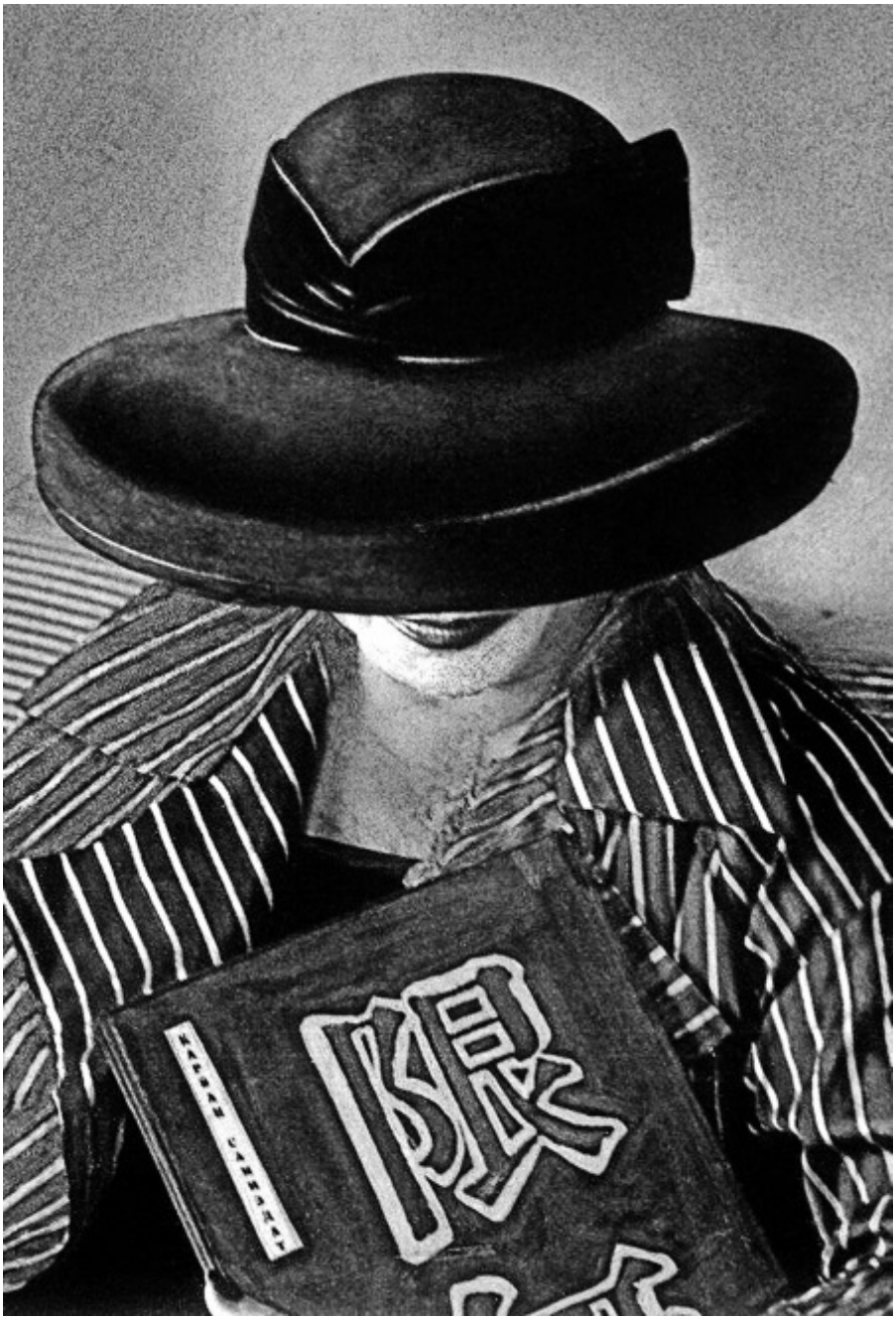
Эвелина Шац читает стихи после дня рождения Иосифа Бродского в конце мая 2017 года в том же соборе на Сицилии, где поэту была вручена премия в июле 1990 года.

«Глаза Беллы», фото сделанное Эвелиной в 1995 г. в ресторане рядом с домом ЭШ в Милане в компании с Борисом Мессерером и хореографом Азарием Плисецким (младшим братом Майи Плисецкой).

Белла и Эвелина дома у Беллы в Москве (фото из архива ЭШ).

Стихи ЭШ на холсте, выставка «Подари мне платок», Музей декоративного искусства, Москва, 2010, собственность МДИ.

Юрий Любимов и ЭШ в театре на Таганке.



Зав. библиотекой и дама с «Иероглифом бесконечности» – одна и та же Личность (фотографика Кати Голицыной) Эвелина Шац.

notes

Примечания

1

Одиссей только на два выходных дня в неделю (на уик-энд) приезжал к семье, а пять рабочих дней проводил на современной Троянской войне – на Франкфуртской бирже, где «люди гибнут за металл».

2

«homo faber» – герой одноименного романа Макса Фриша.